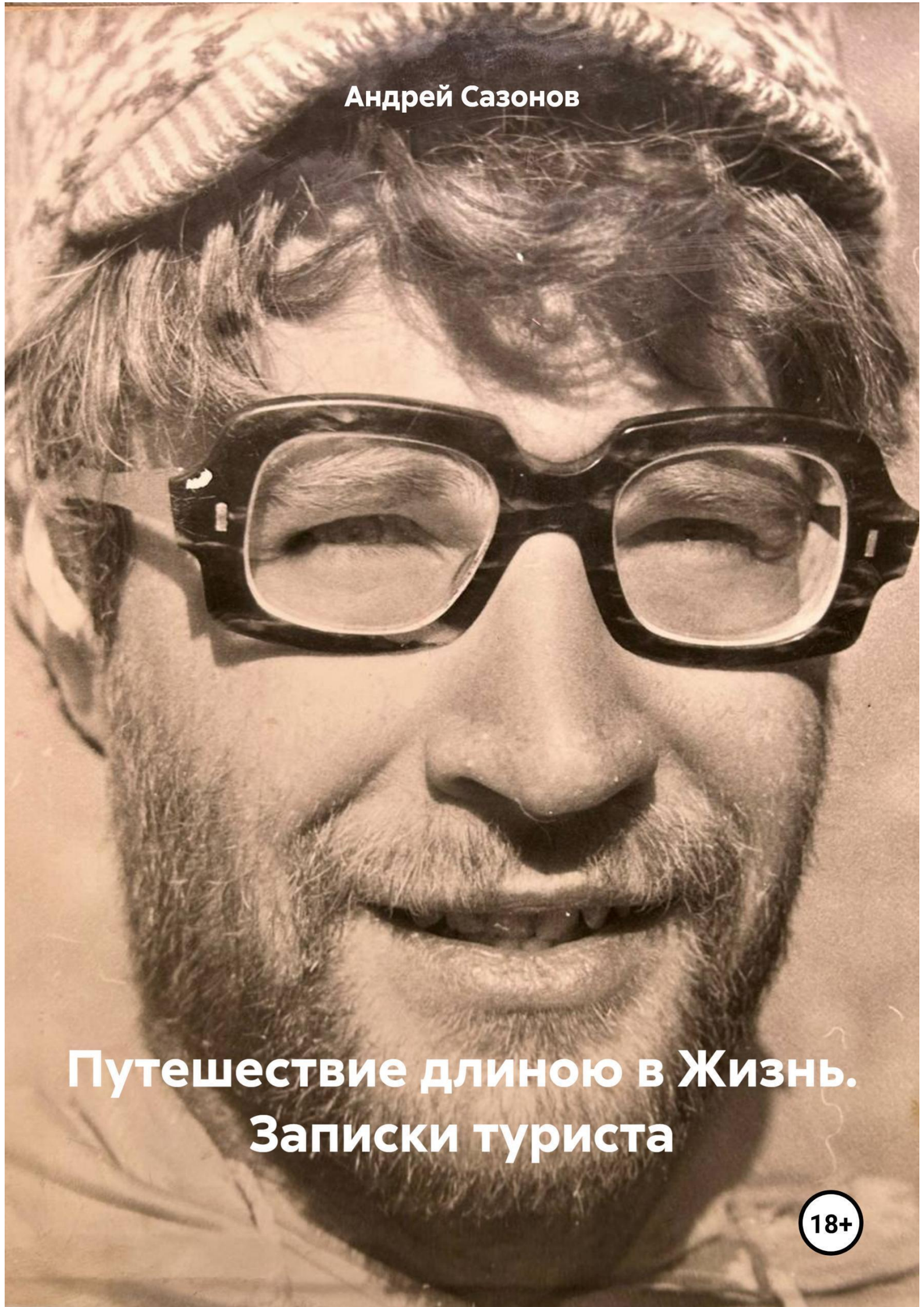

Андрей Сазонов

**Путешествие длиною в Жизнь.
Записки туриста**

18+

Андрей Сазонов

**Путешествие длиною в
Жизнь. Записки туриста**

«Автор»

2024

Сазонов А.

Путешествие длиною в Жизнь. Записки туриста / А. Сазонов —
«Автор», 2024

Андрей Викторович Сазонов - инженер-радиоэлектронщик по образованию. Однажды, в студенческие годы сходя в поход, он понимает, что в мире ещё бесчисленное количество непройденных дорог, и посвящает этому всю свою Жизнь. Может быть и о себе вы прочитаете на страницах этой книги...

© Сазонов А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Глава 1. ЗНАКОМСТВО	9
Глава 2. ПЕРВЫЙ ПОХОД	14
Глава 3. МЕЖСЕЗОНЬЕ	23
Глава 4. ПЕРВЫЙ ПЕШЕХОДНЫЙ ПОХОД – УРАЛ	26
Глава 5. ВЫНУЖДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ	33
Глава 6. ВПЕРВЫЕ В КАРЕЛИИ	35
Глава 7. ПЕРВОЕ РУКОВОДСТВО	43
Глава 8. СНОВА ВАЛДАЙ	49
Глава 9. ПЕРВЫЕ ГОРНЫЕ ПОХОДЫ	52
Глава 10. ВСЁ ЛЕТО В ГОРАХ	62
Глава 11. СОРЕВНОВАНИЯ И НОВЫЙ ПОХОД	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Андрей Сазонов
Путешествие длиною в
Жизнь. Записки туриста

*«Мы сами себе выбираем маршруты,
Находим надежных друзей»*

Пролог

Я ехал в поезде из Москвы в Кисловодск в обычном плацкартном вагоне. Соседом оказался мужчина средних лет, в сером костюме, с курчавыми волосами, с резким волевым лицом. В лице его было что-то неуловимо знакомое мне, но что – я никак не мог вспомнить. Он не навязывал знакомство, я тоже, сидел, и то смотрел в окно, то читал газету.

В соседнем купе ехали туристы, это было видно сразу: рюкзаки хорошие, но уже сильно потёртые; одежда: капроновые аноракки, флисовые кофточки разных цветов, хорошие горные ботинки, тоже слегка потёртые. Заметно, что уже бывалые, они всё делали быстро – быстро расположились в вагоне, достали самое нужное – посуду, полотенца и еду – традиционную китайскую лапшу с колбасой и чай с печеньем.

Я разговорился с ними:

– Откуда вы? Куда едете?

Они радостно отвечают:

– Из Москвы, едем в Майкоп, пойдём на Тхач, Ачешбоки, Лаго-Наки.

– А, понятно, знакомые, очень красивые места – говорю я.

– А вы там были? – спрашивает немолодой уже мужчина, седоватый, видно руководитель.

– Да, пришлось походить, но давно это было, в 1980 году, на сборах под Майкопом был, а после поход пешеходный прошли, 3-й категории сложности. Руководитель ещё из Майкопа был, хороший инструктор, Сергей Пургаев.

Смотрю, а мой сосед очень внимательно на меня взглянул, а потом спрашивает:

– А откуда вы знаете Сергея Владимировича?

– Он был нашим руководителем, вёл нас две недели через горы – отвечаю я. Он очень много дал мне в плане туристского опыта и руководства, а затем я ещё ездил к нему в гости. Я был у него сразу после его свадьбы, посуду ещё мыл.

– Как это? И когда это было? – спросил Владимир Сергеевич.

– В мае 1981 года был поход, а осенью 1982 года я к нему поехал, за снаряжением. Приезжаю рано утром, кажется это воскресенье было, прихожу в его дом, на улице Хакурате, стучу в калитку, но никто не выходит. Я долго стучал, затем зашёл во двор, деваться мне было некуда. Подхожу к дому, стучу в дверь. Выходит, сонный Сергей и, увидев меня, говорит:

– Здравствуй, Андрей, а у нас вчера свадьба была... Только легли недавно...

Смотрю я, а весь большой двор с садом, со столами под яблоней, уставлен грязной посудой: стаканы, кружки, салатницы, блюда, кастрюли и многочисленное количество вилок, ложек и ножей валяется повсюду. А Сергей спит на ходу...

Я и говорю:

– Давайте, спите пока, а я помогу, посуду помою. Где вода? И в чём мыть?

Сергей кивнул на кран с водой во дворе, детскую ванну на краю огорода и порошок, и ушёл спать. А я часа два мыл нескончаемые тарелки, ложки и стаканы... И только потом мы с Сергеем поздоровались по-настоящему и приступили к делу – стали готовить завтрак.

– Тогда понятно – протяжно произнёс незнакомец. А я его сын, Владимир. А вы, наверное, Андрей Сазонов? Он часто вас вспоминает, вы ему хорошо помогали тогда. Вы ему тоже понравились, жаль, что дружба прервалась. А что тогда произошло?

– Да я сильно занят был, постоянно ходил в походы, сам водил людей. Да и работал, служил в армии, а затем уехал на Дальний Восток и связь потерялась – как-то тихо проговорил я, чувствуя себя виноватым.

Я оторопел, так внезапно, через 45 лет встретить сына моего хорошего знакомого, много мне давшего – это был очень редкий случай в жизни, один из многих, происходивших со мной всю жизнь. Вот откуда я знаю его лицо...

– А как он сам? – спрашиваю Владимира.

– Да, скрипит потихоньку, чаще дома сидит, во дворе, редко, когда выходит – стар стал, ему ведь уже 79 лет. Он ведь в том походе сердце посадил, прошёл его с воспалением лёгких, долго болел, лечился. А потом снова стал ходить, сначала ненадолго, а потом и дольше. А затем в спасатели пошёл, как МЧС создали.

Соседняя группа туристов в лёгком шоке. Сидят притихли с открытыми ртами. Они впервые видят такую встречу! Через 45 лет! Когда встречается друг отца с его сыном. Просто рядом купили билеты на поезд!

И тут одна девушка, с двумя косичками, по виду только окончила школу, спрашивает:

– А как вы начали ходить в походы? Ведь тот Кавказ был не первый ваш поход?

– Да, не первый, и не последний, их было очень много, я ходил всю свою жизнь, задумался я...

– Расскажите, расскажите – посыпалось со всех сторон.

Делать в поезде особо было нечего, спать не хотелось, и я стал рассказывать о своей жизни, проведённой в путешествиях. Трудной, но по-своему счастливой. Обо всём.

Предисловие

В эпиграф я вынес строчку из песни «Маршруты» на стихи Николая Дорожкина и Игоря Гордина. Она наиболее точно описывает саму суть наших походов – мы выбираем маршрут сами, стараясь найти поинтереснее, приемлемое по сложности и по окружающим экскурсионным объектам – чтобы после похода посетить главные достопримечательности края, куда мы приехали отдыхать. Но в этой строчке есть и вторая часть – «находим надёжных друзей». И это правда – с нами обычно нет случайных людей. Конечно, исключения бывали, порой не очень приятные. Но чаще – приятные истории, вплоть до свадеб – где же лучше узнать свою половину?!

В этой книге я хочу рассказать вам о том, как я начинал свои путешествия, как мы выбирали маршруты, выбирали с кем пойти. И, главное, как приобретался опыт походов в **ненаселённой** местности. Как готовили снаряжение, одежду, продукты. Как изменялись наши характеры, как набирался опыт, как менялись интересы и что получилось в итоге.

Прошу не считать эту книгу каким-то учебником туризма – их много и без неё: «Справочник туриста», «Питание туристов в походе», «Безопасность в горах», «Психологический климат в туристской группе» и много- много других популярных книг о том, как выбрать маршрут, как подобрать или сделать самому снаряжение, как организовать питание в походе и какие взять продукты и т.п. Кроме этого, есть очень много книг и публикаций с описаниями маршрутов – любых, на всей территории бывшего СССР. А сейчас очень много информации в интернете, только надо не лениться и **захотеть пойти в поход**! Для этого существуют и Правила проведения соревнований по спортивному туризму, где написаны все требования к организации и проведению походов, требования к участникам и руководителям.

Но почему сейчас таких походов становится всё меньше? Почему всё меньше желающих взять палатку и пройти маршрут по ненаселённой местности и получить спортивный разряд? И почему так заорганизована система детского туризма, а кое-где и разрушена вовсе? Почему так получилось?

Эта книга – воспоминания о том, как увлечение спортивным туризмом формировало и изменяло мою жизнь, мою судьбу, а иногда и определяло. Это рассказ о моём опыте занятий туризмом, со всеми его радостями, трудностями и трагедиями, происходившими со мной и моими друзьями. А путешествий было много, совершенно разных, с разными людьми, многих из которых я уже и не помню. Если вы узнаете в именах и фамилиях, появляющихся в книге, себя, своих родителей, своих друзей или вообще ходили в эти походы, прошу написать мне на

электронный адрес этого ресурса, для меня. Может ваши впечатления и уточнения помогут сделать эти воспоминания более полными, и тогда появятся новые участники этих воспоминаний – тех, о ком я мог забыть за эти 48 лет.

Сегодня, в дни СВО, очень многие навыки, которые мы приобрели в своих походах: умение ориентироваться по карте, разбивать лагерь в любое время года, умение организовать быт в полевых условиях и мн. др. очень пригодилось тем, кто сейчас защищает наше мирное небо. Это сильно облегчает нашим ребятам жизнь на фронте и в тылу. И сейчас ко мне приходит много вопросов, главный из которых: «А как вы получили этот опыт? Как нам сделать подобное? Расскажите...»

Именно это и подтолкнуло меня написать эту книгу. В ней вы сможете прочитать и понять, как можно и нужно, или не нужно, действовать в различных ситуациях. Сможете оценить где мы были правы или ошибались – т.е. будете учиться, но не по учебникам, а на основе чужого (т.е. моего личного опыта). Возможно захотите и сможете сами путешествовать также как мы, как тысячи туристов до нас и после нас. Хотя в современных условиях, когда для путешествий многие требуют комфорт, это сделать сложнее. Цивилизация нас расслабляет и портит в какой-то мере. А **возможности испытать себя**, закалить тело и характер есть, хотя и упрощенные, слишком завышаются требования к комфорту. Поэтому, прочитав всё, вы можете сделать выбор – это для вас или нет, а то и совместите наш опыт и современный комфорт. Мне казалось, что у меня получалось это совместить.

В 2000-х годах, когда в магазинах появилось хорошее снаряжение, одежда, материалы, сублимированные продукты – достичь комфорта стало легче. Это помогло облегчить вес рюкзаков, и в длительные походы смогли ходить даже дети 11-13 лет. Современные дети, которым нужен комфорт, постоянная связь, а физически они намного слабее своих предков.

Надеюсь наш опыт походов поможет вам в организации своих походов, поможет преодолеть страх перед руководством такими походами, стать смелее, активнее, ответственнее. Всё в ваших руках. Дерзайте, пробуйте, путешествуйте, и пусть эта книга поможет вам в выборе – идти в поход или лежать на диване.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Глава 1. ЗНАКОМСТВО

Скажу сразу, путешествовать я любил с раннего детства – лет с 5. В то время мы семьёй ездили на машине – от Свердловска (ныне Екатеринбург) в Крым и на Кавказ, на море. В то время (60-е годы прошлого века) кое-где не было даже дорог в их современном понятии. Например, между Свердловском и Пермью – двумя городами миллионниками, где-то километров 200 машины ехали по колею в песке, из которой даже выехать было невозможно. Да и в других местах было не лучше. Но, конечно, чем ближе к Москве, тем дороги были лучше. Но всё равно, проехать 3-4 тысячи километров, даже пассажиром, в таком возрасте, в котором был я (6-7 лет), требует каких-то усилий, выносливости, терпения, устойчивости к разным, не очень благоприятным событиям – заблудиться, ночевать в машине, съехать в кювет. Но всё компенсировалось путешествием – новые места, события. Чего только стоила поездка на грузовой машине, на барже от Перми до Горького (ныне Нижний Новгород). Неделя на реке, проходы по шлюзам через плотины. Видеть, как твоя машина летит по воздуху над тобой, перебираясь с баржи на высокий причал, и наконец – море! На Урале таких впечатлений просто не найти! А на море – жизнь в палатке, приготовление пищи или на костре, или на паяльной лампе – очень необычно для городского ребёнка. До сих пор эти детские впечатления остаются самыми лучшими, и, я думаю, они и определили мой выбор в дальнейшем.

В 1969 году по служебной необходимости моего отца перевели из Свердловска в Запорожье. Он был военнотружущим. А меня на время переезда отправили к деду, Ивану Харитоновичу, в Кисловодск. В самом Запорожье впервые я оказался в январе 1971 года. Дед привёз меня в новую 3-х комнатную квартиру в микрорайоне «Космический». Перед домом тогда был огромный пустырь, это была южная окраина города, в нескольких километрах от дома было Каховское водохранилище. Его хорошо было видно из окон нашей квартиры на 5 этаже.

В школе я нигде не ходил – я даже не знал, что были станции юных туристов, где в довольно сложные походы ходили дети. Вновь встретился я с путешествиями в сентябре 1976 года, сразу же после поступления в институт. В один из дней я увидел на доске объявлений текст: «Кто любит путешествовать, увидеть белые горы Кавказа, синие реки и тайгу, приглашаются в аудиторию 321 после 3-й пары». Конечно, мои ноги сразу пошли в эту аудиторию. В ней я встретил группу ребят, часть из нашей группы, часть из других, довольно много, человек 30. И ещё в ней сидели человек 25 со старших курсов. Оказалось, что это было ежегодное собрание туристической секции нашего Запорожского машиностроительного института (ЗМИ).

Я услышал, что ребята сходили несколько раз в «единички», что у них появились «двойки» и «тройки», *которые прокомментировали «в зачётках» – все смеялись*. Конечно, чуть позже мы узнали, что «единички», «двойки» и «тройки» – это категория сложности маршрутов. Естественно, пригласили и нас участвовать в этих походах, даже составили списки групп для участия в походе 1 –й категории по Крыму в ноябре! Конечно, все вновь пришедшие на собрание, записались. Но чуть позже организаторы объяснили, что для того, чтобы идти в поход, надо ходить на тренировки – по воскресеньям, с 9 утра на историческом острове Хортица в городе Запорожье. Какие будут тренировки, не сказали...

И вот в ближайшее воскресенье все, кто был на собрании, собрались на вокзале и на электричке по-студенчески, без билетов, добрались до острова, оттуда через 20 минут вышли на берег Днепра. Место великолепное – широкий пляж, с редкими большими деревьями, скалы из красновато-коричневого гранита высотой 10-15 метров. На другой стороне Днепра скалы до 30 метров высотой, из такого же гранита. И на этом пляже очень много групп молодёжи от 10 до 30 человек. Кто-то поднимается по скалам, кто-то бежит, кто-то просто разговаривает, кто-то ставит палатки. Нас построили, рассказали, что сейчас будет тренировка, начиная с бега. *Более старший из наших спросил:*

– Как побегим, по малому кругу или по большому?

Другой отвечает:

– Давай по малому, они ведь новички...

И мы побежали...

Надо сказать, что до 8 – го класса я был хилый ребёнок, боялся физкультуры, да и зрение уже упало до -7 диоптрий. Я был освобождён от уроков физкультуры по зрению и, так как пропускать уроки было нельзя, сидел с парой-тройкой таких же ребят в спортзале на скамейке, смотря на занятия и игры остальных сбоку. Но в какой-то момент нам это надоело, и я, с парой ребят, стали заниматься сами, рядом с классом. Мы разминались, поднимали гантели, качали пресс, пытались подтягиваться, отжимались. С выходом класса на уроки на улицу мы стали бегать, сначала немного, дальше больше, быстрее. Понемногу укрепляли свои организмы. Хорошо, что учителя нам не мешали, а часто и помогали, да и все остальные ребята тоже. И уже к 10 классу мы могли сдать почти все нормативы, положенные к этому возрасту, играли в волейбол, футбол. Отставала только гимнастика.

Начался бег медленно, группой, по пляжу, затем довольно крутой выход наверх, на скалы (это метров 15 вверх), затем по асфальту до базы отдыха, затем по опытным садам, выбежали на северную часть острова Хортица, уже с трудом забежали на огромный курган, с которого открылся красивейший вид на плотину Днепро ГЭС. Позже здесь был построен Музей истории Запорожского казачества. Далее бежали вниз, по полям восточной стороны острова до моста через Днепр и перекрёстка шоссе, где располагался детский дом с великолепной спортивной площадкой (её построил бывший десантник, и там было всё – и турники, и шведские стенки, и качающиеся брёвна, и подвесные рукоходы, и шесты для подъёма на руках, канаты, брусья и т.д.). Площадка была огромная – одновременно на ней занималось до 50-60 человек. **И никаких заборов! Занимайтесь все, кто желает!** Надо сказать, что за все 15 лет моих занятий на этой площадке сломанных снарядов не было!

Пока мы бежали, потихоньку по 1-2-3 человека ребята отставали, и на площадку прибегали только 12-15 человек (из новичков), остальные подходили позже. И тут открылось, что «малый» круг был 8 км длиной! И те 12-15 человек, которые прибегали первыми, **все остались в туризме надолго**, а некоторые, **типа меня**, и навсегда. И я не сожалею об этом! А тогда, после часовой разминки и тренировки на снарядах, снова бег – 1,5 км на наш пляж, где лежали наши вещи. Несмотря на то, что на пляже было много людей, в основном все городские туристы, за всё время пребывания меня в Запорожье, не было ни одной кражи вещей, оставляемых на пляже без присмотра, ни у нас, ни у других групп. Даже установленные палатки стояли неделями, лишь менялись в них жилыцы (это на время экзаменов, летом).

После такой тренировки купались в Днепре, затем небольшое занятие по скалолазанию и, наконец, набор в туристические группы в Крым, запланированный поход в ноябре, на праздники. Нас тоже записали, **но до похода дело для нас не дошло** – мы учились на факультете электронной техники, и на первом курсе деканат не приветствовал отсутствие на занятиях даже на 3-5 дней. А ребята с других факультетов сходили в свой первый поход в Крым. Нас же пообещали взять уже в лыжный поход, в конце января, на Валдай, на озеро Селигер (между Москвой и Ленинградом).

Учитывая, что у меня не было никакого снаряжения, пришлось им заняться – договариваться с кем-то, чтобы его взять. В то время легче было договориться с прокатом – за небольшие деньги можно было взять рюкзак и спальный мешок. Зимой ещё можно было, а летом – увы, всё разбирали. Но пока мы взяли. А вот лыж там не было, а если и были, то тонкие, 5см шириной. Нам они не подходили – для глубокого снега нужны были широкие – 7 см шириной. Хорошо, что в спортивных магазинах они встречались. «Турист» – деревянные, «Бескид» – деревянные, прочные, с металлической окантовкой – лучшие в то время. На таких чуть позже шла группа Шпаро на Северный полюс. Я тогда купил себе «Бескид» – 180 см, белые, кра-

сивые, прочные, по бешеной цене в 16 рублей. (Обычные лыжи стоили 3-6 рублей). Со специальными креплениями они весили 4 кг, но это того стоило – очень надёжные. Сломать их было непросто. Но удавалось. Один из наших руководителей, студент 3 курса, Вася Наружный купил такие же, дал проехать какой-то девочке там же, на пляже, и через 20 минут увидел их, стоящими у дерева со сломанным носком. Сейчас я бы сказал, что починить их не проблема, а тогда Васю было жаль – он на них даже не успел встать.

Соответственно, нужны были крепления – тоже надёжные, хотя и тяжёлые. И они тоже были в магазинах – пружинные крепления. Они у меня служили очень долго, я и сейчас езжу на них. Новые такие крепления сейчас достать практически невозможно. Они выпускались на Украине, в Днепропетровске или Харькове. Сейчас продаются конечно крепления, но конструкция гораздо хуже.

Уже в декабре мы знали, кто пойдёт в этот поход – руководитель Надя. Тут уж простите меня, память подводит – не всех я помню по фамилиям, много лет прошло, иногда забываются и имена, но это чаще с теми, кто не сильно часто ходил со мной. Хотя лица людей я помню хорошо, есть часть фотографий. Ещё играет роль то, что многие из тех, с кем я ходил сначала, живут ныне на Украине, а я в 1990 году оттуда уехал и с большей частью ребят связи не имел. По электронной почте общался с некоторыми до 2010-2012 года. А затем понял, что половина тех ребят, с кем я ходил, ел из одного котелка, спал в одной палатке, стали ярыми националистами, и не горят желанием общаться. Но в моей памяти они остались – кто попугайчиками, а кто и хорошими друзьями. До сих пор.

Итак, руководитель Надя. Высокая для девочки, студентка 3 курса, 20 лет, с длинными светлыми волосами, уложенными в подобие косы на голове, с большими, всегда задумчивыми глазами. Спокойная, тихая и очень впечатлительная.

Зам. Руководителя – Сергей Дурнев (3 курс) Невысокий, крепкий парень лет 23-х, тоже студент 3 курса, учился с Надей в одной группе. Слегка лысоват, волосы светлые, усы (иногда борода). Сильный, коренастый, мастеровитый, помогал и опекал Надю. Тоже спокойный, вежливый и участливый.

И новички: Таня Куприна. Невысокая, темноволосая, крепко сложенная девочка нашего возраста (всем было по 17-18 лет). Училась на нашем курсе, но факультет Энергетический. Сильная, выносливая, весёлая и общительная.

Женя Давлад. Светловолосый парень, слегка полноват, но крепкий, сильный и выносливый. Дружелюбный, весёлый, хороший гитарист.

Юра Панфилов. Высокий, худощавый, с длинными волнистыми волосами, всегда улыбается, прикалывается, шутит, смеётся. Но, когда надо, серьёзный, заботливый, участливый и справедливый.

Сергей Шимко. Высокий, худой парень, с удлинённым лицом, длинными пальцами на руках. Серьёзный, участливый, сильный и выносливый. И ещё двое студентов 1-го курса (один из них Я), всего 8 человек.

Надо сказать, что сила и выносливость, участие, взаимопомощь, готовность всегда оказать помощь и поддержку слабым были у всех, у кого в меньшей, у кого в большей степени. И эти качества улучшались от похода к походу. Я думаю, это характерно почти для всех туристов, но были и другие примеры. Об этом будет сказано позже.

Поход планировался первой категории сложности – самый лёгкий, всего на 8 дней по озеру Селигер, 150 км, на лыжах. С тех пор нормативы по километражу немного изменились – категории остались те же, но километров, необходимых для 1 категории, стало меньше – 130 км. Народ стал слабее. **А тогда пройти за 8 дней 150 км было легко!**

О других походах и их категориях позже, когда о них зайдёт речь. А о нынешних требованиях к походам можно легко узнать в нормативных документах на сайте Туристского Спор-

тивного Союза России. Там можно узнать всё. А на других сайтах можно прочитать отчёты о путешествиях. Ищите да обрящите. Как написано в Библии...

Как и сейчас, чтобы официально выйти в поход (официально – для присвоения спортивных разрядов по туризму, от 3-го взрослого за поход 1-й категории сложности, до мастера сорта) надо было зарегистрироваться в Маршрутно-квалификационной комиссии (МКК), в которой состояли наиболее опытные туристы, с которыми мы часто встречались на тренировках на острове Хортица, и иногда ходили в походы высоких категорий. Тогда, чтобы зарегистрироваться в МКК, мало было только выбрать маршрут, предоставить список группы с опытом их походов, но и сдать почти-что экзамен на знание маршрута (всей группой), сложных участков пути, способов их преодоления, способов экстренной эвакуации, первой медицинской помощи (каждому участнику), а часто и пройти проверку на местности, где показать членам МКК всю одежду, которую вы возьмёте (каждый), всё снаряжение, аптечку, ремонтный набор и продукты. И только тогда вас выпускают в поход – т.е. ставят печать в маршрутную книжку – одну вам, вторая остаётся в МКК. А в первой маршрутной книжке вы на маршруте делаете отметки в населённых пунктах о прохождении маршрута, а если их нет – прилагаете фотографии. И позже пишете письменный отчёт о путешествии, страниц на 20-40, для других групп, желающих пройти этим маршрутом. И только после этого участники похода получали справки о прохождении маршрута. А если кто-то плохо себя показал в походе (такие были, хотя и немного), то мог и не получить справку, или получить, но с такой характеристикой на обороте, что больше никто его в поход не возьмёт.

Состав нашей группы собрался ещё в декабре. Новы й год мы отмечали своей студенческой группой, хорошо отмечали, а 2 января у нас был экзамен по истории КПСС с самым жёстким преподавателем. И мы его сдали! Я, да и многие – на 5. Потом ребята говорили, чтобы сдать экзамен на 5, надо хорошо напиться перед ним. Но повторять не советую, не у всех получается.

Экзаменов у нас было 5, но уже в начале января мы взяли билеты на поезд до Москвы на 27 января. Так что стимул для хорошей сдачи экзаменов был. А тут ещё числа 10 января выпал снег, сантиметров 15 – а на лыжах мы, практически все, ни разу не стояли. И стали мы ездить каждый день на остров Хортица кататься на лыжах, и, надо сказать, кое-чему научились – их одевать, переставлять ноги, даже падать. Но опыта двигаться на лыжах всё равно не было.

Все наши ребята были нормальными студентами – сдали сессию хорошо. И вот, после последнего экзамена сборы дома, а вечером – на вокзал. Поезд на Москву уходил из Запорожья в 19.30. Как специально для нас шёл дождь. В автобусе люди улыбались, слышалось ото всюду «дождь идёт, а мы на лыжах». А когда задавался вопрос:

– А вы куда? Дождь же идёт.

Я ответил гордо:

– Далеко на Север.

В глазах и на лицах пассажиров появлялось уважение, улыбки исчезали, и все желали нам успеха. Рюкзак был с непривычки тяжеловат, но терпимо – я думаю килограммов 16, тогда я ещё не взвешивал его, не знал для чего это надо. Это по сравнению с более поздним весом моих рюкзаков была очень смешная цифра. Но тогда казалось очень тяжело. Хотя в рюкзаке вещей было немного. Сам рюкзак из проката, спальный мешок из проката, коврик для сна (о нем чуть позже, а пока мне дали чей-то), тёплый х/б лыжный костюм, футболка, тёплые носки, кроссовки (для поезда), бахилы, продукты на 8 дней – 8 кг и у меня фотоаппарат ФЭД с плёнками. Тяжёлые ботинки типа «Вибрамы» были на мне. И тонкая курточка.

Когда мои родители узнали, что я хочу заниматься туризмом, не было никаких протестов, а только всемерная помощь, конечно, в первую очередь деньгами. И хотя я получал стипендию в 55 руб. (это только на нашем факультете обычная была 40 руб.), на лыжи, спальный мешок, ботинки и поездку не хватало. Походы обходились очень дёшево – зимой 40-50 руб., летом –

50-70 руб. Это со всеми расходами – билеты, продукты, аренда транспорта в походе, даже на банкеты хватало, но это только в Европейской части СССР. На Дальний Восток путешествие обходилось дороже – до 250-300 руб., с билетами. Но до Урала нам из Запорожья хватало вполне. Отец, узнав, что надо шить бахилы (Это мешок на ноги, примерно до колена, из ткани, для защиты ног от снега, чтобы он не забивался в ботинки, но этот мешок ещё и очень хорошо защищает ноги от холода при больших морозах от -10° , до -50° , проверено на себе), сделал их на заводе в виде чулка, плотно облегающего ботинки из толстого брезента. Удобно, нигде ничего не болтается, но одевать их было сложнее – ботинок плотно входил в носок бахил.

Глава 2. ПЕРВЫЙ ПОХОД

Валдай 1977 год

На вокзале всегда было много людей – поездов много. Но на Москву, в тот час, больше всего – на целый поезд. На нашу весёлую и шумную группу внимание обращали, но не сильно. А мы стояли в зале ожидания, возбуждённые, довольные – как же, сдали первую сессию и **сами** уезжаем за 1000 км от дома. Провожающих обычно у нас не было – всё было сказано дома, а многие были из общежитий.

Поезд подошёл вовремя, новые вагоны, полумягкие сиденья, белые простыни на верхних полках – это для нас было лишним. Постель стоила 1 рубль, но у нас была своя, а 4 рубля за поход (у нас было 2 поезда туда и обратно) давало нам существенную экономию (билет в Крым из Запорожья стоил 3 рубля – а это ещё один поход!) Обычно проводники нормально реагировали на это, но бывали случаи, когда злобным голосом предупреждали:

– Тогда матрасы не брать!

Да и ладно, спокойно в спальнях мешках поспим, всего одна ночь! И та короткая – обычно первую ночь почти не спали, пили чай, играли на гитаре – у нас было 2 хороших гитариста – Женя Давлад и Юра Панфилов. Правда пели не очень долго, до 23 ч (в поезде тоже есть отбой и выключался свет). Это, конечно, нас не останавливало, но были ещё проводники и иногда очень скандальные пассажиры. Приходилось прекращать петь, иногда под угрозой высадки с поезда. Но реальной высадки у нас никогда не было – мы же всё-таки дисциплинированные студенты.

Поезд шёл всего 11 часов и уже в 10 часов утра мы вышли в Москве на Курском вокзале. Сразу же поехали на метро на станцию Комсомольскую – нам надо было попасть на Ленинградский вокзал, откуда уходил в 20.00 поезд «Москва – Осташков». Надо было взять билеты и сдать наш багаж в камеру хранения до вечера – рюкзаки и лыжи.

Поезд «Москва – Осташков» был летним, и тогда билетов на него было не достать – пол-Москвы ездили в Осташков как на дачу. А зимой поезд был пустой, и проблем с билетами не было. Сложности возникли со сдачей вещей, вернее с ценой. Считалась каждая вещь, даже привязанная к рюкзаку, поэтому цена хранения казалась, да и была огромной. Мы ухитрились сильно её уменьшить, связав все лыжи в одну связку и убрав, привязанные к рюкзаку спальные мешки внутрь рюкзака. Надо сказать, что эти правила хранения действуют до сих пор и везде, так что это надо учитывать, если хотите сэкономить. Мы сэкономили около 10 рублей. Этого хватило бы два раза всем поесть в столовой. Довольные, мы вышли на Комсомольскую площадь и разъехались тремя группами – кому-то хотелось на Красную площадь, кому-то в магазин, кто-то хотел есть. Договорились встретиться в 19.00 у касс. И разъехались.

Нас было трое – поехали на Красную площадь, зашли в ГУМ, затем пошли искать какое-нибудь недорогое питательное заведение, типа кафе и нашли его где-то на Ленинградском проспекте у большого спортивного магазина. Ребята купили в том магазине что-то небольшое – на пути в поход большое не купишь, нести на себе придётся. А вот некоторые продукты мы покупали, в Запорожье не было смысла покупать то, что можно было взять в Москве. Да и в то время в том же Запорожье не всё можно было найти, типа полукопчёной колбасы или сыра. Вот после этого можно было возвращаться на вокзал.

Вернулись мы часов в 18, около касс была уже группа Юры Панфилова. Они стояли и смеялись. Когда мы спросили, что случилось, смех усилился, а затем кто-то произнёс: «Пирожки с горохом», и тут они чуть не упали от смеха. А что же у них случилось, мы узнали позже, сейчас они просто не могли рассказать.

В рассказах о том, кто где ходил в Москве, время до 19 часов пролетело быстро. Мы взяли свои вещи из камеры хранения и зашли в поезд – в пустой вагон.

В 6 утра поезд пришёл в Осташков. Наша группа вышла из вокзала на площадь и остановилась – куда идти? Темно, а улицах море снега – сугробы вдоль тротуара с рост человека, не видно, что едет по дороге, да и тротуар шириной сантиметров 50 (ширина лопаты) – у заборов те же сугробы. Пока было тепло – около 0°, пасмурно, лёгкий снег.

Ещё дома, когда мы готовились к походу, нам дали адрес в Осташкове, где живёт женщина, у которой год назад останавливались наши же туристы. Оказалось, это было далеко, и надо ехать на автобусе. Часам к 7 утра мы добрались до нужного дома – он стоял на берегу озера Селигер. Хозяйка была дома и радушно приняла нас. Её звали Клавдия Александровна Варварина.

Дом большой, деревянный, в доме тёплая печь, на стенах ковры и много фотографий. Оказывается, что хозяйка – вдова бывшего советского солдата, попавшего в плен, бежавшего, оказавшегося в Италии и ставшего героем итальянского сопротивления – гарибальдийцем. Мы пили чай и слушали рассказы хозяйки, было тепло и уютно – сегодня мы никуда не идём, готовимся.

Эту тактику я перенял и использовал во всех своих дальних походах – приехать и первый день посвятить или экскурсиям, или подготовке снаряжения, а часто и сбору лишних вещей. В том числе тех, в которых ехали в поезде, которые не будут нужны в походе. И чтобы их не тащить на себе – сдать их или на склад, или оставляем их в том же доме, откуда мы уходим (конечно, если вы запланировали туда же вернуться). В походе каждый грамм, который несёшь на своих плечах, на счету!

А пока, сварив обед из оставшихся от поездов продуктов (наша походная раскладка начинается завтра, и сегодня её тратить нельзя), мы взяли лыжи и поехали кататься на озеро, тренироваться.

На озере 30-50 сантиметров снега, мокрого, липкого, приходится тропить лыжню – это тяжело, а ведь у нас ещё пока нет рюкзаков!

Поэтому мы прогулялись недалеко – до острова Городомля, где в Осташкове парк отдыха, но получилось недалеко, 3-5 км за час прогулки. Мокрые, уставшие мы вернулись в дом. Уже темнело, часов 16, на Севере темнеет рано, светает поздно. Да и работ по дому много – надо наносить воды из проруби в озере – 50-60 метров от дома, убрать снег со двора и от дома (это помощь хозяйке). Потом приготовить ужин и завтрак, наносить дров, топить печь (это тоже помощь). Дальше собрать и подготовить свои вещи – и это всё за 2-3 часа до сна. Но мы все воодушевлены предстоящим походом, довольны, веселы, постоянно слышно шутки и смех.

На ужин у нас была каша с тушёной. Все ели быстро, только Надя ела медленно, нехотя. Тут Юра ей и говорит:

– Давай ты съедаешь всю кашу, а мы расскажем тебе о пирожках в Москве...

Надя тут же заинтересовалась, только просит:

– Вы сначала скажите, а я потом доем.

И вот тут мы узнали, что произошло в Москве с ребятами и отчего был такой смех на вокзале.

Оказывается, когда ребята (ещё трое) ушли с вокзала, то сразу пошли в какую-то столовую. Встали в проходе между столами оглядываются. В это же время от столика у раздачи бежит бабка и прикрывает рот рукой. Двое ребят это видят, а третий – нет, и продолжает стоять в проходе. Ребята его оттягивают, он упирается, бабка пробегает мимо них и в это время прямо на наших ребят извергается изо рта бабки струя. Двое-то увернулись, а третий был облит сильно, как оказалось, пирожками с горохом, продававшимися в этой столовой. Ребята, да и все мы сильно смеялись, когда это представили. Да и рассказывал Юра очень весело, но Надя оказалась очень впечатлительной, долго сидела над своей кашей, отставила её, говоря:

– Я больше не буду есть.

Как мы её потом не уговаривали, есть она уже не могла. Я теперь эту историю рассказываю детям для воспитания устойчивости к неблагоприятным факторам.

А вообще, эффект от такого воспитания есть, и большой. Именно в целях отучения от такой мнительности и ложной брезгливости.

Утро 30 января 1977 года, 6 часов утра. Подъём в темноте, а в доме тепло, вставать не хочется, но надо – сегодня наш первый ходовой день. Приготовив кашу и чай на печке, поблагодарив хозяйку, выходим на берег озера – это 10 метров. Погода такая же, около 0° С, идёт небольшой снег, дымка. Далее о погоде писать не буду – все 7 дней она оставалась такая же, но иногда снег становился сильнее – т.е. хорошей видимости за весь поход не было, как и морозов. А снег был липкий.

Натираем лыжи свечками – иначе они по такому снегу просто не поедут. Пытаемся определить, в какой последовательности одеваться – сначала рюкзак, потом лыжи, или наоборот? Те, кто сначала одел рюкзак, наклонялись, чтобы пристегнуть лыжи, и падали под весом рюкзака вперед, головой в снег. Рюкзак сползал на затылок и встать из такой позы было невозможно. Так мы экспериментально определили, что одеваться надо так: сначала одевали лыжи, застёгивали крепления, затем палки ставили рядом, брали рюкзак, который тоже стоял рядом, одевали его, а затем брали палки и одевали их темляки на запястья. Но была проблема – рюкзак тяжёлый, резко подняв его, нарушалось равновесие, и ты падал на бок. Единственное отличие – в этом варианте встать можешь самостоятельно. И попытка повторяется ещё раз.

Минут через 15 все оделись и стали спускаться на озеро, причём отличия берега ото льда не было видно – везде снег, глубиной около 30 см. С учётом утренней полутьмы (было 9 часов утра, рассвет только начинался). Не было видно ни ям, ни рельефа. Где-то справа, тёмной массой, виднелся остров Городомля, слева – бесконечная серая равнина, впереди – тоже, но в этом направлении шла наезженная дорога. Нам пока надо идти по ней – снега меньше.

100 метров до дороги мы почти что ползли – опыта хождения на лыжах с рюкзаками у половины группы не было совсем. С падениями, медленно, вышли на дорогу. Дорога наезженная, скользкая – поэтому снова новые падения, когда лыжи быстро уезжают вперёд, а рюкзак остаётся на месте. Опыт движения на лыжах растёт...

Уже через полчаса мы быстро шли по дороге. Про толщину льда мы знали, и ничего не боялись – во-первых, дорога, а во-вторых – мы видели в проруби толщину льда, около 1 метра. Нам с ведром почти нырять в неё приходилось, чтобы добраться до воды.

Конечно, идти по дороге хорошо. На траверсе следующего острова стоит **огромный** пустой монастырь с **огромной** центральной церковью, куполом, крестами, множеством 3-5 этажных строений. Мы его видели, как мираж – он возник из тумана справа и чуть позже также исчез. Он был в полуразрушенном состоянии, тогда мы не знали, что будет с ним дальше. Уже в начале 2000-х годов промелькнуло сообщение об открытии на этом острове действующего монастыря. Так что теперь его можно видеть во всей красе! А вид очень внушительный!

Маршрут у нас был построен по схеме кольца – выход из Осташкова, затем на Север по озеру, мимо монастыря чуть влево – в залив, где стоит большая турбаза «Сокол». Затем через озеро – направо, деревня Кравотынь, затем по озеру на запад, к деревне Свапуще, оттуда радиально (т.е. без рюкзаков) к истоку реки Волги, далее на юг, по озеру Пено до деревни Поребрица. И снова на восток, к Осташкову. Всего 7 дней, 160 км, на лыжах.

И вот, стоя у монастыря, мы решали, куда идти – слева серая пелена, ориентиров нет никаких. Берём карту, компас, определяем азимут на турбазу, и идем просто по направлению, в полном тумане. Доверяя карте и компасу, уходим влево с дороги и начинаем тропить лыжню. Тропить – идти по глубокому снегу, протаптывая лыжню для следующего участника, второй идёт уже по частично утоптанной лыжне, ему уже легче. Затем третий, четвёртый... Легче всего последнему – готовая, хорошая дорога, иди и радуйся. А первому тяжелее всего, очень утомительная, но отличная жиросжигающая тренировка! Поэтому обычно первый идёт

200 – 300 шагов, затем отходит в сторону, второй становится на его место, т.е. первым, а тропивший пропускает всю группу и становится заключительным, «отдыхает» от пахоты. Но обычно в конце шли наши 2 девушки, поэтому тропивший становился перед ними. Этот способ даёт возможность довольно быстро идти по глубокому снегу. Конечно, чем глубже снег, тем медленнее общее движение. Причем первый должен идти со всей возможной скоростью. Он сильно устаёт за эти 200 – 300 шагов, но, пока идёт сзади, успевает отдохнуть. Но всё равно физическую подготовку надо иметь очень хорошую, а для этого постоянно тренироваться. Вот поэтому у туристов первый поход, а в походе первый день, всегда самый тяжёлый. Хотя с днём можно поспорить – обычно это второй день, почти всегда в этот день люди идти не могут. Я говорю о сложных многодневных походах, но это же относится и к 2-4-х дневным походам. Иногда, в таких походах, усталость проявляется ещё резче – ведь в такие походы ходят совсем неподготовленные люди.

Пройдя 40 минут по снегу (толщина снега на льду около 30 см), тропить для нас пока тяжело, делаем привал. Это обычный график движения, рекомендованный опытными туристами – 50 минут идёшь, потом 10 минут отдыха. В день таких «переходов» обычно бывает 6-8, т.е. 6 – 8 часов ходьбы.

Но в сложных или тяжёлых условиях рекомендуется уменьшать время ходьбы и увеличивать время отдыха. Например, при движении по болоту, на подъёме, при троплении глубокого снега и т.п. А иногда, в этих же условиях, увеличивается время движения – из-за невозможности остановиться и полноценно отдохнуть. Например, крутой подъём или середина болота. Но, главное, не преувеличить время отдыха – иначе можно и до конца маршрута не дойти.

С точки зрения туриста – 40 минут – это время, после которого очень сильно начинают болеть плечи от рюкзака, когда его несёшь, с весом более 15-20 кг, обычно это в первые дни похода. И думаешь не о маршруте, а о том, как бы скорее снять ношу с плеч. В следующие дни и рюкзак «худеет», продукты то потихоньку съедаются, и плечи уже привыкают к нагрузке, и рюкзак уже приживается к тебе, как родной.

У нас за временем следил заместитель руководителя (Нади) Сергей Дурнев. Он безжалостно поднимал всех, когда проходили 10 минут отдыха.

Пока очень тяжело для нас было одевать рюкзак на глубоком снегу, поэтому «со скрипом и стонами» все поднимались и снова шли. Но стоны большей частью были игрой – для смеха, и часто это помогало всем, ребята-новички видели, что они не одни, другим тоже тяжело.

На втором от дороги переходе мы увидели слева какой-то мыс с лесом, а скоро попали на попутный след от снегохода – скорость движения резко возросла, и уже через час впереди мы увидели в тумане какие-то 3-х этажные здания. Это и была стоящая на берегу озера турбаза «Сокол». Карта и азимут не подвели – вышли мы очень точно.

По плану у нас на турбазе должна быть ночёвка, хотя мы прошли всего 8 км. Так мало получилось потому, что первый день – день привыкания к нагрузке. Ещё потому, что следующий пункт ночёвки – деревня Кравотынь, которая от этой турбазы лежит на расстоянии около 30 км, только по озеру, а ночевать там негде.

На турбазу мы пришли к концу их обеда – часов в 14. Поэтому сделали суп и чай в кухне турбазы, а пока наши дежурные варили обед, мы сняли 6-ти местный номер и обосновались в нём. 6-ти местный номер на 8 человек – это обычная туристская или студенческая экономия. Двое будут спать на полу, спальных мешков хватает. Главное – довольно просторный номер для всех, не было разделения по комнатам.

После обеда – сушка одежды. После многочисленных падений было мокрым всё. Ремонт всего, что порвалось, это обычные действия для любого похода. Затем лёгкий душ, гитарные песни.

Часов в 18 двое дежурных ушли на кухню готовить ужин, мы потихоньку стали готовиться ко сну – лишнее, высохшее снаряжение убрали в рюкзаки, достали спальные мешки и

коврики. А после ужина – дискотека в зале турбазы. Даже не смотря на усталость, мы пошли на дискотеку и там выучили новый танец – маленьких утят, недавно покоровший Москву и Ленинград. Большинство гостей турбазы было оттуда. В Запорожье этого танца ещё никто не знал – на дискотеки мы ходили часто и регулярно.

Дежурные сварили сразу ужин и завтрак – уходить нам надо было рано, с рассветом.

31 января. Раннее утро, 6 часов. Поднялись нормально, сборы, завтрак и в путь. Вышли, когда чуть стало светать, это около 9 часов утра – север, январь.

Сначала пошли по заливу озера у турбазы, дальше, на выходе из залива, нам надо левее, на центр озера Селигер. А у нас слева какой-то бугор, невысокий, но длинный – обходить далеко. Наверное, это длинный мыс, выдающийся в озеро. Мы решили сократить путь, пройти через него. Вот тут мы столкнулись с местным снегом, точнее с его количеством. Кто первым дошёл до берега, сразу стал тонуть в снегу – каждый шаг глубже и глубже, дошло уже почти до пояса.

Идущий за ним погрузился чуть меньше. Я попытался пойти вверх ёлочкой, выдернул лыжу из снега, потерял равновесие и упал. Упал – не то слово, скорее погрузился в воду – внизу никакой опоры, барахтаешься в снегу, на спине рюкзак, на ногах лыжи, и ничего не можешь сделать. Я попытался опереться рукой о почву, но её не нашёл, рука плавала, как в воде – дна нет. Ребята сверху смотрели на меня – стоял хохот. Но когда кто-то из них тоже упал, смех прекратился – все поняли, что в таком же положении могут оказаться все!

Я же в это время снял рюкзак, подтянул палку, наконец-то ею упёрся во что-то твёрдое и встал. Измерили глубину снега – 1,5 метра! Мы, южные жители, никогда не видели столько снега! Естественно, девочки тоже падали. Но с ними было легче – подъезжал кто-нибудь из ребят, становился параллельно её лыжам и рукой вынимал из снега неумелую лыжницу за лямки рюкзака, как котёнка «за шкурку». «Неумелыми», правда были все мы, но ребята хоть учились быстро, да и посильнее были.

Промучились мы на берегу около часа, вывалились вдоволь в снегу. Иногда девочки, да и парни (их тоже стали поднимать также – быстрее получалось) своим весом перевешивали «спасателя» и в снегу валялись уже оба.

Кое-как выйдя снова на лёд, определили азимут на Кравотынь, вокруг снова была белая пелена, а до деревни около 25 км, и пошли по озеру. 30 см снега по льду уже были как 3 см, мы потренировались на полтора метрах. И тут произошло чудо – откуда-то из пелены снега послышался звук мотора, а потом появился, скорее всего, рыбак на снегоходе. Поздоровались, он спрашивает:

– Куда идёте?

Мы отвечаем:

– В Кравотынь. Тогда он предложил:

– Я почти туда же, помогу вам, сделаю лыжню.

И без всякого компаса, карты исчезает в тумане, оставив за собой очень хороший путь.

Довольные, мы очень быстро стали двигаться – как по асфальту (не на лыжах, конечно). Единственное, ориентиров не было, шли наугад, доверяя рыбаку – другого варианта просто не было. Шли час, затем ещё один – ничего не меняется, только уже в туалет захотелось. Вокруг ничего нет – ни деревьев, ни бугров. Остаётся одно – просить девочек отвернуться. А позже и они также делали – полное доверие, без него никак в наших походах.

Ещё через час захотелось есть. А вокруг опять один снег. Нет, слева появилось какое-то тёмное пятно – наверное берег, но до него далеко. Поэтому решаем обедать здесь. У нас, конечно, было так и запланировано – называется «сухой паёк». Были сыр, колбаса, хлеб (пока), конфеты, печенье. Все в довольно скромном количестве. 1 хороший кусок хлеба с колбасой и сыром, 2 печенюшки, 2 конфеты и фляжка чая – 0,8 л на всех, по 100 грамм на каждого. Пластиковых бутылок в то время ещё не было, только алюминиевые фляги, по 2 на группу.

А в «сухие» продукты могли ещё входить рыбные консервы, халва, орехи, сало и, обычно на 3-й день и далее – сухари. Хлеб на длительный поход от 3 дней взять невозможно, он быстро заплесневевает. А сухари, правильно приготовленные, вечны. Они легче по весу, чем хлеб, а вкус бывает разный – зависит от хлеба, из которого они сделаны и специй, с которыми их приготовили.

Вот такие обеды были тогда у нас. Самое интересное, что это всё, кроме рыбных консервов, в магазинах купить было невозможно – доставали через друзей, знакомых, в основном, «с чёрного входа». Тоже самое было с тушёнкой, гречкой, маслом и некоторыми другими продуктами. В свободной продаже были лишь сухие супы, но байка о них впереди.

Пообедав идём дальше. И снова час пути – в окружении снежной пелены.

Начинаются смутные мысли – а туда ли мы идём? А, вообще, куда идём?

И тут Женя ещё добавил:

– А вдруг этот след проложил какой-то вурдалак, и сейчас подойдём к лесу, а там его друзья набросятся и кровь из нас пить будут?

Девочки помрачнели, подумали, наверное, что их первых съедят, мясо то нежное. Но стоять или снова тропить лыжню как-то не хотелось. Да и компас вроде бы туда же показывает. Становилось темнее, день заканчивался, и вдруг, впереди, через пелену снега, проглянула высокая церковь. Действительно высокая, стоящая на высоком берегу озера.

Снегоходный след ушёл вправо, а мы, уже видя ориентир, снова стали тропить лыжню, но уже быстрее. Стала видна цель нашего дня, все старались дойти быстрее.

Но это «быстрее» растянулось ещё на час. Мы шли, а церковь так и маячила вдалеке, почти не приближаясь.

Когда уже стали наступать поздние сумерки, стало темно, но не совсем. Стояла тёмная мгла, но видно было довольно далеко. Церковь внезапно стала рядом, стали видны дома за ней. Поднялись на высокий берег, сняли лыжи и пошли искать ночлег – просится на постой к местным жителям.

Как оказалось, в довольно большой деревне, было очень мало жителей. Многие дома пустовали, и мы около 20 минут искали хоть какой-то жилой дом. Нашли по дыму из трубы.

Конечно, нас пустили, не оставлять же бедных путников без тепла на улице, но предупредили, что печка уже протоплена и больше топить её, даже для приготовления пищи, не будут. Мы согласились, у нас было для этого средство. По опыту предыдущих групп, зная, что местные жители после 18 часов печку не топят, мы взяли с собой электрические кипятильники по 1 киловатту, т.е. большие, для быстрого закипания воды.

Так что зашли в дом, лыжи оставили в сенях, разделись и сразу пить – за день пили только раз, а потели хорошо. Вода стояла на входе, в вёдрах, холодная, с плавающими льдинками, только недавно из озера. Пили, конечно, медленно, но долго. Я выпил 2 большие кружки и поплатился за это – утром у меня сильнейший кашель, болело горло. У некоторых ребят тоже было похожее состояние, но полегче. Потом бывалые туристы подсказали, что воду холодную в походе надо пить с ладошек, горло никогда не заболит.

А пока дежурные (я и Таня) готовили ужин – гречневую кашу с тушёнкой и чай. Чай сделали быстро, чего там сложного, нагрел воду кипятильником и кинул заварку. А вот с кашей пришлось повозиться. Пока каша разваривалась, воды было много, надо было только помешивать кашу кипятильником. А позже мне приходилось мешать кашу с огромным усилием – Тане оказалось это не по силам. И ещё следить, чтобы каша не пригорела, хотя всё равно часть гречки прилипла к кипятильнику, и я долго отмывал его от прилипшей каши.

Хозяева, бабка с дедом, куда-то ушли, а мы поели и тут же легли спать на полу, в своих спальных мешках. И отключились.

1 февраля. Встали с трудом, рано. Хозяева тоже рано встают, и нас подняли. Сборы не особо долгие – всё вынуть из рюкзака, положить туда коврик и спальный мешок вдоль спины,

вниз – запасную одежду, её было очень немного, кроссовки. Одежду, в которой ехать в поезде, оставили в Осташкове. Сверху, на одежду, положить доверенные тебе продукты: 5-6 банок консервов, 5600 граммов сухарей, 1 кг сахара, 3 пачки печенья, сыр или колбаса по 1 кг. И свою посуду: кружку, ложку, миску (КЛИМ – как любят сокращать все туристы эти самые необходимые в походе предметы). У кого-то был ремнабор для ремонта лыж и вещей. У Тани – аптечка, а Юра Панфилов нёс свою гитару. Кто-то нёс котлы – 2 штуки, кто-то кипятильники, а я фотоаппаратуру. Каждый нёс свою долю общественного груза, приблизительно равную. За два дня пути продукты уменьшились у каждого на 1,5 кг. Стало полегче.

После 30 км пути мы двигались тяжело, но уже быстрее, чем в первый день.

Сегодня на предстояло обогнуть остров и повернуть по озеру на запад, пройдя деревню Поребрица.

Погода чуть лучше – на небе серая пелена, а внизу видимость чуть больше – километра на полтора. Хорошо виден один из берегов, центр озера. Потихоньку уходим к северному берегу, на нём наша деревня. Сегодня мы гораздо раньше пришли на ночлег, где-то в 16 часов, ещё засветло. Поэтому, быстро найдя ночлег, ужин готовили на печке, а затем и завтрак. И сегодня вечером мы сидели в большом доме, а Юра и Женя пели суровые походные песни – для всех жителей деревни тоже. Они пришли вечером, все 8 человек.

2 февраля. Обычное утро, к серому небу мы уже привыкли, к озеру и снегу тоже. Идём легко, уже привыкли и к рюкзакам, и к лыжам. Очередная ночёвка, в деревне Коковкино. Схема такая же – идём по деревне, смотрим где идёт из трубы дым, просимся на ночлег. Пока отказов не было.

3 февраля. Сегодня мы покидаем озеро и идём по дороге в самую западную точку озера Селигер, в деревню Свапуще. По дороге идти было быстрее, мы так думали. До Свапуще километров 18 всего. Снега много, дорога укатанная, но не сильно. Идти было легко, лишь иногда, там, где снега на дороге было мало, лыжи разъезжались, и кто-то падал, но это было редко. Каких-то машин или транспорта мы не видели совсем. Только к вечеру мы пришли в Свапуще.

Это большая деревня, почти вся жилая, а найти ночлег оказалось сложнее. Нас отправляли всё дальше и дальше, пока мы не нашли приют в конце деревни у «вечно пьяного» хозяина, как говорили жители. Сделали чай, поели наш «сухой» обед и налегке, т.е. без рюкзаков, вышли к истоку Волги.

Исток Волги – это местная достопримечательность, туристский объект. Наверное, туда есть и дорога, но мы шли по лесной просеке – старой узкоколейке, где были сняты и рельсы, и шпалы. По узкоколейке шла лыжня – оказывается не только мы ходим на лыжах. Вокруг лес, все деревья и кусты засыпаны снегом – красота! И идти удобно – небольшие подъёмы и спуски только ускоряли движение, и опыт уже был, поэтому уже через 1,5 часа непрерывной ходьбы мы прошли эти 8 км и вышли к истоку. По описанию это небольшое болотце в редком лесу, по которому сделаны огражденные мостки длиной метров 50, вдоль которого и течёт ручеёк – будущая река Волга.

Заканчиваются мостки маленькой круглой часовенкой, внутри которой, в центре – источник воды, а по краям – как-бы балкон. Можно наклониться и испить воды из истока реки Волги, прикоснувшись к многовековой истории России, что мы и сделали. По традиции, в таких памятных местах (а также на вершинах и перевалах) надо съесть что-то вкусненькое, т.е. шоколадку. Мы и это сделали – традиции надо соблюдать, как и некоторые туристские приметы, о которых речь пойдёт позже, в других главах.

Довольные своим успехом (мы прошли большую часть пути, отсюда поворот назад, к дому, состояние группы отличное – все здоровы, целы, веселы, лыжи тоже целы) мы быстро возвращаемся в Свапуще. Недалеко от истока Волги, на холме стоял огромный храм из красного кирпича, с пустыми проёмами, заброшенный. Но, по моим сведениям, лет через 15 его восстановили.

В Свапуше нашли дом уже в темноте. Сразу же бытовые заботы – ужин, сушка вещей, сон. Сушить не проблема – проблема развесить почти сотню вещей. В результате всё, всё, всё в доме в наших вещах. У печки копошились Надя с Сергеем, готовили ужин. Мы же готовили вторую комнату ко сну – на полу разложили плотно коврики, под ними – пустые рюкзаки, сверху – подушки из вещей, которые уже высохли. Затем рядом положили спальные мешки. Естественно, если раскладывать мешки ровно, край к краю, то все 8 мешков в комнате по ширине не помещались. Но когда мы влезали в эти мешки, ещё и место оставалось. Это и понятно – мешок шириной 70-80 см, а человек, лежащий боком – всего 40-50 см (нормальный, не толстый, толстый и в стандартный мешок не влезет). Так что в комнате 3х5 метров 8 человек помещаются хорошо.

Когда мы поели, легли спать, а в соседней комнате наши хозяева с соседями громко обсуждали всё – от большой политики до местной жизни, и всё это с выпивкой и не на литературном языке. Мы были культурными студентами и так не разговаривали. Мы терпели, не хотелось спать на снегу под забором, да и слушали недолго – быстро отключились.

4 февраля. Из Свапуше вышли, как обычно, часов в 9. Раньше нет смысла, темно ещё и мелкие ямки и на снегу, и на дороге не видны, поэтому падений было бы больше.

До следующей деревни – Коковкино было недалеко, около 12 км по дороге. С нашим опытом – 3 часа идти. Продукты таяли по 1 кг в день, а прошли мы уже больше половины пути. Поэтому по лесной дороге шли быстро, особо не отвлекаясь на окрестности – погода та же, серая облачность, небольшой снег. Температура снова около 0°, но в минус снег не прилипал к лыжам.

Коковкино – деревня небольшая, и жителей там ещё меньше, чем домов. Она ближе всего к самому известному здесь туристическому объекту – истоку великой русской реки Волги, хотя на истоке тоже есть деревня – Волговерховье, но она в стороне от нашего пути. Мы делаем туда радиальный выход.

Радиальный выход – это выход на маршруте к какому-то объекту, без рюкзаков, чаще всего на день или несколько часов. К историческому, природному объекту, к будущему перевалу и т.д. Расстояние засчитывается только в одну сторону (в общей протяженности маршрута). Используется для

познавательных, исследовательских целей и для разведки перевалов.

5 февраля. Шли сначала по речке, втекающей в озеро Пено, затем по дороге к озеру Пено, около 10 км. Теперь поворачиваем на юг, озеро Пено очень длинное и узкое, вытянутое с севера на юг. Мы всё время видели берега, а шли почти по центру. Изредка по левому берегу показываются деревеньки. Ближе к обеду мы подходили к берегу, заходили в деревеньку, где обычно жили от 1 до 10 человек, и просили попить чаю. Поэтому «сухой» обед превращался в почти нормальный, даже с калориями. Так же было и на озере Пено, в деревне Пореврица, где-то в середине озера Пено. Оттуда идёт дорога на Жуково. На этом участке единственное значимое событие произошло с Юрой Панфиловым. На привале у деревянного дома из стены торчал большой гвоздь и Юре зачем-то захотелось повесить на него рюкзак. Он подъехал к стене на лыжах, развернулся спиной к гвоздю и стал крутиться, пытаясь повесить рюкзак на гвоздь. Но тут лыжи поехали, Юра спиной упёрся в стену, а там гитара торчит в чехле, снаружи рюкзака. Юра упал, а гриф гитары сломался об стену, в месте крепления к деке. Это было печально, как минимум, один вечер мы провели без песен...

Последняя ночёвка перед Осташковом была у нас в большом селе Жуково. Там, где есть сельсовет, искать ночлег было проще. Сначала шли в сельсовет и просились на ночь. Обычно отказов не было нигде, и сейчас тоже. Только хозяева попросили протопить печку вечером и принести воды и дров на утро. Мы же соглашались на всё – хотелось отдохнуть в тепле и не ходить по большому селу в поисках ночлега. На часах 16 часов, ещё светло, и сельсовет ещё работает. Мы под руководством администрации посмотрели, где взять воду, дрова. Часть

из них принесли и сложили в поленницу в сених. Затем разделись и отдыхали в приёмной сельсовета, готовясь к ужину – т.е. принесли воды, достали продукты, котелки и посуду.

В 18 часов нам затопили печь, показали, как её топить и оставили одних. Мы спокойно переодевались, сушили вещи, готовили ужин на горячей печке, понемногу подкидывая дрова в огонь. Юра Панфилов разобрал гитару и стал склеивать гриф, оставив его наверху печки. А мы поужинали, и расположились спать у печки, головой к ней. В помещении, как нам казалось, было холодно, особенно лёжа на полу, и мы продолжали подкидывать дрова – т.е. топили печку 4 часа. Мы же городские ребята, не знали, как её надо топить.

6 февраля. Ночью становилось всё теплее, а к утру стало уже жарко. Печь была горячая. В 6 утра пришла женщина из сельсовета, говорит:

– А, тут у вас тепло, печь топить не надо. И ушла.

А мы сварили завтрак, собрались, поели и в 9 часов вышли. А печку мы по незнанию перетопили – она кирпичная, греется медленно, а мы её топили весь вечер и перегрели.

Гитару Юра починил хорошо, она даже звучала, мы не слышали никакой разницы с до и после поломки, а он все ворчал, что звук уже не тот...

От Жукова до Селигера – километров 25, сначала по дороге 12 км, а затем снова по озеру. Шли быстро, уже привыкли, да и рюкзаки почти пустые – все продукты съедены, осталось на один раз. Обедали же уже на озере, в узком заливе, на выходе из которого мы увидели вдали домики – это был город Осташков. До него ещё далеко, но эти последние 8 км мы быстро проскочили – на озере было несколько снеговых следов. И уже в 16 часов, т.е. засветло, подошли к дому. 7 дней нас тут не было.

В доме разделись, согрелись и расслабились – идти никуда не надо, поход успешно завершён, напрягаться не надо. Поэтому еле ходили, даже поспать успели. Я спал у печки, впервые в жизни. Было так тепло, печка грела, но не жгла. Я отключился, но ненадолго. В 18 часов мы поднялись и стали собираться, поезд наш был в 21.00. Сварили в поезд манную кашу. Сделали густую, чтобы она не вылилась из котелка при переноске в рюкзаке. Она получилась действительно погуще – не могла даже вывалиться из котелка, была вкусная, но твёрдая. Так её и ели в поезде – ложками из котла, иначе не получалось.

До поезда сбегали в магазин, купили печенье, апельсинов, колбасы и «Херес».

Юре Панфилову, наверное, очень понравилось название, но это оказалось сухое вино, очень кислое. И в поезде наблюдалась следующая картина: в купе (отсеке) сидели 8 человек, на столе стоял чёрный, закопчённый от костров, котёл с манной кашей, а в руках у ребят, зажато между пальцев, сверху вниз: хлеб, колбаса, сыр, печенье и долька апельсина. Кусалось это тоже по очереди, сверху вниз. Особенно красиво это делал Сергей Шымко.

Запивался этот «бутерброд» вином из кружки, куда предварительно кинули 3-4 куса сахара. Тогда было вкусно. Оказывается, мы были бо-о-о-льшими гурманами.

Так закончился наш первый поход. Никто пока не знал, куда и когда пойдём снова, но все знали, что точно куда-то пойдут – мы увлеклись туризмом.

Я не знаю, как в других группах, но с первого похода у нас появилась традиция – обсуждение похода всеми участниками. Что было хорошо, что плохо, как показали себя все участники – хорошо или плохо, и чего было больше. А самое главное, пойдут ли с тобой ещё раз в поход.

В данном походе все были хорошими, были правда и срывы, но мелкие, не повлиявшие на окончательное решение – все желали снова пойти в поход этим составом. Это был успех похода, успех нашей новой группы.

Глава 3. МЕЖСЕЗОНЬЕ

Наша группа не распалась. По традиции клуба туристов ЗМИ надо было сделать фотогазету о походе – листа на 2-3 ватмана (30-40 фотографий) и вывесить её в холле института. Когда сделали фотографии и слайды, а на это требовалось время, ведь уже началась учёба, то снова собрались за столом с чаем и тортом, чтобы посмотреть их всеми участниками. Заодно и отметить получение справок о пройденном маршруте, которые давали нам право на третий разряд по туризму, взрослый, конечно!

Как только мы вышли на тренировки на острове Хортица (в любую погоду, в любое время года – зима на юге Украины это позволяла), после окончания зимнего сезона, то стали задумываться о следующем путешествии – по опыту клуба, это были майские праздники (много выходных дней) и горные походы на Кавказе. Я задумался о снаряжении.

Конечно, нужен свой рюкзак. По совету ребят, для горных и пеших походов хорошо подойдёт станковый рюкзак – т.е. большой рюкзак на 70-90 литров на алюминиевой раме, как раз по размеру спины и с возможностью подвязки вещей сверху и снизу. Это было очень удобно – обычно вещей сверху и снизу было подвязано очень много, рюкзак скрипел, но держался. Хотя были случаи, что и ломался от непомерной тяжести. Вот я и купил этот рюкзак «Ермак», рассчитанный, по паспорту, на 20 кг. Но грузил туда гораздо больше, как и все остальные ребята. И рюкзаки вынуждены были всё выдерживать.

Следующее – спальный коврик. Теперь надо сделать свой. Тогда в магазинах ничего подобного не было. Можно было сделать из поролона, но после одной ночёвки с таким ковриком я понял, что это не то. Поролон сжимался под весом тела и было так же холодно, как было бы и без него. О надувных матрасах речи даже не шло – тяжёлые, около 2 кг, а спать на земле на нём холодно, даже летом.

Мне предложили сделать из ткани, в которой прошиты полоски на расстоянии 4-5 см, в виде мешочков, в которые насыпается пенопластовая крошка или пенопластовые полоски. От полосок я отказался сразу, потому что между полосками на швах оставались зазоры около 1 см шириной, что тоже пропускало холод от земли. А крошку ещё надо как-то получить.

Пенопласт на полоски можно резать ножом, а как получить крошку? Конечно, ломать пенопласт руками. Я начал это делать, но задень работы получил только около литра крошки – с таким темпом и до лета не справиться. Ребята предложили молоть на мясорубке (старой, металлической). Что тут началось! Это надо было видеть – но я никому не посоветую, родители (сёстры, жёны и т.п.) придут, наверное. Пенопласт загружался сверху, как обычные куски мяса, внутри проходил легко, крошился, а вот выходить не хотел – прилипал ко всему – и к мясорубке, и ко всему, что вокруг – к рукам, к столу, к полу, к стенам, к потолку. Оказывается, мы все забыли о электромагнетизме. Пенопласт электризовался при трении в мясорубке и прилипал ко всему. Хорошо, что моя семья помогала мне в этом деле. Смеялись все, но мягко сказали, что убирать всё это буду я. Больше двух недель я мыл, подметал, хотя после пары взмахов веник тоже электризовался и был весь облеплен пенопластовой крошкой. Влажной тряпкой собирал крошку с мебели, стен, потолка, но всё равно крошку находили, даже спустя полгода.

Так что я остановился на щадящем варианте – крошить пенопласт на более крупные куски – около 3-4 см в диаметре. Так быстрее и собирать легче, хотя электризуется также и во время крошения руки были облеплены этими крошками по локоть.

Через пару недель коврик был готов – толщиной 5 см, но мне говорили, что через пару походов уляжется, ещё и добавлять придётся. А спать на нём было тепло, хотя кусочки немного давили, даже через спальный мешок, но терпимо. Учитывая то, что палатка стоит часто на камешках, ямках, кочках, то нормально.

Чуть позже, к апрелю, я купил спальный мешок – уже раскладной, на молнии. Мешок-одеяло, небольшого веса, чуть больше килограмма. Я ещё не знал, какие разные они могут быть, поэтому выбрал самый лёгкий и красивый – белый с узорами.

И снова, нас, студентов факультета электронной техники, предупредили в деканате, что на майские праздники нас не отпустят – так что похода для нас не будет. А Юра Панфилов, Таня Куприна, Надя, Сергей Дурнев и другие сходили в поход 1-й категории сложности по Кавказу, вызывая у нас законную зависть – за что нас так? Мы, конечно, пару раз тоже вышли на ночёвку на остров Хортицу, но что это по сравнению с Кавказом?

А ребята вернулись довольные, восхищённые, с обожжёнными губами, загорелыми лицами.

Учитывая то, что маршрутная комиссия (МКК) уходила в отпуск (т.е. тоже в походы, но более сложные) в конце июня, тем, кто хотел идти в поход летом (июль, август) надо было срочно собирать группы и готовить документы для этих походов заранее. Иначе потом их не зарегистрировать.

И вот уже в конце мая начала собираться наша новая группа – с целью путешествия на Южный Урал. Это 3000 км от Запорожья. Далеко, но многие группы уходили ещё дальше – в Восточные Саяны, на Алтай, в Якутию. Мы пока о таких далях и не мечтали. Вернее, мечтали, но не думали.

Собралась группа в составе 8 человек. 2 палатки по 4 человека. В основном те же, кто был на Валдае: Надя – руководитель, Сергей Дурнов – заместитель, Таня Куприна – медик (несла аптечку), Юра Панфилов – гитарист, Женя Давлад и я, и ещё двое ребят, к большому сожалению не могу вспомнить кто. Маршрут у нас уже был 2-й категории сложности, протяжённостью 200 км, 12 дней. И три дня пути на Урал через Москву и так же обратно. Это было интересно!

А в июне нас ждали экзамены. Мы так хорошо их сдавали, что даже жили на острове Хортица – там постоянно стояла палатка с ковриками и спальными мешками – кто сдал экзамены, приезжал на два-три дня на берег Днепра, а у кого экзамен был впереди, вечером уезжали. Дни были заполнены делом – тренировки на 2-3 часа, бег 5-8 км, спортплощадка, купание, футбол, скалолазание, как вверх, так и по горизонтали – так называемый траверс – всего 1-2 метра от поверхности земли. Но большая часть траверса шла над водой. Летом было хорошо, когда «срывались со скал», то падали в тёплую воду. Но мы же лазили по этим скалам и в ноябре – и тоже падали в воду. И никто не болел...

В июне мы успешно зарегистрировали наш маршрут, можно было заниматься билетами, продуктами и снаряжением.

Билеты взяли на 6 августа из Запорожья, на 7 августа – из Москвы, фирменный поезд «Южный Урал». Продуктов купили на 14 дней (плюс 1 день запаса), надо было около 12 кг на человека. Много, тяжело будет идти. Поэтому приняли решение отправить в посёлок Сыро-стан 2 посылки – так мы убрали из рюкзаков 18 кг (т.е. по 2 кг с каждого). Отправили тяжёлые продукты – тушёнка, сгущёнка, сало, и другое – не так уж много, но существенно. Все эти продукты доставались с большим трудом, ведь в магазинах этого в продаже не было. Всё доставалось через знакомых – у Жени Давлада мама знала кого-то в магазине, у Юры тоже кто-то был, ещё кто-то мог достать хоть что-то – гречку, сало, колбасу с сыром. И доставали...

Мы же подбирали личное снаряжение – одежду, обувь, сменные комплекты.

Надя каждую вещь взвешивала на точных весах, выбирала вещи, которые чуть полегче, но всё равно тёплые.

Я готовил фотоаппарат и плёнку, упаковывал уже серьёзнее, с защитой от дождя. Готовили палатки – одна была из проката, так называемая «серебрянка» – лёгкая горная палатка с прорезиненной крышей, вроде бы непромокаемой. На неё не хотели даже брать полиэтилен, но всё-таки взяли. Может что-то подозревали, но уж точно, не прогадали. И моя новая палатка, которую я недавно купил – синие стенки и красный верх, из полу брезента, весом 4 кг. Это

считалось хорошо – лёгкая палатка. Но на неё нужен был полиэтилен от дождя. В то время мы ещё не знали тентов для костра, да и многого другого полезного снаряжения, но всё равно ходили успешно и далеко.

Надо сказать, эта моя палатка прошла очень много походов, самых разных, хорошо нам служила и жива до сих пор. Но осталась на Украине, при переезде я её оставил там – у меня уже было другое снаряжение.

Мы были готовы уже в конце июля, но тут мои родители с сестрой и бабушкой поехали на Азовское море на неделю и утащили с собой мой спальный мешок.

На мой вопрос:

– И что же мне теперь делать?

Отец сказал просто: «Новый купишь».

Пришлось бежать в магазин и купить ещё один спальный мешок-одеяло, который до сих пор служит мне – очень надёжная молния, хотя внутренность этого мешка я уже поменял раза три.

К концу июля мы замерли в ожидании этого продолжительного и долгожданного похода.

Глава 4. ПЕРВЫЙ ПЕШЕХОДНЫЙ ПОХОД – УРАЛ

6 августа в 18 часов на железнодорожном вокзале было многолюдно – скоро поезд на Москву, летом всегда полный, и вечером ещё пара поездов в Крым. Одну часть перрона у стены вокзала заняла наша группа – 8 человек, 8 рюкзаков. Обычно мы собирались за 2 часа до отхода поезда, чтобы посмотреть, всё ли взяли и успеть съездить домой, чтобы взять забытое и успеть на поезд. А пока развлекались, стоя над лестницей подземного перехода и кидали на парапет монету в 5 копеек. Она громко звенела, и десятки людей на лестнице начинали осматривать пол внизу – искали выпавшую монету. Мы, конечно, веселились от того, что так много людей повелись на эту шутку, мы не ожидали.

Наконец-то подошёл наш поезд, и мы, с трудом протискивая в вагонные двери рюкзаки, зашли. В этот раз мета были разбросаны по всему вагону, но были пара отсеков по 2 человека – где мы и собирались. Поезд «Запорожье – Москва» недавно стал фирменным, и верхние места уже были застелены, и проводница всё-таки заставила нас заплатить за бельё на них.

Ехать всегда весело. Как обычно, через час после отправления надо поесть. Это сделали не только мы, но и другие пассажиры. А затем песни под гитару, обычно до Харькова, до которого ехать три часа. Потом попытаться заснуть. Но не спалось всем – мешал настрой на путешествие, но проводница быстро остановила наши попытки играть на гитаре позже 23 ч. Пришлось лечь спать.

Утром поезд приходил в Москву в 10 ч15 мин, а наш следующий поезд уходил с Казанского вокзала в 16 часов. Нам надо было переехать на Ленинградский вокзал, сдать багаж в уже знакомой нам камере хранения, где-то пообедать, купить недостающие продукты и снова идти за вещами, а затем перейти на Комсомольскую площадь и выйти к нашему поезду. Успели с трудом – очень много людей везде – в метро, в переходах, в столовых, в магазинах – везде! А с рюкзаками передвигаться в толпе было сложнее. Но это было ещё не всё...

Подойдя к поезду красного цвета с надписью: «Южный Урал» на вагонах, мы увидели у нашего вагона большую толпу пассажиров – их не пускали в вагон, а потом и нас – у всех оказались «двойники», которые придя раньше, уже заняли наши места в вагоне. Такое случалось довольно часто, особенно летом – каким-то образом на одни и те же места продавалась по 2 билета. Единичные случаи были часто, но, чтобы сразу полвагона?! Ждали начальника поезда, а времени до отправления оставалось всё меньше. Начальник быстро принял решение – завёл всех, почти 30 человек, в вагон, и уже по ходу движения поезда стал разбираться. Все билеты были правильные – и пришлось ему как-то размещать людей по всему составу. Нам он предложил доплатить по 3 рубля и перейти в 6-й вагон, купейный. Шиковать, так шиковать – до нас ещё никто из наших студентов-туристов вкупе не ездил в поход, да и после нас тоже. Мы согласились на купе, хоть это и дороже.

Надо было видеть лица пассажиров, когда мы, 8 человек, протискивались с рюкзаками по всему поезду, особенно через вагон-ресторан, где уже сидели солидные люди в костюмах и галстуках и обедали. Таня Куприна шла с очень потёртым рюкзаком и долго ещё говорила потом:

– Как я снова хочу пройти с моим рюкзаком по вагону-ресторану!

Но ни ей, и никому больше это не удалось...

И вот расположились мы в хороших купе, почти нового вагона: мягкие сидения, белые простыни, чистые матрасы, окна открываются, два отдельных купе – полный кайф!!! И на двое суток! Хорошо ехали!

Мы смотрели из открытого окна на свою страну – огромные густые леса, широкие поля, реку Волгу – километра 2 шириной. Мы пересекали её по Сызранскому мосту, огромная река. Затем начались предгорья Урала, река Белая и столица Башкирии – Уфа, с памятником Сала-

вату Юлаеву на горе. А утром поезд уже пересекал Уральский хребет – горы невысокие, заросшие лесом, крутые изгибы поезда. И предвкушение путешествия – ведь это те горы, через которые мы пойдём уже через день.

Поезд должен прибывать на нашу станцию Златоуст в 16 часов, а по местному времени в 18 часов. И ещё, как обычно бывает летом, задержался на 2 часа. Поэтому, когда мы вышли с вокзала, уже темнело. А нам надо было ещё найти автовокзал и автобус до города Сатка, далее на местном автобусе до посёлка Магнитка, откуда и начинался наш маршрут. Но что делать поздним вечером, когда автобусов явно уже нет?

Решили ночевать – смотрим, рядом с вокзалом гора, заросшая лесом, вроде бы диким. Вот и пошли по тропе наверх, на гору. Наверху нашли ровную площадку, поставили палатки, чуть в стороне от тропы. Юра с Женей пошли искать воду, нашли её в ближайшем доме, метрах в ста от нас. И, как обычно, ужин – «костёр и горячий чаёк». Часов в 11 вечера легли спать, а снизу почему-то доносилась музыка...

Через пару часов снаружи раздался какой-то шум, голоса, топот ног – по тропе шла толпа. Кто это был, не знаю, лишь утром оказалось, что мы спали в центре городского парка. Музыка была с дискотеки, а тропа – это аллея парка, по которой и шли участники дискотеки. Вот что бывает, когда делаешь ночёвку в темноте.

10 августа – 22 августа 1977 год. Поход начался.

Ехать автобусом было не очень далеко – до Сатки два часа, а до Магнитки – ещё минут 40. И уже к обеду мы были в походе.

Сначала шли по посёлку, затем далее по дороге к видневшимся недалеко невысоким горам. Путь был однообразен – лесная дорога, петлявшая между невысоких гор. И лишь в конце второго дня мы увидели более высокий хребет – где-то там лежал наш перевал Дедов, названный так кем-то из наших туристов, прошедших здесь раньше. Сейчас бы я сказал, что леса на Урале не такие густые и заросшие, как на юге Дальнего Востока. Но тогда нам, степным жителям, они казались очень дикими. Наверное, так и было, но мы шли по дороге, а возле дороги, там, где живёт человек, леса всегда менее дикие и заросшие. Да и Южный Урал населён значительно больше, чем Дальний Восток.

Погода стояла тёплая, но пока не было изнуряющей жары, духоты и дождей.

Перевалив через перевал Дедов Уральского хребта, одного из многих параллельных хребтов, идущих с сервера на юг, мы шли к станции Сыростан, через деревню Плотинка.

При спуске с перевала Дедов, идя по дороге, мы сильно устали, и, хотя дорога шла вниз по лесу, шли медленно, пытаясь дойти до следующей деревеньки Плотинки. Идём, идём, дорога однообразная и уже кажется бесконечной. Тут откуда-то сверху едет мотоцикл с коляской, увидев нас, тормозит.

– Вы куда идёте? – спрашивает.

– В Плотинку – отвечаем.

– Вам уже недалеко, тут всего 5 километров осталось – успокоил нас мотоциклист и уехал. Мы пошли за ним, идём минут 50, привал, затем ещё 50 минут, снова привал. Тут Юра Панфилов выдал:

– Я понял, у него короткие километры. Он на мотоцикле едет, вот они и короткие, а мы пешком идём – у нас длинные километры, мы долго идём.

Это было точно – мы и понять не могли, почему мы так долго идём эти какие-то 5 км? Скорее всего, на самом деле, до деревни было гораздо больше, чем 5 км, но мы то этого не знали – карта была настолько приблизительная, сделанная от руки, что ошибка в 5-10 км была нормой. А таких километров было 200...

Надо сказать, что это был не предел. В маршрут в 300 км по Полярному Уралу летом 1980 года мы вышли по схеме в книге, размером 10 x 10 см! И ничего, дошли куда надо. Но об этом походе позже.

В Сыростане у нас должны были лежать наши 2 посылки. Дорог было много, приходилось всё время искать нужную. По пути проходим деревню Веселовка – деревянные дома, у домов – колодцы, играют дети на улице. Но как только жители увидели нас, тут всё поменялось – люди стали исчезать с улиц, родители выскакивали, хватали детей, прижимали к себе и стояли у ворот, молча смотрели на нас, даже гвалт затих, прекратилась всякая деятельность.

Мы шли по улице и чувствовали себя очень странно – как какие-то захватчики, передовой отряд, или как инопланетяне. Мы ничего не понимали, но нам позже объяснили, что на Урале ещё живут староверы, у них очень настороженное отношение к чужакам, особенно в такой необычной одежде и с мешками за спиной... Наверное, Веселовка была из числа таких деревень.

Я посмотрел на карту – где-то в этом месте отмечена гора Круглица. На местности видна была гора – невысокая, но точно круглая. Я сказал об этом ребятам, но они как-то не обратили на это внимание. И пошли мы в другую сторону, в обход этой горы, а, скорее всего, надо было идти иначе. Как, тогда я ещё не знал, редко видел карту маршрута.

Вечером расположились на большой ровной зелёной поляне, недалеко от леса. День был хороший, а вечером начался дождь...

Пока, до этого дня, дождей не было, и мы спали просто в палатках, не накрывая их кусками полиэтилена. Так было и в ту ночь.

Ближе к утру нам стало неудобно спать – что-то мешало. Это «что-то» оказалось лужей на спальнике, из которой вода проникла внутрь. Палатка держит дождь, пока не трогаешь крышу, а как только чем-то дотронешься, сразу начинает течь – и уже не прекращает. А мы ночью ворочаемся, руки поднимаем, вот и дотронулись. А ещё и боковые части палатки под нашими телами выгнулись наружу и тоже протекли. Так что без полиэтилена хорошо жить не получается.

Утром мы вылезли из палаток рано – плохо спать в воде. Протекла и вторая палатка, хотя крыша считалась непромокаемой.

Надя смотрит – идёт дождь, не очень сильный, скорее морось, но мокрый, и говорит:
– Сегодня дождь, отдыхаем, а за посылкой пойдут двое...

Ушёл Юра Панфилов, как отправитель и получатель, и Сергей Дурнев. Мы же после завтрака сели в палатках – кто играл в карты, кто на гитаре. Часа через три пришли Юра с Сергеем. Посылки то они принесли, но говорят, что Сыростан в другой стороне, и до него всего 4 км. И там есть почта, магазин – т.е. большое село.

Открыли посылки – консервы, сахар, колбаса – всё поделили на всех. Рюкзаки сразу потяжелели. А Юра достал сюрприз – банку варенья, открыл её и поставил на траву, где-то посередине между костром и двумя палатками. Дождь усилился, и Юра снова залез в палатку. Сидим, играем в карты, а Юре чего-то неймётся – побежал к костру, прямо через банку, и, конечно, опрокинул её в траву. И замер, зная, что сейчас будет – его будут называть всеми плохими словами, какие только есть, не дадут сладкого и будут долго об этом напоминать.

Он решил спасти варенье – поднял банку, там ещё оставалось больше половины, встал на четвереньки и слизывал с травы разлившееся варенье, напоминая большую собаку. Мы в палатках валялись от смеха, видя эту картину и тут же комментировали – «аттракцион невиданной жадности», «мы тебе блюдце купим» и многое другое. А Юра молча лакал – чтобы варенье не пропало.

Где-то в это же время, готовясь к обеду, один из нас, Коля (имя условное) чистил свою эмалированную миску. Она уже была с несколькими сколами эмали на дне, но держалась. Коля так чистил её, что в одном из сколов образовалась дырочка. Он начал её затыкать, сначала спичкой, но металл вокруг стал тонкий и ломался, затем щепкой. Мы весело комментировали:

– Скоро туда бревно сунет.

– Нет, он из бревна выдолбит новую.

Нам то весело, а ему проблема – останется без еды. А дырочка расширялась...

Женя Давлад предложил залить дырочку парафином. Коля взял свечку, залил дырочку с двух сторон, затем налил в миску воды – миска не текла. Мы же продолжали веселиться:

– А ты что, только холодную еду будешь есть? Коля:

– А почему?

– Так парафин плавится при +80 градусах – отвечали мы.

Коля долго сидел, смотрел на миску, затем взял топор, сделал из миски блин и закинул её в кусты. Нам же было очень весело – мы знали много способов поесть без миски: есть с кем-то из одной, есть из котла, есть из крышки котла, есть последним, когда кто-нибудь уже поел и его миска свободна. Но Коле было печально. Аналогично бывало и у меня, когда я водил детские группы – и с мисками, и с ложками (чаще) и с кружками. Но дети более обидчивы и эмоциональны – успокаивать и уговаривать их приходилось дольше. А с Колей решили быстро – уже в Сыростане ему купили (выпросили, нашли – выбирайте любое слово, которое вам нравится) новую миску. Он был счастлив...

Утром мы вышли на маршрут. Погода сырая, туман, но дождя нет. Прошли Сыростан, идём дальше, а нам надо было пересечь железную дорогу, по которой мы ехали на Урал. Шли долго, часа два, затем на дороге появился мотоцикл. Остановился, спрашивает куда идём.

– На Турголяк нам надо – отвечаем.

– А, так вам не сюда. Переходите через железную дорогу, на другой стороне идёт автомобильная дорога, по ней обратно и через 8 км будет дорога на лево, она приведёт к озеру.

Мы молча развернулись, перешли через железную дорогу и также молча побрели по дороге на той стороне обратно. Через 2,5 часа мы вышли на ту дорогу, о которой говорил мотоциклист и пошли по ней.

Через 5 минут нас догонят машина. Водитель открыл окно и спрашивает:

– Куда идёте?

– На Турголяк – отвечаем мы.

– Долго идёте, я вас утром видел.

Мы, уже удивлённо спрашиваем:

– Где?

– В Сыростане.

Мы в трансе. Оказалось, что была ещё и станция Сыростан, и нас первый раз отправили туда, и мы целый день делали крюк, чтобы на третий день снова оказаться в 4-х км от Сыростана! Вот что делает плохая карта!

Как бы не ходили кругами, вскоре мы вышли на озеро Турголяк. Большое, где-то 3х8 км. Мы остановились на южном берегу, решили сделать ещё одну днёвку.

Днёвка – это день отдыха, когда никуда не надо идти. Бывает ещё и полуднёвка, когда полдня идём, до обеда, а потом отдыхаем. Днёвка делается для отдыха обычно через 4-5 дней похода. Когда организуется походная баня, можно зашить порванные вещи, постирать, переложить и пересчитать оставшиеся продукты (небольшая ревизия – обычно её делает завхоз, чтобы выровнять вес в рюкзаках). Можно просто поспать или сходить куда-нибудь, полюбоваться окрестностями, сделать фотографии или снять на видео местные природные достопримечательности.

Мы отдыхали – Юра, Сергей и Женя ушли на озеро на рыбалку. Зная, что мы будем на озере, они взяли леску, грузила и поплавки из дома. А мы сидели около палаток, метрах в 200 –х от озера и любовались красотой вокруг.

Часа через три приходит Женя и говорит, что рыба есть, будем делать уху. И приносит котелок уже чищенной рыбы – краснощёчки, окуньки. Я, Таня и Надя стали суетиться, разжигать костёр, ставить котёл, доставать крупу, сухари.

Сварили отменную уху, чай и сели обедать. Уху разлили всю, сидим, едим. Мы все быстро ели, а Надя медленно. Мы уже всё съели, а у неё полтарелки осталось. Тут Женя не выдержал и говорит:

– Давай, Надя, быстро доедай, и мы покажем тебе на озере, что мы нашли!

Это было повторение истории, случившейся на Валдае, зимой.

Надя тут же заинтересовалась и говорит:

– Пошли на озеро!

А Женя отвечает:

– Нет, доешь уху, потом пойдём.

А Надя снова:

– Доем потом, после того, как посмотрим – и упёрлась, не ест.

И пошли мы смотреть, все вместе.

На берегу лежала часть рыбы, а в воде плавал большой кусок какой-то слизи, но из кусочков. Женя говорит, что селитёры, они были в рыбе. И точно, эта слизь очень напоминала картинку из школьного учебника биологии. Надя помрачнела и пошла к костру, снова села перед своей миской.

Женя говорит:

– А теперь ешь, ты обещала.

Но Надя ответила:

– Наверное, я больше есть не буду.

Женя стал её уговаривать:

– Да мы на уху другую рыбу брали, без селитёров.

Но Надя больше не ела. А что же Женя хотел получить после истории с пирожками? А позже эту историю я рассказывал школьникам и студентам, в воспитательных целях. Чтобы не было излишней брезгливости.

Наша цель – ещё один посёлок Магнитка. Путь к нему шёл вокруг озера Турголяк на север. Погода не радовала – облачно, сыро, но видимость была. Идя по дороге, вдоль озера, видим женщину, которая что-то подбирает на дороге. Подошли, спросили её, что она собирает?

– Гранаты, – говорит. Здесь вся дорога в гранатах (полудрагоценный камень тёмно-красного цвета, прозрачный). И показывает нам мешочек, в котором килограмма 2 камешков, серых, от 0,5 до 1 см в диаметре. Один расколола – а там, действительно красивый скол камешка красного цвета.

Здесь, говорит, в хребте Таганай, в скале, целая большая полоса гранатовая, но достать тяжело.

Значительно позже я узнал, что озеро Турголяк, хребет Таганай, были объявлены национальным парком.

Вот так и шли мы по дороге. Таганай высился справа большой серой отвесной стеной, а верхушка скрывалась в тумане. Здесь нас догнал один парень с небольшим рюкзаком за спиной. Снова вопрос:

– А вы куда идёте?

Мы отвечаем:

– В Магнитку, у нас там конец маршрута.

Он говорит:

– А зачем это вам? Тут 8 км до Златоуста, а из Магнитки уехать сложно, автобусов нет. Пойдёмте со мной в зимовье, здесь недалеко, а завтра пойдёте дальше. И мы пошли с ним.

Оказалось, что он студент Челябинского политехнического института, у них тоже есть секция туризма и альпинизма. Это они построили домик-зимовье у большой одинокой скалы, чтобы выезжать на выходные и тренироваться. Он шёл провести избушку – ведь и у них летом все разъехались по походам.

Через полтора часа мы пришли в избушку – довольно просторную (человек на 15), есть печка, нары, стол, лавки, рядом ручеёк и большая, метров 20 высотой, скала. Место нам очень понравилось.

Пришли мы в зимовье под вечер, поэтому остались в нём ночевать. За ужином решаем, что делать – идти либо в Магнитку, а нам надо в ней сделать отметку и дать телеграмму в МКК о том, что маршрут закончен, или идти в Златоуст, из-за чего было опасение, что маршрут не засчитают за его изменение.

Решили просто – в Магнитку выйдут 2 человека – Я и Сергей Дурнев, налегке, дадут телеграмму, купят продукты и вернуться сюда, в избушку, и уже отсюда, все вместе пойдём в Златоуст.

И вот утром, после завтрака, часов в 9, мы вышли с Сергеем в этот выход. Идти нам надо было по просеке – прямой, но по лесу и горам, пройти 12 км туда и потом столько же обратно. Оделись средне: у меня футболка, кофта из какой-то искусственной нитки, брезентовая штормовка и штаны, на ногах ботинки типа «Вибрамы» (кожаные ботинки на толстой рифлёной подошве, довольно тяжелые).

В то время лучшей обуви для походов не было.

Начинался дождик, мелкий, и мы взяли по куску полиэтилена где-то 1х1,5 метра для накладки. И вышли в путь.

12 километров – вроде бы недалеко, но по лесу, горам, хоть невысоким и некрутым, да ещё и в дождь – не очень приятная прогулка. А отказаться было нельзя – другие чувствовали себя ещё хуже... Мы шли, не думая больше ни о чём, кроме того, как и куда поставить ногу. Внизу, под ногами мокрые камни, скользкие брёвна, ветки, частые холодные ручьи, а дождь усиливается. Кроме того, что льёт сверху, в прямом смысле ЛЬЁТ! Ещё и посыпался сверху с деревьев град из очень крупных капель, так что к первому привалу мы были уже насквозь мокрыми, хотя и накинули на себя полиэтилен. Но этот полиэтилен очень сильно мешает идти, поэтому мы его сняли, сложили и сунули в карман. Теперь потекло и отсюда.

Вот в таких ситуациях и происходит перелом сознания личности – в любых, самых сложных условиях, надо сделать порученное дело, дойти во что бы то ни стало. Может в это момент изменился и я. После этого я перестал бояться дождя, нагрузок, почувствовал в себе силу и возможности для других, более сложных походов. Это и есть воспитательное значение туризма – вырабатывается физическая и психологическая выносливость, чтобы в решающий момент не повернуть назад, не подвести группу, не сломаться. А такие случаи были, но о них далее.

Кто не выдерживает – те не ходят в сложные походы, или сами, или их не берут – ведь всё, что случается в походах, всё равно становится известно, рано или поздно.

Вот, в такой борьбе с природными и горными условиями и с самим собой, и проходил наш путь. Ни о чём возвышенном не думалось, мы шли. Причём идти надо было аккуратно – любая травма ног очень сильно усложнила бы наш путь.

У нас с собой был небольшой перекус – пара бутербродов с колбасой, сахар, сухари, но на пути в Магнитку мы ещё есть не хотели, пить тоже – мы были и так пропитаны водой...

Где-то около часа дня мы пришли в Магнитку. Сначала хотели зайти на почту – а её в Магнитке нет. Тогда пошли в магазин, хорошо, что хоть перерыва не было.

Там такие организации работают с 10 до 16 ч и всё, закрываются. Там – это в малых сёлах и деревнях – где есть магазины. А вечером, если приходили в такую деревню, сразу искали дом продавца и очень просили пойти с нами и продать продукты. Многие группы прошли через это – и почти никогда отказов не было.

Нам повезло – магазин работал. Мы купили нужные нам продукты, перекусили своими запасами и поставили в наших маршрутных документах штамп магазина, где было название: «пос. Магнитка» Также можно было сделать такие отметки в сельсовете и на почте, но в Магнитке их не было. Но печати магазина достаточно, что мы здесь были, маршрут окончен.

Пока мы стояли перед кассой и прилавком, под нами образовались лужи воды, в каждой – по полведра. Нам, конечно, было очень стыдно, но погода такая.

Воодушевлённые, мы с Сергеем пошли назад. И, удивительное дело, дорога обратно показалась гораздо короче, хотя мы часто шли на подъём, узнавая уже сложные места.

Пришли мы в избушку в сумерках. Дождь закончился, но все деревья остались на месте и обильно поливали нас водой, в пути до самой избушки. Зайдя внутрь, мы попали в объятия всей группы – они тоже сильно волновались, переживали. Для них это было сложнее – мы то были заняты. Сразу дали нам сухую одежду, горячий чай, ужин.

Раздеваясь, я с удивлением обнаружил, что штормовка, одетая на кофту, которая не впитывает воду, становится непромокаемой. Но это не сильно спасает – вода течёт через воротник, рукава, изнутри – всё равно потеешь. Так что **никакой непромокаемой одежды нет**, кроме резиновой. Но и в такой будешь мокрый – изнутри, хоть тогда, хоть сейчас.

Конечно, было приятно – всё внимание нам, для нас делали всё – чай, еда, тёплая вода, чтобы помыться. Мы сделали большое дело! А для себя, повторюсь, мы изменили себя, и в хорошую сторону!

Оставался ещё последний день – по этой же просеке, но в другую сторону. Мы выходили в Златоуст. Конечно, это не 24 км, но теперь с рюкзаком и медленнее. Наша группа шла в город. Я не сильно запомнил эти дни – поездку в поезде, в Москву, дорогу домой.

Но мы все были очень довольны, что прошли этот долгий маршрут, без происшествий. Заложили фундамент для всех нас, для следующий сложных походов.

Глава 5. ВЫНУЖДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ

С началом учёбы мы, бывшие новички, у которых появились первые «единички» и «двойки», конечно не в зачётках, а в разрядных книжках спортсменов, если бы они были. У нас каждому участнику похода выдаётся личная «Справка о зачёте путешествия», где указывается время проведения путешествия, протяженность маршрута, кратко описывается сам маршрут, район, где он проходил, далее отмечается вид туризма (лыжный, пеший, горный или водный) категория сложности (те самые «единички» – это первая, «двойки» – это вторая и др.), ещё отмечается способ передвижения (пешком, на лыжах, на байдарке) количество пройденных километров и за сколько дней, и, конечно, в какой роли ты там был: участник или уже Руководитель.

Мы выполнили норму 3-го взрослого разряда и часть походов на 2-ой. Но пока у нас разряды не присваивали, так что мы копили справки о зачёте путешествия – у кого 3, у меня пока 2 (после сдачи отчёта о летнем путешествии на Южный Урал справку мы получили лишь в октябре – долго делалось техническое описание маршрута, да и печать пяти фотоплёнок требовала времени. А ещё в сентябре весь второй курс отправили на помидоры и другие овощи, а ФЭТу повезло, нас отправили Каменку-Днепровку на сбор урожая яблок. Тут позже была построена Запорожская ГРЭС (тепловая электростанция). А ещё позднее и Запорожская атомная станция, и город Энергодар. Мы работали в огромном, почти бесконечном яблочном саду с большим количеством разных сортов яблок! Рядом с нашим общежитием росли яблоки сорта «Семиренко» – зимние зелёные, сейчас у нас, на Дальнем Востоке есть аналог – китайские яблоки «Гогоуан». Чуть дальше «Ред Делюшес», их мы по началу ели в большом количестве, а в конце месяца кое-кто на них и смотреть уже не мог. Я ел, но немного, по 1-3 в день, я сильно любил и люблю яблоки.

А чуть позже нас поставили собирать новый сорт «Голден Делюшес» – яблоки размером с голову ребёнка – на дереве их было всего по 10-15 штук, а ведре помещалось всего 8 штук. Были у нас и «правительственные» яблоки – сорт «макинтош», очень вкусные, они все оборачивались в спецбумагу, тут же упаковывались в ящики и в этот же день уходили в Москву. И уж совсем приключением были вечерние выходы за яблоками «Кандиль Крымский», не очень большие, овальные, но весьма вкусные. Дело в том, что этот участок старого сада, 200х200 метров старых огромных деревьев, специально охранялся парой охранников на машине, которая часто ездила вокруг этого участка. Чтобы набрать пару ведёр, надо было проскочить в сад, залезть на дерево, набрать ведро, а яблок было мало. Когда едет машина охраны, замереть на дереве – и всё равно был риск, что охрана могла заметить нас. Мы несколько раз ходили за ними, и успешно.

Вечерами ездили в Каменку-Днепровку, автостопом, в магазин, в основном за вином и другими напитками. Нам понравилась настойка «Охотничья», 45°, настоящая на зверобое – крепкая и вкусная. Но сильно никто не напивался. И каждый вечер – дискотека – магнитофон и колонки привезли с собой, нам их вполне хватало, на двести человек.

В конце сентября подошла пора вернуться домой, а нам ещё разрешили взять яблок, ящиков по 5 на каждого – конечно, зимних и «Ред Делюшес». Так я обеспечил себя и семью яблоками на зиму!

По этой же причине (месяц в «колхозе») деканат снова не пустил нас в поход в ноябре. Многие ходили, а наш факультет учился.

В секции ЗМИ было правило – сходил в поход сам – идёшь потом руководителем с новичками. Так готовились руководители сложных путешествий – постепенно, от простых походов к сложным, от участия к руководству. Того же требовала и система присвоения разрядов по туризму. Ты постоянно должен повышать свой уровень – от простого к сложному, от первой

категории к пятой. Но это по основному виду туризма, а их было много: пешеходный, лыжный, водный, горный, спелео, авто мото и др. Ориентирование и альпинизм были и есть отдельными видами спорта, но нам приходилось учиться и этим видам – в походах всё пересекалось – надо было уметь и ориентироваться, и владеть навыками альпинизма (страховка, работа с верёвками – спуск, подъём, элементы скалолазания. И самое сложное – спасательные работы – это как высшее образование в туризме. Никуда было не деться от умения ладить и работать с людьми – т.е. психологии. И ещё надо было уметь делать раскладку продуктов, а это уже курс кулинарного техникума.

Надо уметь готовить еду, причём в самых разных условиях – на костре, газе, бензиновых горелках, печке, кипятильником и на других источниках тепла (в т.ч. гейзеры на Камчатке).

А ещё медицина! С медициной дело обстояло так: требовались знания от руководителя в объёме фельдшера – т.е. знание правил оказания первой доврачебной помощи при **любых** травмах, знание болезней и способов их лечения, применение лекарств, вплоть до умения делать уколы.

А ещё и умение шить, ремонтировать одежду и обувь, палатки, рюкзаки, лыжи, примусы, печки, которые носят зимой; часы, фотоаппараты, гитары, а также миски, кружки, ложки и пр.

И всему этому надо было обучаться быстро и самим – это пригодились в любом походе, даже в первом. В каждом походе обычно было по 1-2 опытных туриста, не считая руководителя, для помощи ему. По правилам туризма, заместитель руководителя должен был обладать знаниями и умениями руководителя, чтобы в случае гибели или травмы руководителя или разделения группы заменить руководителя, или возглавить часть группы при разделении.

Глава 6. ВПЕРВЫЕ В КАРЕЛИИ

Февраль 1978 года

Уже в конце ноября 1977 года мы решили сходить в Карелию – тоже далёкий поход. Руководителем был Женя Давлад, с ним Юра Панфилов, я, Таня Куприна и новички – Таня Кикеева (ставшая позже Панфиловой) и ещё 3 новичка, к сожалению, у меня не сохранилось данных о них.

Маршрут от Кондопоги, по озёрам и дорогам до посёлка Шуя. В конце декабря мы уже получили разрешение, а в январе заказали билеты до Ленинграда и далее, до Петрозаводска, на начало февраля.

Неделю мы шли на лыжах по дороге до посёлка Сопоха, затем по озёрам – Пялозеро, ещё несколько озёр, посёлок Спасская Губа, турбаза, посёлок Чална, посёлок Шуя. Почти 160 км. Погода была гораздо лучше, чем тогда, когда мы были на Валдае. Небольшой морозец, небо голубое, ёлки, полностью засыпанные снегом. Огромные, средние и маленькие озёра, между которыми приходилось переходить высокие скальные перешейки, заросшие лесом. На лыжах через них не пройдёшь – кругом камни. Озёра и перешейки – это остатки древнего ледника, покрывавшего пол-Европы 10 000 лет назад. Приходилось перелезать через перешейки пешком, неся лыжи в руках. Мы ещё не умели привязывать их к рюкзакам.

А началось всё ранним утром, когда поезд прибыл в Петрозаводск. Мы вышли на перрон и нам открылся вид на центральный проспект Петрозаводска – прямой, он вёл к Онежскому озеру, но в темноте озера не было видно. Насколько я помню, автовокзал был недалеко, и через 3 часа поездки в комфортабельном, а главное тёплом и мягком автобусе «Икарус», мы приехали в Кондопогу. Отсюда пешком дошли до выезда из города, одели лыжи и пошли по дороге.

Машин мало, а нам идти по скользкой дороге было довольно тяжело, да и противно. Стали ловить машину – а их нет, а мы всё идём. И вот, внезапно увидели ЗИЛ – самосвал, и он остановился. Просим довезти до Сопохи.

– Давай, грузись! – сказал водитель.

Мы быстро позакидывали в машину с высоким кузовом рюкзаки, лыжи, забрались сами и поехали.

Езда была быстрой, даже очень быстрой – мы перекатывались от борта к борту, подпрыгивали, чуть не летали, а рядом гремела огромная куча из рюкзаков, лыж и палок. Позже, когда остановились, Женя Давлад сказал:

– Водитель, наверное, только с ралли вернулся, гонщик, Шумахер...

А во время езды мы вели себя тихо, ехали молча, боялись открыть рот. Пытались держаться за борта, чтобы не вылететь, хорошо, что они были высокие.

Слегка ошарашенные такой ездой, а лучше сказать полётом в 20 минут, мы оказались в деревне Сопоха. Приехали рано, в обед, поэтому пошли проситься

На ночёвку в школу, а там ещё занятия идут. Нас, конечно, пустили, дали какое-то помещение, мы перекусили, а так как времени ещё было много до темноты, пошли кататься на лыжах на большую гору – метров 60-70 высотой, недалеко от школы.

Склон горы хорошо укатан, там у детей проходят уроки физкультуры – всю зиму. Вот и сейчас класс (человек 12) тоже был на уроке. Они подошли к нам, поспрашивали откуда мы, посмотрели на наши лыжи. А я, как раз купил новые – «Турист» – 200 см длиной, крепления пружинные. Посмотрели, и с уважением отошли. Они не знали, как мы ездили на лыжах...!

А пока мы смотрели на них – на детских лыжах, без палок, они, как тараканы, быстро и легко, «ёлочкой» забирались на вершину горы и лихо с неё съезжали. И не падали! В отличие от нас... Мы тоже стали подниматься – гораздо медленнее, и спускаться – гораздо быстрее, чем

дети (лыжи то намазаны парафином), и падали – гораздо чаще, чем дети, т.е. почти постоянно. Затем появился хоть какой-то опыт, падать стали реже и чаще доезжали до спуска на лыжах, но ехали-то мы не с вершины! Постепенно, с каждым новым проездом, место нашего старта продвигалось всё ближе и ближе к вершине. И, наконец, у нас стало получаться съезжать с самого верха горы, без падений. А на середине горки была ямка с бугром, на которой наши ребята подпрыгивали – мастерство показывали... И я решил показать лучше – полетать. Разогнавшись, я выехал на этот бугор – и реально полетел – ноги оторвались от земли. А вот приземление было жестоким – носки лыж опустились, задела снег, и я всем телом врезался в склон и долго по нему ехал, теряя на пути шапку, лыжи, очки... Через какое-то время отошёл от падения, стал искать свои вещи – сначала очки, залепленные снегом, затем шапку, метрах в пяти ниже меня, тоже полную снега, а затем и лыжи. Одна, левая, была на мне, только крепление вылетело из пружины. А от правой осталась половина – сломалась. А поход-то ещё и не начинался! Так для меня закончилось это катание, а чуть позже пришли и другие ребята. Стали думать, что делать. И нам снова повезло – мы были в школе, где был кабинет труда, а в нём – учитель. Он взял лыжу, вторую её часть – носок, и уже через час лыжа была как новая! Я на ней этот поход прошёл, и ещё несколько раз ходил на ней в походы!

Вечером мы пришли в посёлок Спасская губа – посёлок большой, устроиться на ночлег в Карелии сложно, а в больших посёлках ещё сложнее. А сейчас нам совсем не везло – не было желающих пустить нас на ночлег. На дворе ночь (19 часов), мы все стоим на перекрёстке двух улиц, а четверо наших ребят ходят по дворам. Настроение – хуже некуда, холодно, а что делать – не знаем – не местные мы, бедные странники. Но тут вернулся Юра Панфилов – берите всё, идите за мой, нашёлся уголок для нас, недалеко.

Каким-то образом он нашёл нам ночлег – малюсенький домик 4х5 метров, узкая кухня и узкая комната, но тепло. И к домику прилагалась собака – здоровая овчарка, сидевшая в торце кухни за загородкой и привязанная к брусу. Пока хозяйка была с нами, собака просто прыгала в загоне, или лежала. А вечером, когда хозяйка ушла к подруге – собака стала выть... и выла она до утра – то чуть громче, то чуть тише... А мы спали в соседней комнате, без дверей... Так что весёлая получилась ночёвка, мы полночи не спали, но всё равно в тепле, не под забором. А такая возможность была, и очень близко.

Утром хозяйка пришла рано, собака радостно загавкала – лучшего будильника и не надо. Соответственно, мы тоже рано собрались, и рано вышли.

Мы шли по лесной дороге параллельно автотрассе и озёрам – трасса по левую сторону, озеро – справа. Но далеко не было видно из-за леса. К концу дня мы были где-то на середине пути у какой-то деревни у озера. Уже темнело, надо было ночевать – ведь дальше нам надо было пересечь озеро, а оно километров 6-7 шириной. Так что пришлось искать ночлег. Тут получился ещё один вариант – не тёплый дом, а нетопленная дача неподалёку, но нам было всё равно – снова был шанс ночевать в лесу, но дача всё же лучше. Договаривался с хозяйкой Юра Панфилов и кое о чём умолчал, даже пока этого не понимая.

Заходим в дом – небольшие сени, большая комната, в ней стол, лавочки, стулья и дальше маленькая комнатка метра 3 шириной, две кровати у стен, а перед дверью – печка.

Для тепла тут поставлена маленькая печка в комнате, на лето, чтобы спать в тепле. А мы зимой пришли – но всё же теплее, чем на воздухе – а там около – 25о С (как сказала хозяйка). В первой комнате (холодной) оставили рюкзаки, взяв коврики, спальные мешки, посуду и необходимые продукты. Осталась ещё еда: в моём рюкзаке – сало, у кого-то колбаса, и у всех – сухари, сахар, печенье.

Еду готовили на печке, ели тоже в тёплой комнате, сидя на кроватях, при свечах (электричество в доме было отключено) и легли спать. На одной кровати – две девочки, на другой – два парня, а я, Женя, Юра и ещё один парень легли на полу, на ковриках. Только стали засыпать, как я услышал топот в соседней комнате – бегал кто-то большой и топал очень громко,

и не один. Сон тут же сдуло, я думал – всё, пропал рюкзак, прогрызут, ведь там сало, сухари. Я не спал, думал сколько дыр будет в рюкзаке и сколько времени я буду их зашивать. Но вот топот слышался уже со стены, затем с потолка, а позже топтались уже и по диагонали всей стены... Я смотрю, Женя тоже не спит. Говорю ему: – Что, крысы бегают? А он: – Да, и под дверью стоят. Я так понял, что он пугает – это значит, что они и на нас готовятся наброситься – готовая еда, тёплая. Мы думали, что делать, а топот усиливался.

Наконец, я и Женя решились выйти – вооружившись каждый поленом (в правой руке), фонариком (в левой руке). И внезапно, резко открыли дверь, выскочили в холодную комнату – никого нет, даже следов деятельности крыс не было, рюкзаки были целы, и внутри их тоже никого не было. Вернулись на место, легли и через пару минут снова громкий топот. Мы ещё раз выскочили – и снова никого. Плюнув на крыс, бросив поленья в кучу, легли и больше не вставали. Мне снилось, что я долго шью свой рюкзак, а по стене, полу и потолку всё топтались...

Когда проснулись, было ещё темно, но топот остался – у дверей. Ага, ждут перед дверью, сейчас бросятся – думал я, открывая дверь. И снова – никого. С большим удивлением я осмотрел рюкзаки – ни одной дырочки, сало, сухари и другие продукты целы. Стали обсуждать с ребятами, что же это было? А тут Юра и говорит:

– Меня хозяйка предупреждала, что ночью могут зайти бурундучки, когда печку затопите.

Да, хорошо зашли, наверное, со всего леса пришли и дискотеку устроили. Но почему еду не тронули? Никто этого так и не узнал. После этого, когда мы где-то слышали шорох или топот, всегда говорили: – А, это бурундуки – и во многих случаях так и было, особенно в тайге.

Утром мы, пересекли озеро, часа за 2, затем небольшой перешеек и по дороге вышли в посёлок Чална. Посёлок большой, мы хотели пообедать и идти дальше – в Шую, где было окончание маршрута, но нас отговорили местные жители.

– А вы туда не дойдёте, говорят, дороги там нет, только через Петрозаводск. Мы и подумали, зачем нам такие выкрутасы, закончим маршрут здесь, тем более что утром будет автобус до Петрозаводска. И снова стали искать место ночёвки.

Нашли приют в двухэтажном деревянном доме на 8 квартир, вот в одну из квартир нас и пустили. Хозяева тоже были снами, но освободили для нас вторую комнату, довольно большую, с печкой, столом, стульями и двумя кроватями. А еду готовили на хозяйской печке на кухне.

Когда мы зашли в комнату, голодные, решили, пока готовится обед, немного перекусить сухарями с рыбными консервами (в основном, мы брали с собой консервы в томатном соусе – кильку или ещё что-нибудь, иногда сайру в масле). Разложив на столе сухари, накладывали на них консервы и хрустели понемногу. Но тут в комнату зашёл небольшой кот – очень худой и принялся громко мяукать и бродить под столом. А дать ему нечего – нам самим мало было. Дали пустые банки из-под консервов – кот с жадностью набросился на них, вылизал до чистоты и снова смотрит на нас. На его (и на наше тоже) счастье, сварился наш суп из пакетов, с тушёной. Нам – суп, коту – банка из-под тушёнки. Он снова вылизал её как смог – голова в банку не лезет, и снова орёт – ещё просит. Но пока у него перерыв – мы раскладывали суп себе. Немного супа осталось – как раз на баночку из-под рыбных консервов. Мы ели из своих мисок, а кот из баночки. Кот съел быстрее, и снова смотрит на нас, но уже не орёт. Девочки кажется тоже наелись – у них остался суп, и они слили его в эту же консервную баночку. Кот подошёл, немного полакал, отошёл и так выгнулся, что мы упали от смеха. А затем снова подошёл к банке и стал лакать. Женя Давлад говорит:

– Это он так умял еду и снова ест.

Новый взрыв смеха.

Но тут кот, не доев суп, отошёл и упал на спину.

Женя продолжил комментировать:

– А теперь отпал.

Точно, кот не мог встать от количества еды, а мы падали от смеха. Это был один из немногих случаев, когда нас посетил приступ старинной болезни туристов – «шизы» (не путать с другим понятием!) Это состояние неудержимого смеха, часто без особой причины, длится обычно 10-15 минут и бывает только в очень хорошем походе, в очень хорошей компании, обычно в конце похода, когда напряжение, всё время присутствующее в начале или середине похода, спадает и можно расслабиться. У нас была причина – кот, который объелся буквально «до упаду». Я не знаю, живой он остался после такого количества еды или нет, но удовольствие получил полное. И мы тоже.

Осталось немного – утром дойти до автобуса, доехать до Петрозаводска, затем часа 3 пройтись по центральному проспекту города, в направлении от вокзала к озеру. Уже было поздно, но на улице ещё светло, много людей, ходят по магазинам. И вдруг город вымер – выйдя из очередного магазина (он уже закрывался), мы оказались на пустом проспекте – нигде не видно ни одного человека. 20 часов – магазины перестали работать, а из множества людей на проспекте остались только мы. Нас это поразило – мы такого раньше не видели. Машин тоже почти не было...

Поезд в Ленинград приходил утром, а у нас билеты до Запорожья были на вечер, на 18 часов. Мы снова разделились – на 3 группы. Я с одним парнем пошёл по Невскому проспекту, мы прошли его весь, пешком (4 километра), дошли до Исаакиевского собора, зашли на экскурсию по нему, посмотрели маятник Фуко. И даже поднялись на верхнюю галерею, с которой был виден весь город – море крыш, Нева, Петропавловская крепость, Зимний дворец – весь город внизу, под нами. В настоящее время, с передачей Исаакиевского собора действующей православной церкви, экскурсий туда не водят, маятника Фуко нет, как явления, противоречащего церковным канонам и этого потрясающего вида не увидеть.

Нас тоже трясло – от холода, какого-то зябкого, проникающего под одежду, хотя вроде-бы не холодно – всего -20о С, в Карелии больше было, и не мёрзли. Расслабились после похода...

Денег особо не было, т.е. шиковать не на что. Но я предложил поехать в автобусную экскурсию по городу. Экскурсии отправлялись прямо от собора, заодно и согреться можно. Мы так и сделали – и не прогадали. Трёхчасовая экскурсия в тёплом автобусе «Икарус» оказалась очень интересной и познавательной – мы объехали весь город, почти. Город Ленинград огромный. Побывали и на юге – на Московском проспекте, где стоит памятник жертвам 900 – дневной блокады Ленинграда, и на севере – на Пискаревском кладбище, и во многих других местах.

После экскурсии поели около вокзала в каком-то кафе и вернулись на вокзал. Оставался ещё час до встречи со всеми перед камерой хранения. У нас ещё были деньги – копеек 10, и мы решили покататься на метро, зная, что внутри на 5 копеек (стоимость прохода в метро) ездить везде, не выходя на поверхность. Откуда же нам было знать, что новые станции метро ближе к конечным и конечные сделаны так, что выход из них был сразу на улицу. А чтобы зайти обратно, надо было снова платить!? Мы поехали по линии на юг, далеко, любовались новыми станциями и на конечной вышли – прямо на улицу! А денег больше не было. Надо было всего 10 копеек, но их не было! До поезда – час! Такого удара судьбы мы не ожидали... Стоя на перроне, лихорадочно обшаривали все карманы в штанах, куртках, кофтах – ничего нет... И тут случилось чудо! У моего спутника, когда он в десятый раз сунул руку в боковой карман, нашлось 15 копеек! Это было состояние богатства, наша надежда на возвращение! Разменяв эти счастливые 15 копеек на пятаки, мы прошли торжественно через турникет, сели в поезд метро и до вокзала не вставали с мест, и не смотрели на мелькающие станции – не до того было...

Мы пришли к камерам хранения последними. Ребята тут же стали спрашивать,

где мы были, но мы молчали и лишь уже в поезде рассказали о нашем приключении, которое могло оказаться провалом такого хорошего похода. Больше я так не делал, водил экс-

курсии с группами, планировал разные выходы, но всегда проверял запас денег, рассчитывал запас времени на возврат к группе и жёстко наказывал нарушителей сам. Они даже могли больше вообще не ходить в походы...

Но всё прошло хорошо – мы вернулись из похода довольные и счастливые, побывав там, где из нашего клуба пока никто не был.

Март был занят отчётом о походе, с обязательными фотографиями, просмотром слайдов о пройденном путешествии.

Обычно такие просмотры цветных слайдов мы проводили по праздникам. Цветной массовой фотографии пока ещё не было. Ближайший после похода праздник был – 8 марта. И когда мы готовились к нему, сразу оговаривалось, что праздник будет с вечера 7 марта до утра 8 марта, как новый год. Обычно мы собирались у кого-то на квартире. Благодаря этому я хорошо узнал город Запорожье, а он и тогда был большой – 850 тысяч жителей, 400 крупных предприятий, 4 огромных завода. Размеры города 25х35 километров, причём заводы в центре, а жилые микрорайоны – по краям города. И на такие праздники мы ездили то в один, то в другой, то в третий микрорайон, до которых над было добираться по 1,5 – 2 часа. Но иногда квартиры попадались и в центре города.

8 марта праздник женский, поэтому днём 7 марта, после занятий, собрались одни ребята на квартире – готовить закуску. Вино и другие напитки обычно уже были принесены – около 0,5 бутылки вина на человека на ночь, мы много не пили. С едой сложнее – надо было выбрать основное блюдо. В этот раз решили готовить салат «Оливье». Колбаса, яйца, картошка, и другие продукты несли мешками. На кухне 5 человек варили, резали, ссыпали в ёмкости составные части, а остальные из самой большой комнаты выносили мебель, оставляя только стол (столы), когда это было возможно – это когда ожидалось 30-35 участников. А когда было более 40 человек – выносили и столы, все сидели на полу – по краям комнаты, а в середине находился пол, т.е. «стол» с едой. А чтобы что-то достать со стола, надо было ползать на коленках по этому же «столу». Но это никого не удивляло – это было само собой разумеющимся.

На кухне стоял большой таз – старый алюминиевый, с высокими бортами. В него кидали резанные колбасу, картошку, яйца, морковь и др. Одного майонеза ушло 5 литров. В результате получился тазик «Оливье» с горкой. А тазик был около 80 литров объёма. Ни до того, ни после такого объёма «Оливье» я не видел.

Зато веселье было хорошее – девочкам подарили цветы, подарки и праздник: танцы, литературные изыски – чего только стоило посвящение женщине-туристке от Некрасова, слегка переделанное ребятами. И слайды из походов, про походы, и женщин в походе, и наших девушек тоже. Иногда в том виде, в котором они были в походе, но вряд ли захотели увидеть себя такой дома. Тем неожиданней была их реакция – а в итоге громкий смех и удовольствие.

Расходились обычно утром – ведь у многих из нас были семьи, и нам надо было поздравлять своих матерей, сестёр и бабушек. А жён, у кого они были, поздравили уже – они были с нами.

Весной начинались серьёзные тренировки – подготовка к майским походам и к слёту туристов ЗМИ, где команды факультетов боролись за пьедестал. Т.е. ребята, которые ходили с нами рядом, оказывались соперниками – но только на трассе.

Обычно соревнования устраивались весной, в конце мая, в пятницу, субботу и воскресенье. На два дня на острове Хортица возводился палаточный лагерь из 30-50 палаток. Участвовали все – и туристы, и зрители. В программе было и ориентирование (обычно в пятницу). Причём на 6-ти участниках каждой команды висело в общем 50 кг контрольного груза. Трасса была только по карте 8-10 км, а в реальности, конечно, больше – приходилось искать контрольные пункты, где-то 8-12 штук. В этот раз одна девочка из нашей команды перед стартом выдала нам по ампуле 10 мл.

– Что это? – удивились мы.

– Это глюкоза. Пейте! – ответила она.

Оказывается, у неё мама была медиком, и зная, что она будет участвовать в соревнованиях, дала глюкозу – выпить перед стартом. И это помогло нам в беге – а бегали мы по 2-3 часа. Наша команда пришла первой. Было приятно. Вечером – конкурс самодеятельности, где можно было услышать много хороших песен, часто написанных нашими ребятами – Женей Давладом, Витей Великим, Юрой Панфиловым и многими другими. Песни были как серьёзные, так и весёлые, иногда реально «до упада», хотя падать было некуда – сидели на поляне, на своих ковриках, с которых от смеха все сползали. У нас было 6 факультетов – 6 разных команд, участвовали все. А после конкурса – просто концерт, где те же ребята пели другие песни, иногда ещё более весёлые. И так до 2-3 часов ночи, а то и далее. Кто-то сидел, слушал, а кто-то спал в палатке – и тоже слушал, во сне.

А утром в субботу самое сложное соревнование – кросс-поход – т.е. мини поход с рюкзаками, где лежало специальное снаряжение – верёвки, карабины, петли крепления. Дистанция, обычно, 5-6 километров, с участками преодоления препятствий – спортивный подъём, переправы разных видов (4-5 видов, в том числе самая сложная – навесная) с обеспечением страховки (это тоже один из самых сложных элементов), спуск или по крутому склону, или по отвесной скале (а часто и то, и другое), обязательно оказание первой доврачебной помощи (иногда на человеке), переноска пострадавшего, установка палатки – и всё это на время. Например, в обычных условиях палатку ставят за 3-5 минут, а у нас рекорд был 23 секунды (6 человек). Когда команда была больше – 8 человек, ставили палатку медленнее – секунд 30-35 – суеты больше. Был ещё серьёзный конкурс фотографий – фотографий было много, и очень хороших, часто они участвовали в конкурсах и побеждали, даже в областном конкурсе! Победителям – грамоты, призы и подарки, естественно, нужные, туристские вещи – рюкзаки, спальные мешки, палатки, кружки, фляжки, котелки, таганки и многое другое. Профсоюз института помогал нам. Домой возвращались в воскресенье после конкурса обедов – уставшие, довольные. В том, 1978 году, ФЭТ занял общее первое место. Это были МЫ!

Дома ужин и СПАТЬ! За две ночи мы почти не спали, да и уставали сильно. А на следующий день или учёба, или экзамены. И мы сдавали, и неплохо...

Этим летом я записался в стройотряд – из наших там были Андрей Гобов, Женя Давлад, ещё несколько человек из нашей группы (учебной). Экзамены сдавали раньше, через 2-3 дня, всего 5 экзаменов, параллельно учились на каменщиков и бетонщиков, шили форму стройотряда. И уже в конце июня выехали на место – всего 25 человек.

Работали на юге Запорожской области, в селе километрах в 20-ти от города Приморска на Азовском море. Вокруг – равнина, поля, редкие лесопосадки, вода в колодцах – солоноватая, а питьевая – привозная. В селе – школа, ферма и 60-80 домов с садами и огородами.

Нас поселили в школе, столовая была через дорогу, а школу надо было отремонтировать – перекрыть крышу. С этого мы и начали – хотя работа для всех нас новая, но за три дня мы перекрыли всю школу. А здание было не маленькое.

Затем директор совхоза попросил нас перевезти пасеку на поля. Дело было после ужина, но июнь – светло ещё. Правда кое-какие меры безопасности были – летки были замазаны глиной, а я одел штормовку, брезентовые штаны, шапочку, рукавицы. Надо было загрузить ульи с пчёлами в тракторный прицеп, около 40 штук, затем доехать с ними на летнюю пасеку и выгрузить. Нас 8 человек грузило, а ехать решили: Командир стройотряда, его Зам и ещё 4 человека. Трое в тракторе, трое – в прицепе.

Началось всё хорошо – берёшь улей за ручки сбоку (вдвоём), несёшь к прицепу, метров 50. Далее ставишь на платформу, а другие двое – передвигают улей дальше, а затем ставят их один на другой. Первый, второй, десятый – всё нормально, пчёлы летают вокруг, но немного, мы старались не отмахиваться. Где-то на пятнадцатом мы уже утомились, очень грубо поставили улей на платформу, и крышка подпрыгнула и сдвинулась. Послышалось гудение, двое

наших ребят слетели сверху и убежали, а мы ненадолго замерли. Но мы успели – быстро поставили крышку на место, и лишь несколько пчёл вылетели. Одна сразу попала мне в волосы и запуталась в них, (шапку я давно снял, жарко) и тут же ужалила. Вторая как-то залетела вниз штанов и медленно ползла вверх по ноге. Я думал, что делать? А когда она стала ползти выше колена, я испугался... в общем я её придавил на ноге. Она, конечно, ужалила. Я терпел, а остальные уже вернулись, и мы продолжили работу. Как только захлопнулся борт прицепа мы пошли зализывать раны.

Вечером, уже в темноте, вернулись остальные, те, кто поехал на пасеку, но в каком виде! Лица распухшие, глаз не видно, и говорят, что ещё были укусы, и даже туда, куда мне не доползла пчела. Оказалось, что, когда трактор с прицепом выехал на асфальтовую дорогу, он набрал скорость. На бугорке прицеп подпрыгнул, и с половины ульев слетели крышки. Сзади ехавшая машина мгновенно обогнала трактор и улетела. На тех, кто был в прицепе, набросились пчёлы. А это как раз были Командир и его Зам, перед этой поездкой хорошо употребившие водочки, а пчёлы этого сильно не любят. Те, кто был в тракторе, пострадали тоже, но поменьше.

А затем начались разные работы – зачистка котлована под новую ферму, затем её обустройство – закидывание большими камнями (а периметр был метров 250-100х25 метров). И затем всё это залить бетоном. Бетон привозили нерегулярно, возили издалека, из города – по 3-5 машин в день, с обеда до темноты.

Так тянулся день за днём. Были и необычные работы – надо было в действующей ферме с телятами, которым по 5-6 месяцев, сколоть углы отбойника проезда на середине фермы. Справа и слева от нас торчали головы телят с небольшими рожками – как раз по ладони. Так и хотелось их подержать. Мы и попробовали – взяв рога в руки, мы попытались покрутить голову телёнка, немного, но тут телёнок дёрнулся, подкинул нас и чуть не уволок к себе в загон. Больше мы с телятами не бодались. Взялись за кувалды и стали откалывать края отбойника – страшно тяжёлая и утомительная работа. Но к концу дня мы её сделали, правда рук долго не чувствовали и не могли их поднять.

В другой раз нам пришлось разгружать вагон с цементом, залезая внутрь и сталкивая цемент к нижним отверстиям для отгрузки. Приходилось сталкивать стену цемента к этим отверстиям. Тоже очень тяжёлая и опасная работа – надо было следить, чтобы никого не заваляло. И грязная – хороший был цемент, не отмывался...

Ещё одна работа была «как отдых» – так она начиналась – мы сели в кабину КАМАЗа и поехали в Запорожье. Два часа отдыха, хотя я и раньше думал, что кабину не так сильно трясёт – мягко, но мы прыгали в ней всё время поездки. А ехали на Запорожсталь – крупнейшее металлургическое предприятие на юге страны. Там делали минеральную вату – утеплитель – и паковали в тюки 20х30х100 см, весом около 20 кг каждый. Нам надо было всего-то нагрузить КАМАЗ с прицепом и приехать обратно. Мало того, что мы сильно вымотались, загружая пару тысяч этих тюков, но и чесались потом мы несколько дней, несмотря на то, что вымылись в душе на заводе, сменили одежду, но мелкие иголочки стекловаты повтыкались в кожу, как иголки.

Завершалась наша работа кладкой кирпича на бетонном фундаменте – нулевой цикл, метр с небольшим высотой, но с идеально ровным верхом – по теодолиту и по нитке. Так мы и укладывали кирпичи – каждый ряд по ниточке, все эти 250 метров и 12-15 рядов в высоту. Я думаю, этот телятник стоит до сих пор – строили мы надёжно!

Наша работа завершилась в конце августа. 2 месяца нас не было дома. Для меня это была самая долгая отлучка. Приехали мы накачанные, сильные, выносливые и с деньгами – 250 рублей. Конечно небольшие деньги, для рабочих, но хорошими для студентов. Это была моя помощь семье, хотя, конечно, больше половины я потратил на себя – радиоаппаратура и

туристское снаряжение – но всё равно бы купил, только на родительские деньги. Так что точно помог.

В сентябре, с началом учебного года, наш курс снова отправили на яблоки, в Каменку-Днепровку. Те, кто был в стройотряде, могли не ехать, но мне было нечего делать – походов не было – и я поехал в сад.

На сей раз нас, как более опытных, поставили на ящики – бригада из 4-х девочек на переработке, а к ним парень – для подачи и отнески ящиков. Норма была довольно большая – ящиков 80 в смену. Работа тяжёлая для парней – ящики с яблоками весят 25-28 кг, а таскать надо почти без перерыва, девочки тоже работают быстро. Но мне было не сильно тяжело – в стройотряде я окреп, закалился. А некоторые молодые ребята страдали, некоторые даже домой уезжали – не выдерживали. Так и в туризме – новички идут в походы, кто не выдерживает, в другие походы больше не ходят, кто-то бросает ходить позже, через 2-4 похода. И лишь 10% новичков доходят до самых сложных походов. И я стремился к этому.

Глава 7. ПЕРВОЕ РУКОВОДСТВО

Пока я был в совхозе и собирал яблоки (снова нам дали по 5 ящиков с собой), в институте прошёл новый набор новичков, их было много, настолько много, что тех, кто планировал руководство, не хватало. И предложили мне – поход в Крым.

Я, конечно, в Крыму был – с семьёй, на машине и на берегу моря. А тут предлагался маршрут по горному Крыму, в 150 км, который я видел только снизу, с моря. Но меня «успокоили» – сказали, что мы пойдём с инструктором.

Полгода назад, руководство Крымской федерации профсоюзов, обеспокоенное огромным числом туристских групп в ноябре и в мае, а, скорее всего, чтобы превратить этот поток туристов в поток денег, решило, что любая приезжая группа туристов должна идти с местным, крымским инструктором, конечно, за деньги. Это как курортный сбор в отдельных регионах сейчас. Цена, точно не помню, но около 1 рубля в день с каждого. Конечно, кто не регистрировался в МКК, это было неважно – они как ходили, так и снова шли, не оплачивая путешествие. А кто регистрировался в МКК, тому надо было обязательно зайти в бюро путешествий и экскурсий, оплатить инструктора и сделать отметку в маршрутной книжке. А вот качество инструкторов никто не гарантировал... Да и наличие тоже. Но это я понял позже, уже в Симферополе.

А пока я, как руководитель, начал тренировки со своей группой – по воскресеньям (а их оставалось всего 5 до похода). Мы бегали, занимались на стадионе на снарядах, готовили продукты и снаряжение на 15 человек – такая получилась группа. Часть ребят была дисциплинированной, приходили на все тренировки, а часть уже начала лениться – под любыми предлогами уваливали от тренировок. Надо сказать, что такие участник и затем больше и не ходили в походы – происходил естественный отбор, но со мной-то они шли и приходилось с ними возиться гораздо больше, а то и работать за них. Был и важный предлог – съездить домой за одеждой (это для тех, кто жил в общежитии), это было необходимо. Иногда ребята привозили из дома и снаряжение: рюкзаки, спальные мешки и коврики. Кто-то успел сделать коврики, что-то взяли в прокате, а часть ковриков дали ребята, пока не идущие в поход.

Где-то в конце октября 1978 года мы сделали общий сбор, на котором проверили, всё ли купили из продуктов, поделили их на всех и раздали каждому. Уточнили, у всех ли есть рюкзаки, раздали те, что нашли, всем нуждающимся. А то, что говорили некоторые ребята, что у них дома есть рюкзаки и спальные мешки – я этого не видел.

Вот и настал день отъезда. С билетами туда ещё было нормально – можно было купить, а обратно в то время мы не заказывали – поездов много, всегда можно было уехать. И вот за 2 часа до отъезда, в 22 часа, вечером мы встречались на вокзале. Конечно, на перроне, перед вокзалом, внутри места не было.

Ребята приходили по одному-двое, я успевал ещё раз проверять одежду и снаряжение. Собрались почти все, тут приходит парень с рюкзаком, маленьким, лёгким и наша девочка и несёт огромный цилиндр – около метра длиной, 30 см в диаметре, весом килограммов 5. Это, говорит, спальный мешок. Я оторопел – первая мысль была – а как это нести? Ни в один рюкзак эта штука не поместилась бы. Да и тяжесть... нет, конечно можно было бы, это как в песне про рояль в рюкзаке... «... Можно бы жить, вдвое сложить, но струны колотья будут в спину». Но тут мне пришла мысль посмотреть, что там внутри?

– Разворачивай, – говорю. Сняли мы сначала мешок из кожзаменителя, затем размотали кусок брезента, размером 2х2 метра и внутри оказался обычный спальный мешок.

– Это уже лучше – сказал я. У тебя есть кому отдать кожаный чехол?

– Да вон брат стоит – ответила наша девочка.

Вот почему мы всегда собирались на полтора-два часа раньше – чтобы отдать лишние вещи или сбегать за забытыми дома, но очень нужными в походе.

Поезда проходящие, Москва – Симферополь, был ещё Кривой Рог – Симферополь, на него места были почти всегда. И вот в 24 часа мы сели в поезд, места для экономии – общие. Таких как мы много – полный вагон. Расположились по местам – на всех полках, но на верхние положили багаж. Легли на жёсткие деревянные полки и поехали, а кто не был ленивым и любил себя, те достали спальные мешки и коврики и спали в комфорте. А рюкзак собирать утром времени хватало – на вокзале.

Проснулся я от того, что поезд стоит. Я спрашиваю проводника – это Симферополь? Он ответил, что не знает. В вагоне никого, кроме нас. Я вышел на перрон – темно, тихо, где-то вдалеке видна стена с арками и башня с часами. Что это? Я не знаю, никогда поездом в Крым не ездил. Но тут идёт какой-то прохожий. Я его спрашиваю:

– Это какой город?

Он так взглянул на меня странно и говорит:

– Симферополь.

Это сейчас я узнаю этот вокзал – он есть на многих фотографиях, снят во многих фильмах, но тогда меня как ошпарило – я бегом в вагон, кричу:

– Вставайте, приехали!

А студенты спят крепким сном. Начал всех толкать... Никогда потом я не видел, чтобы люди так быстро собирались – на плечах рюкзаки. Одежда у кого на себе, у кого подмышкой. Спальники и коврики смотаны вместе «рулетиком» и под другой подмышкой. Некоторые выскакивали в не застёгнутых ботинках. Что удивительно – ничего не забыли. С тех пор я всегда интересуюсь, когда приходит поезд на нужную станцию и все мои туристы готовы к выходу уже за 20 минут до прибытия на станцию. Мало ли что...

В этот раз мы вышли, успели чуть отдышаться, и поезд поехал дальше. Как удачно – подумал я. Тогда я ещё не задумывался о приметах, предсказаниях, законах туризма, но судьба заставляла. И все они сбывались...

И тогда я думал также – первая трудность прошла успешно, значит поход будет удачный. Но сколько таких трудностей ещё ожидало нас, даже в этом походе!

Первая – найти место на вокзале, где бы приткнуться, даже не расположиться. На всех сидениях спали люди, по всем залам, по всем углам спали люди в спальных мешках, на полу. Там, где не было места лечь, люди стояли толпами, нет – отдельными группами. Эти люди были туристами – в зелёных штормовках разной степени изношенности, таких же штанах, в «вибрамах». А вот рюкзаки были самые разные – в основном, зелёные, но были и синие, жёлтые, красные.

Кое-как мы собрались под аркой – на улице. Хорошо, что было ещё тепло. А на улице ещё темно. Поискали вокруг хоть какую-то кафешку. Нашли, там только что привезли пирожки. Набрали их по 3 штуки на человека и принесли всем. Пирожки очень быстро исчезли, а воду взяли на вокзале, в умывальнике. И стали ждать рассвета.

Когда посветлело, я взял с собой документы и одного участника похода из наших (Сергея), расспросил соседние группы, куда ехать в «Бюро путешествий и экскурсий». Там ещё с час прождали, когда он начнёт работу и пытались найти инструктора. Дежурная, которая принимала деньги (конечно, людей у нас стало меньше, дней – тоже, да и она об этом даже не спрашивала) поставила нам печать в маршрутку, а потом долго звонила по нескольким номерам – искала инструкторов. Затем, раздобыв адрес, она дала его нам и рассказала, как найти этот дом. Мы с Сергеем довольно быстро нашли этот дом. Инструктора там не было – ушёл ещё вчера, как сказали, но придёт. Мы ждали, прогуливаясь по набережной речки Сапгир неподалёку. Прогуливались почти два часа – инструктор пришёл почти в 12 часов – какой-то хилый, невзрачный, мрачный. Мнение о нём мы составили, но это пока, дальше видно будет.

Инструктор, назовём его Коля, попросил час времени собраться, а мы всё гуляли. Но вот он вышел из дома с рюкзаком – всё можно ехать на вокзал, к ребятам.

Ребята уже стонали от безделья – вещи в рюкзаки они сложили ещё рано утром, а сейчас тренировались – бегали и прыгали вокруг фонтана в сквере, напротив. Я подумал, что если они всё время так бегали, то идти будет легко- они же тренированные. Ага, как бы не так...

Где-то около 14 часов мы сели в троллейбус, проехали через весь город и дальше. Троллейбус шёл до Ялты. Это была единственная в мире междугородная троллейбусная линия, 86 километров. Нам же надо было выйти на Ангарском перевале. Остановка Кутузовка – здесь стоит большой памятник истории русско-турецкой войны. Здесь Кутузов потерял в ранении один глаз в 1774 году.

От Кутузовки резкий спуск по садам и виноградникам. Сначала тропа, затем дорога к посёлку Сосновка. Затем начался подъём по дороге, переходящей в тропу к местечку Хаос – древнему обвалу с горы Демерджи, оставившему внизу камни размером с дома. Именно здесь снималось кино «Кавказская пленница» – когда Вицын, Никулин и Моргунов убегают от медведя. Самой горы Демерджи не было видно – сверху стоял туман.

Через Хаос идёт тропа в урочище Джурлы. Тропа резко уходит вверх и уже через метров 300 всё вокруг скрывается в тумане. Мы же идём плотной группой, подгоняя девочек – прыгать вокруг фонтана хорошо, конечно, но нам надо вверх. И эта тропа показала, что наша физическая подготовка должна быть лучше... Так что шли мы довольно медленно.

Тропа идёт по Долине Приведений – здесь очень много скал-останцев разной высоты и формы, а в тумане точно может привидеться всё, что угодно. И точно – то рядом, то наверху, то внизу появлялись столбы различной формы, рядом или чуть дальше, а с рюкзаком видимость снижается – голова больше смотрит вниз, и всегда можно было, подняв голову, увидеть что-то большое, серое, с большим носом, в шапке и с ушами – у кого какая фантазия. Но почему-то страха не было – усталость поглощала всё. Все шли тихо, ни шагов, ни вскриков – да и туман поглощал все звуки. Не знаю, сколько времени мы шли вверх – но скоро туман поредел, растаял в сумерках. Мы вышли на плато – тропа пошла горизонтально, справа вниз уходил склон, далее скрытая в тумане, слева – небольшая возвышенность. Тропа широкая, но инструктор почему-то увёл нас вниз, метров на 50. Сказал, что пойдёт искать путь и ушёл вниз, исчезнув в тумане.

Наша группа сидела на склоне, ждала. Долго ждала. Мы достали перекус, поели – есть хотелось страшно, ведь после пирожков у нас ничего во рту не было. Затем ещё ждали и ещё. В слове «ждали» я понимаю, заключается где-то минут 30. Снизу слышались какие-то крики, но разобрат кто кричит и что кричит было невозможно.

А в это время сверху, по тропе, с которой мы ушли, двигались туристы – группа за группой, прошло около 20 групп. А мы сидим – у нас участник потерялся, инструктор. Но время шло, темнело, а я всё думал, что делать? Куда идти я не знал, инструктора нет, группа уже мёрзнет, а когда этот долбаный инструктор вернётся, неизвестно. Я подумал, что инструктор лучше знает, куда ему идти, а мы пойдём туда, куда идут все группы – ну не могут же 20 групп идти в неизвестность... они то знают куда идут.

И мы пошли за ними – уже в темноте, но не сплошной. На тёмной сухой траве тропа выделялась желтоватой полосой. И уже через полчаса увидели большое ровное место со множеством костров – их было больше сотни. Подойдя к ближайшему, я узнал, что это и есть Урочище Джулы, вода – там, дрова – в лесу ниже, а палатки можно поставить, там, где найдётся ровное место. Как оказалось, было 18.30, а казалось, что все 22 часа. Этот день оказался очень длинным.

Когда мы всё это выяснили, стало легче – далее всё знакомо. Быстро поставили палатки, сделали костёр и уже через час почти был готов ужин. В это время из темноты вышел инструктор – уставший, и говорит:

– Хорошо, что я вас нашёл... а то 2 часа бегал в тумане, искал вас.

– Кричу какой-то группе – вы из Запорожья? Они кричат: «Да». Я бегу к ним – а это не вы. Так измучился.

Хотел бы я знать, что ты искал... думал тогда я... до сих пор я этого не понял, и не пойму. Но я хоть успокоился – не потеряли мы своего инструктора. Наверное, всех хороших и умных инструкторов разобрали, а нам достался этот... хоть нашёлся...

Поели и легли спать – девочки просто падали от усталости.

Утром я увидел где мы ночевали. Почти на вершине плато – огромной равнины с неровностями. От нас вниз уходил широкий овраг, ниже заросший лесом и там тёк ручей. Оказалось, ниже по ручью был водопад Джуг-джур. Тропа шла по верху куда-то дальше, обходила верховья ручья и спускалась к водопаду. Но осенью он был очень маленький – сухо, воды мало.

Позавтракав, мы стали собираться. А пока все собирались, Сергей повесил на палку над костром свою рубашку – подсохнуть. Мы с ним отошли недалеко, а когда подходили к лагерю – эта рубашка сама вспыхнула, как облитая бензином. Сергей бросился к ней, но поздно – за 10 секунд от неё ничего не осталось.

Так что не сушите вещи над костром, даже если нет огня. И не оставляйте вещи без присмотра у огня – результат может быть такой же.

Я это потом говорил всем, запрещал сушить вещи, особенно ботинки, у костра. Но, всё равно, в каждом походе у кого-нибудь что-то горело.

Повёл нас инструктор дальше, но теперь он с тропы не уходил. Мне было страшно за него, а ему, наверное, за себя...

К вечеру мы пришли на стоянку Партизанская – большая поляна в лесу, где, по воспоминаниям участников войны, во время оккупации Крыма немецкими войсками, был лагерь партизан. Вполне возможно, место глухое, добраться сюда можно только пешком.

Ночью было прохладно. Девочки разговаривали между собой:

– Чего-то сегодня было прохладно спать – у меня ноги замёрзли, одела 6 пар носочков, а всё равно ноги мёрзли...

Я спрашиваю:

– А какие носки у тебя? Покажи.

Она приносит. Я чуть не упал от смеха. Тончайшие летние носочки, ещё и в дырочку. Да таких и 20 пар мало будет. Вот я им и объяснял, что понятие «носки» очень растяжимое, включает очень много видов носков. Но именно эти носки для похода в холодное время года – не подходят! В Крыму в ноябре тоже холодно. И пришлось мне с ними делиться своими носками – более толстыми, для холодного времени года!

Утром мы предложили инструктору ехать домой – нам очень не хотелось идти с ним дальше, по горам и лесам Крыма – куда он ещё мог нас завести? Он взял и согласился. Для выхода на трассу от места нашей ночёвки было всего пару часов ходу – а он налегке. Прощались с ним и пошли дальше по тропе. Карта была очень плохая, много рельефа на ней не было, но было общее направление и тропа – хорошая, нахоженная тысячами, даже десятками тысяч туристов. Да и самих туристических групп, у которых можно было что-то спросить тоже было очень много. Заблудиться там было невозможно. Поворачиваешь на Юг, идёшь 2-3 часа – и ты на море!

Мы шли к большому карстовому плато в Восточном Крыму «Караби-Яйле».

Яйла – это большое безлесое пространство в горах Крыма. Высокое плато, карстовое – т.е. имеет множество провалов – карстовые воронки, куда уходит вода. Почти всегда там имеются пещеры. В плохую погоду на таких плато очень легко заблудиться, особенно на Караби-яйле – оно размером 30х30 км. Название татарское, только в Крыму. Высокие скалы на юге этого плато вырисовывались где-то вдали. Тропа шла по буковому лесу, а листья уже опали, и тропу иногда было не видно совсем.

Пообедав у ручья в лесу, у костра, идём дальше – и вот тут мы столкнулись с ещё одной проблемой гор Крыма – отсутствие воды – овраги, ущелья есть, а воды в них нет. Осень – самое сухое время. Три перехода сделали по тропе, она идёт по верху гор, а воды нет. Стемнело, а воды нет, а когда мы придём в большое ущелье, где вода есть, неизвестно. Что делать?

На привале мы долго совещались, ночевать так или искать воду?

Я решил искать воду. Свернув с тропы, мы пошли вниз по ущелью, широкому, засыпанному листьями на столько, что нам почти по колено. Но мы идём вниз, мечтаем дойти до воды. Времени было немного – ещё только 18 часов, но уже полная темнота. Идти было довольно легко – в лесу не было ни кустов, ни поваленных деревьев. Лишь мелкие камни где-то под листьями. Первым шёл с фонариком я, остальные шагах в двух далее друг за другом, настроение было мрачное – не привыкли мы ходить по ночам. Да и не знаешь – куда придёшь, а за тобой ещё 14 человек, ты за них отвечаешь, и это тоже создавало внутреннюю нервность. Хорошо, что ребята были или понимающими, что скорее всего. Или совсем бесшабашными, или полностью уверенными во мне – а у меня мандраж внутри.

Шли мы так минут 40, а казалось, всю ночь. Вдруг я услышал плеск воды. Свечу фонариком – всё сухо, везде листья. Но тут до меня дошло – вода внизу, под листьями и камнями. Раскопав листья и убрав несколько камней, увидел довольно большой ручей и сразу скомандовал: – Ночлег!

Все были очень рады, все работы очень быстро сделали и, довольные, сидели у большого костра и ждали ужин. Мы были в таком хорошем настроении, что после ужина даже сразу не пошли спать, долго сидели у костра и делились впечатлениями.

Утром был заморозок – всё вокруг было в инее. Путь наш был вниз, на лесную дорогу, идущую через горы с севера на юг, а затем через карстовое плато Караби-Яйлу на следующую дорогу. Но в случае плохой погоды или слабой группы мне (по заявке) можно было обойти плато снизу. А увидев с дороги острые мощные скалы, кое-где скрытые в тумане, ограничивающие яйлу с юга, решили не идти через плато. Это 30 км только по плато, а ещё и подходы к нему, и отсутствие воды на плато. Слишком сложно и, главное, в ноябре опасно. В случае тумана нам запрещено было туда идти, и мы стали обходить плато по тропе недалеко от подножия этих скал. Это заняло два дня, и к концу второго дня мы вышли к первым домам села Морское – уже на море. Ночёвку сделали в лесу, на речке, перед селом.

От Морского до Судак идёт шоссе по горам, и тропа, иногда пропадающая, вдоль моря, которая часто уходит от моря довольно далеко, обходя скальные мысы. Целый день мы шли по горам, обходя огромный мыс, отделяющий Морское от посёлка Новый свет. Ночевали в горах, воду брали из «водопровода» – вокруг Нового света в горы протянуты трубы, заканчивающиеся бетонными кубиками со стороны около 2-х метров, в которых собирается вода – своеобразный искусственный родник. Случайно найдя такой кубик, мы и заночевали над посёлком Новый свет. А утром вышли в город Судак, где на высоком берегу на мысе стоит красивая генуэзская крепость 16 века. Это музей, но мы туда не зашли, нам надо было срочно добраться домой – на календаре 7 ноября.

Нам повезло днём сесть на автобус до Симферополя и только потому, что в этих местах туристов было мало, а 7 ноября – праздник, и уже в восемь часов вечера мы пришли на вокзал.

Конечно, туристов и раньше было много на вокзале, как мы видели по приезду, но сейчас было, на наш взгляд, раза в 4 больше. Места даже стоять около вокзала не было. А у касс – море людей, туристов, конечно.

Я с трудом пробился к кассам – билетов нет и не будет. И почему-то большинство туристов было из Запорожья. На эти дни Запорожье становился центром мира, в местном масштабе, конечно. Потеряв всякую надежду, мы стояли с Сергеем у касс, когда около 24 часов послышалось:

– Кому на Запорожье, подходите.

Рванув к кассе, мы смогли взять наши 15 билетов на поезд Симферополь – Кривой Рог, правда на третьи полки – да нам всё равно где, лишь бы ехать! Радуюсь удаче, мы сели в поезд и уже в 6 утра были дома. И даже на учёбу успели. Так закончился мой первый поход в качестве руководителя. Было тяжело, местами страшно, но, если ты более или менее опытен, руководите, водите людей в походы – это очень интересно!

Глава 8. СНОВА ВАЛДАЙ

Февраль 1978 года

Мне понравилось руководство, и зимой мы планировали два лыжных похода. Руководители я и Юра Панфилов. Но новички что-то отказались, боязливые. Их было мало, мы с трудом набрали по 4-5 человек каждый, но затем ещё двое-трое не пошли, и в результате осталось у меня трое – я, Света Коваленко (новенькая) и Коля (парень из нашей группы, студенческой). И у Юры трое – он, Андрей Гобов и ещё один парень, Володя Куркин из нашей группы. Андрей был вроде-бы не новичок, он в школе ходил в поход в Карпаты с Юрой и Женей Давладом, но пока с нами не ходил. Маршрут выбрали тот же – Осташков – турбаза «Сокол» – Кравотынь – Заплавье – Свапуще – Коковкино (исток реки Волги) – Поребрица – Жуково- Осташков, всего 150 км, на лыжах, первая категория сложности. Снова ночёвки планировались в домах местных жителей, поэтому палаток не было. Время выбрали чуть позже – была дольше сессия, и экзаменов стало больше.

Как обычно, стали закупать продукты, и снова, благодаря Жене Давладу и Сергею Куркину, укомплектовались и тушёнкой, и сгущёнкой и колбасой для перекусов. А с билетами зимой особых проблем не было – брали обычно за одну- две недели до отъезда, всегда удачно. Причём моя группа ехала на сутки раньше – чтобы немного потренироваться ездить на лыжах. А идти решили одной группой – дело в том, что тогда, по правилам проведения путешествий, для безопасности, для первой категории сложности был установлен минимум – не менее 4-х человек, иначе поход не засчитывался. А у нас – шесть человек – т.е. всё нормально. Правда, рюкзаки оказались почему-то тяжелее – или мы стали осторожнее, стали брать больше вещей и продуктов. А для новичков любой рюкзак будет тяжёлый...

В Москву мы доехали нормально. На вокзале мы одели рюкзаки, спустились в метро, и вышли из него перед Ленинградским вокзалом, слева – Комсомольская площадь, справа – Ленинградский вокзал – всё это я и рассказываю ребятам. И тут Света злобно так говорит:

– У тебя ещё сил хватает, чтобы по сторонам смотреть...

У меня хватало, да и необходимость была выбирать дорогу в толпе, а ей, видно рюкзак казался тяжёлым, хотя в нём было всего-то 18 килограммов, ничто по нашим меркам. Но с непривычки... Так что новичков надо тренировать и на ношение рюкзаков – ведь они, новички, слабые ещё, особенно девочки.

Походили по городу, уже без рюкзаков. Я, как опытный экскурсовод, показывал московские достопримечательности, конечно те, какие знал.

Уже вечером сели в пустой поезд сообщением «Москва-Осташков».

В Осташков поезд приходит в бчасов утра, темно. Но в этот раз мы вышли и чуть не задохнулись – шок. Мы почувствовали, что всё не так – снег не так хрустит, все звуки резкие, очень хорошо слышимые, и как-то спёрло дыхание. Уже в автобусе мы узнали у местных женщин, которые в нём ехали, что это такое.

– Так мороз, – 35оС – спокойно сказали они. Мы были в шоке –они привычные, а мы, южные жители, такого мороза не ожидали. С печальными мыслями о том, что нам предстоит, мы постучались в уже знакомый мне дом на краю озера.

Хозяйка открыла быстро, здесь все встают рано, печки топить и снова радушно приняла нас.

– А что вас так мало? – спрашивала она.

– Остальные завтра приедут – ответил я.

Днём мы втроём поехали на лыжах кататься, но нам хватило 30 минут, а потом мы побежали в дом. Голой рукой я схватился за железную ручку на воротах и получил ожог. Хорошо, что рука была сухая. А вообще, в этом походе руки постоянно «прилипали» к креплениям,

палкам, дверным ручкам, если на них не было перчаток или рукавиц. А днём обычно температура воздуха была всего – 20, -250С.

Вечером мы избавлялись от «лишних» вещей – тех, которые были на нас для поездки в поезде, и тех, что не нужны в походе. К нашему удивлению набралось полмешка таких вещей, около 10 кг. Это хорошо, что есть где их оставить, а то всё это пришлось бы тащить на себе. И это в любом походе – поэтому надо учиться отбирать вещи для похода, чтобы не носить лишнего, но и не оставлять дома необходимое, это будет себе дороже.

Утром, часов в 7, приехали ещё трое наших ребят – уставшие, промёрзшие в Москве, как они сказали. Там было – 250 С мороза и ветер. Они еле ходили по улицам столицы.

Сразу сели к столу, завтрак был готов на всех, мы знали, что они приедут.

Затем та же подготовка, и наши полмешка «лишних вещей» превратились в полный мешок. У ребят тоже оказалось не мало лишних вещей.

В 10 часов мы с Юрой снова вышли на знакомый уже маршрут, для остальных он был новый. Это беда руководителей – чтобы показать интересный маршрут новым людям, ты часто можешь его пройти сам два раза. Как вы узнаете позже, можно и три раза... Но, конечно, чем больше опыт руководителя, тем реже такое повторение случается, хотя правила разрешают при присвоении разрядов проходить один и тот же маршрут дважды – один раз участником, второй раз – руководителем, как у нас часто получалось.

В этот раз и погода была другая. Если в прошлый раз мы видели вокруг себя от 200 метров до 1-2 километров, то сейчас обзор был не ограничен, видно было всё – и цветной шатёр главной церкви Осташкова, и остров Парковый, и остров Городомля, и остров Монастырский, где почти рядом высился огромный монастырь, видно было турбазу, где мы снова будем ночевать. Это, конечно, довольно тяжело – ты видишь конец пути, идёшь, идёшь – а он не приближается.

Так было с Кравотыню – мы увидели церковь, как только вышли из залива перед турбазой. Она стояла на высоком берегу озера, и её белая колокольня с куполом очень хорошо была видна на синем фоне неба, хотя до неё было 25 километров по озеру.

На озере тоже изменения – снега мало, всего 3-5 см, и заструги от ветра. В общем даже снегохода не надо было – легко было идти, но это сначала... А позже, когда идёшь, идёшь – а твоя цель также далека, как и час, и два, и три назад, она становится недостижимой. Так мы и шли – бодро до обеда, очень короткого из-за сильного мороза, и гораздо медленнее после.

А цель была всё также далека.

Но как-то внезапно, мы даже не поняли, в какой момент, эта церковь вдруг стала близкой, даже стали видны домики рядом – деревня Кравотынь. Это дало нам хороший стимул ускориться, и ещё засветло мы пришли в деревню. И вовремя, чтобы ещё успеть приготовить еду на печке – всё-таки это лучше, чем с кипятильником. Хотя для ускорения процесса и надёжности, конечно, мы сейчас взяли 2 кипятильника – отдельно для чая и супов.

С ночёвкой в Свапуще было хуже – мужики стали старше, пили больше, мата в их речи стало намного больше, и говорили они громче. Мы лежали в спальнях мешках, слушали эти разговоры и говорили Свете:

– Ты хоть не слушай.

– Я стараюсь... – отвечала она. Хотя, чтобы не слышать этого, надо было полностью заткнуть уши. Мы к таким выражениям не привыкли.

На дороге к истоку Волги мы остались одни – без девушек. Света решила не ходить туда, сильно устала и осталась в доме готовить ужин.

– Давайте хоть поматеримся – предложил Юра. Но ничего не получилось, не было у нас здесь такой необходимости. В чистой природе, на белом снегу, на хорошей лыжне. Вот если бы на бегу кто-то упал, то да, конечно, мы могли бы кое-что выслушать. А просто так – не поучалось.

И на истоке Волги мы только сейчас, когда было всё видно, смогли оценить всю красоту этого места, красоту русского Севера, кристального снега, лесов, церквей на высоких холмах и неказистых деревянных домиков вокруг. И таких мест было ещё много.

В последний день пути мы вышли на озеро Селигер, после деревни Жуково и увидели на другой стороне озера весь город Осташков – с церквями, домами вдоль озера, дымящими трубами – тоже красивый вид. До него было 10 километров. Самое интересное, что мы не чувствовали мороза – пока идёшь, тебе всегда жарко, и холодно становилось только в конце обеда, а потом снова тепло.

Увидев город, я поехал быстрее, за мной ехал Коля. Я научился ехать так, чтобы перескакивать по застругам, только для этого надо было ехать быстрее, чем обычно. Увлёкшись такой ездой, мы с Колей сильно оторвались от остальных, так, что их было еле видно и продолжали ехать так до «нашего» дома. Остальные ребята пришли через час, уставшие, но пока не подавали никакого вида, что недовольны. Мы поужинали, собрались, забрали все свои вещи из мешка и скоро сели в поезд.

И вот тут, во время обсуждения, они все накинулись на меня – что нельзя так отрываться от группы, может с оставшимися случиться всё, что угодно, а помочь ты не сможешь. Так и погибнуть человек может, и много ещё чего... И всё было правильно – ребята учили меня, как руководить, вспоминали все мои неправильные действия и промахи и довольно негативно оценили моё руководство. Это был хороший урок для меня, тяжёлый, обидный, но урок, сильный. Он сильно повлиял на меня. Наверное, такой урок должен быть у каждого, тем более – руководителя. Именно для этого и делаются эти обсуждения, чтобы и руководители, и участники похода учились, а не обижались на высказывания ребят. Хотя это очень неприятно – слышать о себе много негативного. Главное – не сломаться после этих слов, не обижаться на весь мир, а пытаться исправиться, не бросая своего любимого дела. Хотя на какой-то период мои руководства прекратились...

Глава 9. ПЕРВЫЕ ГОРНЫЕ ПОХОДЫ

Конечно, в отношениях с ребятами всё осталось по-прежнему хорошо, хотя где-то в глубине души у меня осталась обида, но больше на себя.

Мы также весело отметили 8 марта, также тренировались. И в какой-то момент один из более старших туристов, Гриша, стал набирать группу на Западный Кавказ, горный поход 1-й категории сложности. Но никого из ребят, до этого ходивший со мной в этой группе не было. Они шли в походы 2-й категории сложности.

Для горного похода мой станковый рюкзак не годился (это по советам ребят) – металлическая рама будет мешать. Я пока не понимал, почему, но заранее, ещё в феврале 1979, купил в Москве рюкзак системы Абалакова, большой, вместительный и немного легче, чем станковый.

Надо было учиться укладывать этот новый рюкзак. Ещё надо было сшить «фонарики» – специальные бахилы на ботинки, такие, чтобы подошва была открыта. По сути, это был цилиндр из ткани, с резинками сверху и внизу, и снизу тоже резинка, одеваемая на подошву ботинок, чтобы эти бахилы не задирались вверх. Некоторые ещё и пришивали крючок, который цеплялся за шнурок ботинка – чтобы тоже не задирались и прикрывали щель между ботином и штанами, в первую очередь сверху, для предотвращения попадания снега в ботинок сверху, при вынимании ног из глубокого снега.

Конечно, можно было использовать штаны с резинкой внизу, это делали, но при глубоком снеге штаны задираются, и снег попадает внутрь. И при движении ноги вверх снег попадает внутрь ботинка. Также мы использовали эти бахилы-«фонарики» в походе по горам на лыжах, где нужна ещё и подошва – то снег, то камни внизу, надо было часто менять способ движения – то лыжи, то пешком.

Группа должна была быть готова в начале апреля 1979 года, чтобы успеть заявиться в МКК и успеть приобрести билеты в город Минеральные воды на Северном Кавказе. Для курортов Кавказских Минеральных Вод, воротами которых являются Минеральные Воды, сезон отдыха уже начался и билеты было достать уже сложно, потому что ещё очень много туристических групп ходят в горы через Минеральные Воды.

В дальнейшем это стал мой самый популярный маршрут – это были ворота на Кавказ, хоть на Северный, хоть в Сочи.

В общем, нам рассказывали, как проходили походы на Кавказе в начале мая – внизу тепло, почти лето, а чем выше, тем холоднее, и на уровне последних посёлков в горах уже только начало марта по погоде и ощущениям. А ещё выше – в предгорных долинах лежал снег, а выше – границы леса – уже зима, очень много снега, который часто сходит вниз лавинами. Днём тепло, ночью мороз, идти приходится по пояс в снегу.

Выше границы леса, а это половина пути до наших перевалов, пищу готовить не на чем, дров нет – и нам пришлось взять и тёплые вещи, и бензиновые примусы типа «Шмель», или поменьше, типа «Пчёлка» – без насоса, с саморазогревом. Они часто ломались, поэтому приходилось брать по 2, а то и по 3 примуса – для надёжности. А ещё бензин – по литру на каждые два приёма пищи, всего 6-8 литров на группу.

Добавочное снаряжение для страховки – верёвки, карабины, «кошки», страховочные системы, ледобуры, ледорубы для походов сложнее, а для нашего – альпенштоки – т.е. просто палки, заострённые внизу. Кроме палок, ничего у нас на всех не было – в массовой продаже ничего не было. Снаряжение доставали в очень

ограниченном количестве в альпинистских лагерях. То, что имелось в нашем клубе, хватало лишь на пару групп для сложных походов. Но в походы 1-й категории сложности ходили много групп.

Электричка Синельниково уходила из Запорожья рано утром, в 6 утра. Автобусы ещё не ходили, и обычно, я шёл с довольно тяжёлым рюкзаком пешком, минут 30, и рассматривал это как тренировку. Да так и было – плечи и спина готовились нести груз в течение недели, а бег на 3-8 км на наших тренировках помогал нести этот рюкзак вверх, в условиях горного воздуха, где уже с 2000 метров наблюдается скрытое кислородное голодание, а на 3000 метрах уже начинается открытая гипоксия. Наши перевалы были выше.

В 5.30 утра на вокзале собралась наша группа. Гриша Тырса – руководитель. Невысокий худой студент 4-го курса, с худым невесёлым лицом – улыбался он очень редко, казался постоянно чем-то озабоченным. Володя Куркин – из нашей учебной группы, весёлый парень среднего роста, с курчавыми волосами, сильный, выносливый и неразговорчивый. Лида Куценко с третьего курса и Лена Бордукова с первого курса. Лида темноволосая, невысокая, спокойная, а Лена полноватая, смешливая, не могла усидеть спокойно даже 5 минут, всё время двигалась, и очень выносливая.

Гриша бегло просмотрел всё, чтобы ничего важного не оставили, и мы сели в поезд. Полтора часа езды и выход на станцию Синельниково-1, а наш поезд идёт от Синельниково-2, т.е. нам надо перебраться туда с большой массой груза. Хорошо, что автобусы уже ходили, и можно довольно быстро переехать на Синельниково-2. Поезд приходил по расписанию, в 11 часов и повёз нас на Кавказ. Это мы так мечтали.

Но наши мечты были грубо нарушены реальностью. В этот раз вообще не было билетов на поезд «Днепропетровск – Кисловодск». А он на станции Синельниково один. Поэтому мы решили ехать до станции Лозовая, через которую идут на Кавказ все поезда – 8 – 9 поездов. К вечеру мы приехали на станцию, мы с Гришей побежали в кассы занять очередь. Увы, у касс стояла огромная толпа, человек в 200, все хотели ехать и все почему-то на Кавказ. Конечно, сразу было видно, что это были туристы... и мы встали в эту очередь.

Наступила ночь, мы стояли около касс – около 10 человек, по 1 от группы, фильтруя пассажиров – кто в любую другую сторону – пожалуйста, проходите, берите билеты, а кто в Минводы – только после нас!

Часа через два менялись – я на Гришу, Гриша – ещё на одного парня из нашей группы. Остальные ребята дремали, сидя где-то у стенки, а если повезёт, девочкам находили место на сиденьях, но это было так редко, что сидела только одна, и они тоже потом менялись...

Где-то часов в 8 утра произошло чудо – иначе это назвать нельзя. Кстати, такие «чудеса» на железной дороге бывают часто, я довольно часто участвовал в них, себе и своим группам на радость, особенно когда хоть как-то к этому готовишься. Но об этом далее, в своё время...

Внезапно по радио объявили прибытие поезда Москва – Тегеран, а в расписании на стене его нет! И идёт он через Минводы! И начинают продавать билеты!

Судя по количеству билетов, поезд был пустой! Откуда появился поезд – не знаю, но очень удачно. Билеты взяли все, кто стоял впереди меня, я свои 8 билетов, и стали брать те, кто стоял после меня. Один маленький минус – билеты были только купейные, на 2 рубля дороже, но это для нас уже была мелочь, главное – мы ехали!

И ещё сюрприз – мы сели в 10-й вагон, а он оказался хитрым – первые два и последние два купе были обычные, а средние 5 купе – с мягкими полками. Это не те мягкие кожаные сиденья, а настоящие диваны! И мы в этих купе! Вот оно, чудо железной дороги! Вот в таких купе я ещё не ездил (хотел написать, что и после не ездил, но нет, был ещё один такой случай, чудо, но всё, больше точно не было).

Вот так, простояв 15 часов на вокзале у касс, мы были вознаграждены очень комфортной поездкой. Жаль, короткой – следующим утром мы вышли в Минеральных водах. Нам надо в аэропорт – там находится автовокзал, откуда осуществляются рейсы автобусов по всему Северному Кавказу. Туристов почему-то стало меньше, и мы легко сели в комфортабельный «Икар» и выехали в Карачаево-Черкесск, город у подножия гор.

В своей жизни я был на Кавказе, даже 2 года жил в Кисловодске, т.е. там, куда мы ехали, видел Эльбрус издалека, когда мы с дедом и братьями ходили в небольшие прогулки в горы в окрестностях Кисловодска. Но с волнением ждал встречи с другими, более сложными и красивыми горами.

Ребята сразу заснули, а я не спал, я хотел увидеть появление гор – думал, что они рядом. А автобус всё время ехал по равнине и никаких гор вокруг не было – была равнина. Лишь после того, как мы проехали город Черкесск, где-то на горизонте, я увидел розовые облака. Но проходило время, эти облака принимали какую-то определённую форму – и тут до меня дошло – это горы! Снежные вершины, которые постепенно поднимались над зелёным горизонтом. Это было очень красиво, но скоро белые вершины спрятались за зелёными хребтами предгорий, и уже до самого приезда в точку выхода, и дальше, мы их не видели.

В Карачаевске мы успели на последний автобус в Учкулан – туда ездят только ПАЗики, 30 мест, но мы смогли в него сесть, с нашими большими рюкзаками и вечером уже выходили на маршрут.

По сравнению с Минеральными Водами, было значительно холоднее, но мы решили не одеваться, а немного пройти и делать ночёвку – скоро станет темно.

Первая ночь оказалась холодной, а мы ещё не дошли до основных гор. Идти пришлось долго – мы шли по дороге, по узкому ущелью реки Махар – видно было всего где-то по полкилометра вверх и вниз по ущелью. Остальное загораживали склоны справа и слева.

Обернувшись назад, видим вершины тех гор, которые мы прошли ранее, но только уже ниже нас – мы набирали высоту, даже не замечая этого, просто шли. Пока это

Было не сложно.

Лишь к вечеру, пройдя 22 км, мы вышли на большую поляну – это была так называемая база отдыха «Махар». Базой отдыха она была летом, а сейчас здесь не было ничего, кроме огромной зелёной поляны, больших сосен и голубой реки.

Следующий день – тренировочный радиальный выход к перевалу Нахар (1А, 3300м), ведущий через Главный Кавказский хребет в Грузию. Мы смогли дойти только до последней ступени на пути к перевалу – дороги нет, и если на поляне Махар снега не было, то здесь не было уже ничего, кроме снега и камней. А впереди открылся великолепный вид на пик Главного Кавказского хребта – Махар – острый чёрный треугольник на белом фоне, и другие вершины. Мы потренировались ходить по снегу, сделали себе альпенштоки (применяемая при восхождении на горы палка длиной около 1,5 -2 метров, имеющая острый стальной или деревянный наконечник, называемый «штычок», и иногда снабжённая темляком...), покатались на снегу. Погода позволяла – светило яркое солнце, было тепло, но пришлось уже одевать тёмные очки – снег слепил, а у меня были тёмные накладки на очки – в лесу я их снимал.

Тропа в ущелье реки Джалпаккол начиналась прямо с поляны Махар. Надо сказать, в горах рельеф такой – узкая длинная долина, почти до главного хребта, по бокам к ней подходят боковые долины, так называемые «висячие» – т.е. подъём к ним идёт по очень крутому склону. После набора высоты 500-700 метров мы выходим к широкому открытому пространству, оттуда можно выйти к боковым перевалам в соседние долины, или пройдя ещё 2-3 ступени (подъёмы на 100-300 метров) прямо, выйти к перевалам Главного хребта.

Вот мы шли в боковую долину Джалпаккол по густому еловому лесу, узкой тропе, идущей серпантином (т.е. справа налево метров 200-300, затем поворот на 180° и снова вверх, до следующего поворота на 180°, но уже метров на 50 выше. И так до

выхода в долину, где тропа снова идёт с небольшим подъёмом по нижней части долины – до следующей ступеньки. На этом подъёме я стал считать – при подъёме по тропе крутизной 20-30° 100 метров мы набирали за 5 минут, но 1000 метров высоты набирали за день... как так получается? Не знаю, но арифметика такая. К вечеру мы подошли к началу подъёма, к перевалу Южный Джалпаккол.

Сам перевал не виден, его скрывают крутые снежные склоны, через которые нам надо идти.

Найдя площадку, свободную от снега, ставим наши палатки у огромного камня – именно у камня снег протаял на 2-3 метра. Леса давно нет, мы выше границы леса, готовим еду на примусах. Поели- и сразу ложиться спать – подъём в 2 часа ночи, выход в 4 утра – ночью снег замерзает и идти гораздо легче, а днём вместо снега – каша, куда проваливаешься до пояса, и идти вверх практически невозможно.

Вышли точно в 4 часа утра. Темно, на тёмном небе море звёзд – никогда мы не видели в городе столько. И чёрная пила зубцов гор на границе звёзд и темноты в ущельях. Честно говоря, полной темноты не было – небо было слегка синее, снег белый и было видно всё – чтобы разогреть примус, сделать чай, выпить его, а параллельно собирать рюкзаки, складывать палатки, а проверять, не осталось ли чего, уже с фонариками.

В воздухе мороз, мы вышли на снег – он твёрдый, действительно появилась твёрдая корка – фирн, и эта корка выдерживала наш вес! Мы шли, как по шершавой доске, наклонённой под углом 25-40°, прямо вверх. Впереди были три ступени – где-то по 200 метров высотой каждая. Вроде бы не очень высоко, но здесь, на высоте более 2800 метров, уже чувствовалась нехватка кислорода – после каждых 40-50 шагов приходилось останавливаться, глубоко дышать, затем снова идти. Да и темп движения был уже не тот, что внизу – гораздо медленнее, и медленнее всех шли девочки – они реже ходили на тренировки, меньше бегали и теперь это сказалось. Да и вся группа была слабее нашей прежней – не было ещё той выносливости, которая формируется после трёх походов. Но общая выносливость – это для всех норма, а вот девочек пришлось разгрузить – у них мы забрали по 2 кг продуктов. Пошли они также медленно, но теперь перестали отставать перед привалами.

Привалы в горах делаются, в общем, по тому же графику – 50 минут ходьбы и 10 минут отдыха, но что, если негде остановиться – склон 35-40°, под ногами твёрдый фирн, который ногами не пробить, да и опасно – улететь вниз можно легко, сняв рюкзак и потеряв равновесие. Или рюкзак улетит вниз – второй раз подняться уже не хватит времени. Поэтому привалы приходилось делать через более длительное время, когда мы проходили очередную ступеньку и выходили на более пологое место – иногда шли и по полтора часа.

Через час после нашего выхода из-за гор появилось необычно яркое солнце – без очков осталось всего 3 цвета: чёрный – скалы, белый ослепительно яркий снег и тёмно-синий – огромный купол неба, в центре, над нами, немного темнее.

Одели тёмные очки и пошли дальше – теперь можно было видеть на снегу неровности, ямы и складки местности. Горы были рядом, казалось, протяни руку – и дотянешься. Вот до этой вершины – а до неё 3-5 км. Наш склон

И наоборот, следующая ступенька была рядом, а до неё шли ещё полчаса. Дело в том, что нам ещё повезло – солнце осветило наш склон позже, чем остальные – мы шли по западной стороне перевала, до которой солнце ещё не добралось. А вот когда мы уже были на половине третьей ступени подъёма, солнце осветило нас – и уже через пять минут снег перестал нас держать, и мы стали проваливаться – сначала по колено, затем и по пояс. Девочкам было хорошо – они полегче, держались на поверхности, но не долго. Хорошо, что мы были недалеко от верха ступени – прилагая огромные усилия, мы почти доползли до верха, поднялись на него и увидели наш перевал – недалеко. Но, судя по тому, что там ещё оказались три ступени, около километра, и крутой взлёт к перевалу, почти отвес – мы смотрели прямо на него.

В таком положении, при таком снеге можно было бы пройти ещё вперёд – первый участник проваливался, в среднем, до середины бедра, но уж до перевала точно не дойти. Но тут мы увидели узкую полоску травы на краю крутого склона, обращённого к юго-западу – протаял кусок метра 3 шириной и 10 – длиной.

Гриша скомандовал:

– Всё, ночуем! – а на часах 10 утра.

Никаких протестов типа «а почему так рано» не было – все сильно устали. Шли же как в нормальный день, 6 часов, очень правильное решение, наверное, самое лучшее.

Правильность его мы оценили чуть позже, когда пытались выйти за камнями, лежащими чуть в стороне – проваливались по пояс, и дна не было, надо было плыть в снегу... А камни нужны были для крепления растяжек палаток – альпенштоков на все растяжки не хватало. Кое-как притащили штук шесть камней, поставили палатки tandemом – в одну линию, входами навстречу друг другу. По-другому они бы не поместились на этой площадке.

Чем же заниматься на этом клочке земли, похожем на необитаемый остров? А точнее, похожем на голую скалу, с которой уйти невозможно? Ооо, дел было много. Самое основное – отдыхать.

Но сначала приготовить обед. Это заняло час времени. Затем поесть, выпить чаю – ещё полчаса. Помыть посуду снегом. К тому времени наступил полдень и стало уже жарко.

Мы разделись, загорали, т.е. бегали в плавках, ныряли в снег, разложили все вещи для просушки – в основном на палатках, т.к. вся почва под нами стала мокрой. Наша площадка расширялась – снег стремительно, на глазах, таял по краям нашей площадки. Конечно, долго раздетыми мы ходить не могли – минут за 40 кожа наша сторела бы, но даже за полчаса она покраснела. В этот момент самое время было поспать – в палатке тепло, даже жарко, можно погреться после холодной ночи, и мы все добросовестно два часа дрыхли.

Разбудил нас гром – натуральные раскаты. Неужели гроза?! Но солнце всё светило, на небе ни облачка. И тут мы увидели (звук ещё не доходил) – с противоположного склона падал снег, огромные массы снега летели вниз с вершины. И снова загремело. Это были лавины – во второй половине дня снег, скопившийся за зиму на хребтах, вершинах, перевалах, подтаивал и падал вниз, иногда на людей, оказавшихся в горах, и, конечно, же на туристов. Мы знали об этом, каждый год в стране кто-то погибал в лавинах. Для нас это была реальная опасность, но не в этом месте. Здесь, на краю обрыва, было безопасно, как в ложе театра. Мы стояли и смотрели на это страшное и прекрасное одновременно зрелище, которое подготовила для нас природа. Лучшего и более красивого места для такого зрелища было не найти!

Гремело почти до темноты, мы успели поужинать, приготовить завтрак (его оставалось только разогреть) и легли спать, как только за далёкие хребты гор зашло солнце. Вставать нам надо было снова в 2 часа ночи...

Разогревали еду и ели, не выходя из палаток, в тепле. Примусы стояли в тамбуре, т.е. между палатками. И рюкзаки собирали также – тесно конечно, но тепло. Те ребята, что несли палатки, собирались чуть позже, остальные ждали, потихоньку двигаясь к перевалу – его было хорошо видно с нашего места, и снег опять держал – это было прекрасно.

Довольно быстро мы преодолели эти три ступени подъёма и подошли к перевальному взлёту – крутому подъёму на перевал. На крутизне 45-500 лежал снег, видны были следы прошедших ранее групп. Но в этот момент на наш склон вышло солнце, и нам пришлось делать ступени, чтобы закрепить снег, который снова стал проваливаться под ногами.

Медленно, шаг за шагом, мы поднимались по ступенькам, опираясь на наши альпенштоки, держа их наготове, чтобы не поехать вниз. Но на этом подъёме мы прижимались к снегу, уменьшая вероятность срыва и никто никуда не сорвался – это было хоть несложно, но очень напряжённо.

У нас не было традиции, кто на перевал входит первый – но всё-таки сейчас первым на перевал вышел Гриша. Так мы шли, когда делали ступени, а за ним, постепенно, вся группа. На часах 8 утра. Места мало – хребет узкий, около 2-х метров шириной, и на этом пространстве (2х20 метров) разместилась вся наша группа. Делаем фотографии – группа на перевале, виды в одну и другую сторону. Оказалось, что подъёма было всего метров 100. Но вид в сторону спуска! Прямо из – под ног уходил снежный склон той же крутизны (45-500), но казалось, что

это очень круто и прямо внизу мы видели островки леса, до него было всего километр – по вертикали. Зато виды были великолепные – весь Главный Кавказский хребет. В этом месте, конечно, т.е. километров на 50. Огромный белый Эльбрус, с этой стороны видна всего одна вершина – западная, море горных хребтов во все стороны – виды в горах всегда потрясают!

Написав записку о том, кто, когда и во сколько поднялся на перевал, с какой стороны зашли, куда группа идёт дальше. О состоянии погоды, состоянии здоровья участников группы. Это всё стандартные требования МКК, по этим запискам происходит отчёт о путешествии, или, в случае спасательных работ, облегчает поиск группы. Взяв записку другой группы, а по времени они прошли здесь три дня ранее, мы начали спуск.

Спуск – самое сложное в горном туризме, да и, наверное, везде, где есть спуск. И относиться к нему надо серьёзно – больше всего травм происходит именно на спуске. Люди расслабляются (ведь спуск – это легко), теряют бдительность, внимание – и всё, в лучшем случае просто падение. Но вот с какой высоты?!

Мы стояли на кромке хребта – вниз уходил крутой, около 450 снежный склон, только уходил он вниз на километр. Если сорвешься – то полетишь как раз на километр. Нет, на пути были и небольшие пологие участки, но небольшие.

Но у нас была самостраховка – альпенштоки. Мы один раз попробовали задержать себя палками, но на десятиметровом склоне это почти безопасно. А здесь нервы напряжены – вниз километр! И ещё рюкзак висит на спине.

Но вот рюкзак как раз помогает – спуск идёт прямо вниз, палку держишь остриём вниз и назад, чтобы, если упасть, то на спину – а там рюкзак, и равновесие ты не теряешь, не ложишься плашмя на склон, а значит, и не едешь. Помогало нам ещё и то, что спуск шёл по очень глубокому снегу – почти по пояс, ноги приходилось выдёргивать из снега – и снова проваливаться, только уже ниже.

Впереди шёл Гриша, за ним или Володя, или я, и ещё кто-нибудь из парней. Девочек поставили между нами, чтобы подстраховать. Вес рюкзака не чувствовался из-за нервного напряжения, а идти было легко- всё-таки вниз, а не на подъём.

Снег на восточном склоне перевала, где мы шли, под солнцем был с раннего утра, поэтому, хоть мы и проваливались, но под ногами была каша.

Снег мокрый, тяжёлый, и скоро, не смотря на «фонарики», в ботинках стало сначала сыро, затем холодно и появилась вода. Но мы шли довольно бодро, если вначале медленно, осторожно, то уже через полчаса, почувствовав снег, приобретя опыт, стали спускаться быстро. Внизу уже почти бежали, благо склон позволял – уже не так круто и дно ущелья уже близко. Ну, и опыт, конечно – очень быстро приобретался.

К 10 часам утра мы вышли к первым деревьям, но тут ещё лежал снег, и мы спустились ещё немного, к большой поляне в ущелье Узункол. Как раз напротив нашего следующего ущелья, куда нам идти – но уже завтра. Или сегодня? Но нет, Гриша решает снова ночевать, отдохнуть после перевала и перед следующим подъёмом.

Хотя всё это, этот график запланирован ещё дома, и то, что пришли в 10 часов утра – это тоже норма. Есть время на непредвиденные задержки. Например, погода в горах непредсказуемая, особенно летом. Позже я столкнулся с этим явлением, с другой группой.

Снова времени много, тепло, вокруг зелёный сосновый лес, мягкая зелёная травка, журчит успокаивающе горная речка, горит костёр, на нём висят котелки, несётся манящий запах супчика – из пакетиков, но с тушёнкой. Натянута верёвка, метров 20, и вся она завешана мокрыми вещами – и от снега, и постиранных. Спальные мешки разложены на упавших деревьях и тёплых камнях у речки – обычный лагерь горных туристов, отдых...

Днём жарко на солнце, и мы решили поспать на природе, не в палатках. Помня прошлый день, когда после захода солнца сразу становится холодно, я залез в спальный мешок одетым. А Володя разделся до плавок, вещи положил не рядом, на траву, а на лежащее метрах в 30 дерево

и тоже залез в спальник. Я проснулся немного раньше, разбудил других ребят, показывая на солнце – оно уходило за очень близкий хребет и сказал им, что скоро будет холодно и надо бы одеться. Ребята поняли и заранее оделись. А Володя спал, и нам жалко было его будить.

Если сверху солнце заходит довольно поздно, то в узком ущелье это случается гораздо раньше. Вот и у нас в 16 часов солнце скрылось за горой, и сразу же резко и сильно похолодало. Вообще-то наоборот – в ущелье было холодно, почти мороз, но солнце грело, и можно было даже загорать. В горах загорают даже в марте, лёжа в плавках на снегу, но на солнце! А вот когда солнце скрывается, оказывается, что загораете вы на морозе!

Так получилось и у нас – мы почувствовали истинную температуру воздуха – я думаю, всего около 50 тепла. А Володя спит...

Всей группой мы смотрели на него – минут через 10 он начал шевелиться, зарываться в спальный мешок, но ещё минут через 5 не выдержал и проснулся. Смотрит – а мы все одеты, и тепло. Он и взмолился:

– Ребята, принесите одежду!

А нам смешно, как он сейчас голый на мороз будет выскакивать.

– Иди и сам возьми. – отвечаем.

Он стонет:

– Ну, пожалуйста!

Я принёс его вещи. И тут мы все увидели, как можно одеться в спальном мешке, шириной 75 см, т.е. узком, тесном, не вылезая из него. У Володи получилось – очень ему не хотелось мёрзнуть.

Вечером посидели у костра. Редкая роскошь в горных походах – дров маловато. Жаль гитары и гитаристов у нас не было. Поговорили, помечтали, погрелись – и в палатки, спать.

Утром подъём обычный, в 6 утра – как стало светло. Как обычно, приготовление завтрака, чай – и в путь, на следующий перевал – Южные Доломиты (1А, 3350 метров). А мы сидим на высоте 2000 –х. Нам надо набрать 1350 метров высоты, а потом снова вниз, на 2000 метров.

Подъём такой же – крутая тропа идёт серпантином по лесу, и мы медленно, шаг за шагом, идём по ней – до начала верхней долины, т.е. участка, где густой лес заканчивается и заканчивается крутой подъём.

Дальше по почти горизонтальной тропе, но уже по снегу, двигаемся вверх по горной долине. От леса остаются только редкие островки, а впереди снова поднимаются громады вершин Главного Кавказского хребта – пик Далар, гора Кирпич и другие – все в снегу внизу и серо-коричневые вверху, где отвесные стены. Вид великолепный. Я позже был тут летом – вид уже не тот, всё серое, мрачное. Весной красивее, но опасней – лавины.

Присели на камнях, обедаем и внезапно внизу видим большую группу людей – очень большую, из леса выходила один за одним длинная цепочка туристов. Мы насчитали 45 человек. Когда они подошли к нам, мы разговорились. Оказалось, это сборы туристов города Ростов-на-Дону, 4 группы. Они ходили то поодиночке (группы), то собирались все. Вот как сейчас. Они шли через наш перевал Ю. Доломиты и далее также, как и мы – на перевал Азау, с выходом в Приэльбрусье. У каждого туриста на рюкзаке под клапаном небольшая (8-12 шт.) поленница из дров, аккуратно попиленные, толщиной 5-8 см. Мы не стали спрашивать, мы поняли: они несли дрова снизу, издалека, в безлесую долину под перевалом, чтобы готовить пищу, посидеть у костра, здесь таких дров не было.

У ростовчан ещё был специальный человек, который нёс на спине вместо рюкзака большую армейскую радиостанцию. Хорошо подготовились, хорошо оснащены. Вообще про Ростов-на-Дону говорили, что там самый лучший в стране туристский клуб, было больше всего туристов, было своё здание в три этажа. И чуть позже мы узнали, что у них прямо на стене здания, появилась первая в стране скалолазная стенка и соревнования по горной технике они проводили прямо в центре города.

Ростовчане подошли к нам, спросили, откуда мы, куда идём, и узнав, что маршрут тот же, говорят:

– Мы вам дорогу сделаем.

Мы сначала не поняли, лишь когда пошли за ними по их тропе, дошло – в глубоком снегу была действительно «дорога» – тропа, утоптанная 45-ю туристами.

Мы совсем не проваливались в снег!

Раз так, мы тоже побежали к последнему островку леса, тоже наломали дров – всяких, какие были, лишь бы могли гореть, тоже сунули их себе под клапаны, даже девочкам немного досталось и легко пошли вслед за ростовчанами, особенно не торопясь, тем более не обгоняя...

А ростовчане где-то через полкилометра повернули налево и стали подниматься по склону. Мы, чуть поодстав, шли за ними. Через час выходим на почти ровную поверхность – ещё одну, самую верхнюю долину, всю в снегу, леса нет, даже чёрных пятен камней нет. Радовало одно – прямо впереди чётко вырисовывалась седловина (т.е. самое низкое место на хребте) перевала Южные Доломиты, но далеко.

Ростовчане шли дальше, иногда делая остановки, мы за ними – и ещё два часа. А когда перевал стал почти рядом – закончился ровный участок долины и начался подъём собственно на перевал, ростовчане сделали лагерь. Но как! Они достали снеговые лопаты из рюкзаков и выкопали себе места под палатки, до камней! Очень удобно, у нас такого снаряжения не было, нам пришлось ставить палатки на случайном пятнышке протаявшей земли с краю долины.

Скоро запылали большие костры у ростовчан и наш скромный, маленький огонёк под котлами, поставленный на камни, что же – кто сколько принёс дров, тот тем и греется... Но нам было тоже тепло – мы и этого не ожидали...

В эту ночь, видя, что ростовчане не торопятся ложиться, мы тоже не легли спать и сидели, слушали песни под гитару у большого костра на снегу, там, где нет никакого леса. Мы спросили, а почему они не выходят на маршрут в 3-4 часа утра, когда снег подмёрзнет? А они так популярно нас учат:

– Сегодня день был тёплый, очень тёплый, и вечер тёплый – значит мороза ночью не будет. Поэтому лучше выходить пораньше, но засветло – идти одинаково сложно – снег сегодня не замёрзнет.

Тут мы поняли, что оказывается, надо знать и тонкости, все нюансы погоды в том месте, где проходит путешествие – помогает и спланировать график движения, и идти легче. Нужно знать особенности погоды в горах, особенно весной – в данном случае – фёна – тёплого ветра снизу-вверх по ущельям, который резко меняет температуру воздуха вверх, на хребтах, и от него зависит состояние снега и лавинная опасность. При фёнах резко возрастает опасность схода лавин.

Спали мы прекрасно, холодно не было, как в прошлые ночи. Поднявшись в 6 утра, быстро на костре сделали завтрак и в 8 утра вышли. Ростовчан уже не было, но на перевал вела та же дорога – очень удобно, для нас, конечно. Без неё мы бы сами топтали снег, проваливаясь по колено и выше, но уже на пути вверх.

Вообще, в мае такая удача была часто – групп ходило много, и перевалы, в основном тоже одни и те же, или недалеко друг от друга. В этот раз повезло нам. В следующем походе может быть наоборот.

Через час мы стояли на перевале Южные Доломиты (1А, 3350 метров над уровнем моря). Снова великолепная панорама гор, Эльбрус стал гораздо ближе, он своей громадой подавлял все вершины вокруг. Снова записки – естественно, мы взяли записку ростовчан, они – предыдущей группы, а на перевале, в каменном туре, в полиэтилене и старой консервной банке осталась наша записка.

Смотрим вниз – снова внизу лес, километр высоты, но тропы нет – есть огромная яма в снегу глубиной около полуметра, которая уходит вниз. Тут Гриша и говорит:

– Это санная трасса.

Садится в эту колею, берёт альпеншток на самостраховку, упирается остриём в стенку этой траншеи – и уезжает вниз. Мы быстро поняли, с Володей отправили вниз всех, и девчонок, и чуть погодя поехали сами! Это было что-то непередаваемое! Вместо утомительного спуска по колено в снегу мы ехали с комфортом, регулируя скорость спуска усилием на остриё палки и только смотрели по сторонам и вниз – из траншеи торчали только наши головы! И километр мы проехали за 10 минут! Одно было плохо, нет не плохо, неудобно – всё, что ниже пояса – было насквозь мокрым. Но в сравнении со скоростью спуска всё меркло...

Уже в 9 часов утра мы двинулись дальше – как-то было непривычно идти днём. Да и погода испортилась – небо начало закрываться перистыми облаками, а затем посерело, солнце поблекло, стало прохладно. Обед был хорошим способом согреться у костра – и мы ели и грелись.

Путь наш шёл вниз по ущелью, затем направо по самому длинному здесь ущелью – Уллу-Кам (это и означает – «длинное ущелье»), а затем в его верховье, к перевалу Азау (1А, 3260 метров), ведущему в Приэльбрусье. Этот перевал разделяет Западный и Центральный Кавказ, Карачаево-Черкессию и Кабардино-Балкарию (за перевалом).

Подъём крутой, но долгий, мы уже устали, девочки всё чаще начали спрашивать:

– А когда будет привал?

Да и мы тоже еле ноги двигали, но шли, шли вверх. Уже стемнело, но темноты нет, есть какая-то серая муть вокруг. Нас ведёт та же тропа ростовчан, что и раньше, мест для ночёвки (ровных площадок) нет и нужно идти дальше. Лишь около 20 часов мы увидели впереди, на большом снежном поле, палатки ростовчан – их было много. Решили ночевать здесь, как они сказали нам:

– Темно уже, и выше идут лавины – очень опасно.

Мы, конечно, согласились с ними – они гораздо более опытные, инструктора, и тоже стали делать лагерь.

И вот тут Гриша испугался – я не знаю почему? Или ночёвки на снегу (он раньше так не делал, правда и мы тоже), или ещё что-нибудь, но Гриша сказал:

– Ставить будем одну палатку, вторую палатку положим вниз.

Ладно, пока ставили одну палатку, закрепляя её на альпенштоки и найдя ещё пару камней для растяжек, девочки готовили ужин, с ними находился Володя Куркин, как специалист по примусам. Эти примуса «Пчёлка» маленькие, 15x15x10 см всего. Внутри обычная горелка, бачок для бензина на 200 грамм и экран, сделанный для защиты бачка от перегрева. Когда примус горит, жар от пламени нагревает бачок, повышая давление бензина, при этом примус горит сильнее. Для того, чтобы не получалось перегрева и взрыва, сделан экран и есть ещё предохранительный клапан. И когда нам говорили, что такие примуса могут взрываться, мы это знали и учли – взяли 1,5 метра стеклоткани – во-первых, для обматывания котелков при варке, чтобы грелись быстрее, для защиты огня от ветра. И ещё для безопасности – защищаться от «взрыва». Мы ещё не знали на практике, что это такое.

Получалось так: спокойно горит примус, громко шумит, подходишь, помешиваешь еду, отходишь – и вдруг из примуса, с громким хлопком, вырывается шар синего пламени около полуметра, затем примус спокойно горит дальше. И так происходит регулярно, каждые 2-2,5 минуты. Мы вычислили этот период и спокойно помешивали свою еду между этими вспышками. Как мы догадались, это было срабатывание предохранительного клапана при нагреве бачка, будет повышенный расход бензина, но взрыва не будет. Вот этим и управлял Володя Куркин, помогая девочкам.

Ужинали поздно, около 22 часов вечера, т.е. ночью – ели и любовались белым полем с десятком палаток.

Настало время ложиться спать. Положили все коврики вниз, хватило даже под ноги положить. Размеры палатки – 160x200 см, т.е. в длину она больше. Нас – 8 человек, поэтому решили спать поперёк палатки. Меня загнали первым, к торцевой стенке, затем все остальные. Гриша лёг у входа. Покрутились, спрессовались, лёжа на боку и попытались заснуть, но это было проблемой – тесно, жарко. Через полчаса стали затекать ноги и бок, на котором лежу – а повернуться невозможно, хотя чуть пошевелиться получалось. Я крутился долго-долго, а потом отключился, уснул.

Очнулся – за стенкой светло, начал шевелиться, разбудил (наверное, лучше сказать расшевелил) остальных. Еле ступая на затёкшие ноги, мы выползли из палатки. Ростовчане ещё спали – им в любом случае надо было пройти перевал Азау, в Терескол. А нам – не надо – у нас есть необходимый минимум перевалов – два – для зачёта путешествия, есть необходимый километраж (в горных походах минимум – 130 км). Да и время на исходе – пора на учёбу. Поэтому Гриша решает не рисковать, а спускаться назад, в долину реки Уллу-кам и ехать домой.

Небо ненадолго стало голубым. Сделав несколько снимков небольших белых вершин, которые поднимались над нашей равниной. Мы уходим назад, по нашей тропе. Это для нас вершины казались небольшими – на самом деле они были выше 3,5 километровой высоты, ведь мы ночевали на высоте 3000 метров.

Вниз шли быстро, легко. Тропа хорошая, а внизу – дорога, и уже к обеду мы подходили к посёлку Хурзук, от которого уже ездили рейсовые автобусы в Карачаевск. Погода испортилась, небо серое, дует холодный ветер. Да и в долине холодно – ещё не распустились почки на берёзах и других лиственных деревьях.

Подходя к посёлку, видим стоящий жёлтый ПАЗик, и с рюкзаками побежали к нему.

Автобус уже был полный – догадайтесь чем? Конечно же – туристами. Были заняты все сиденья – все 28. Но место сзади было пустое, только рюкзаки лежали.

Мы к водителю:

– Возьми до Карачаевска?

Зная менталитет местных водителей, т.е. любовь к деньгам, мы не сомневались, что возьмёт, вопрос – сколько? Договорились на 3 рубля с человека – вдвое больше обычной стоимости, но ехать надо. Мы согласились, вернее, Гриша, а мы полезли в автобус, расположились сзади – сначала рюкзаки, затем, на них – мы. Девочек старались посадить на заднее сиденье – и удалось, ребята из других групп подвинулись, спрессовались – девочки сели, а остальные сидели на рюкзаках, чуть выше сидений.

Но в этот момент подошла ещё одна группа, и всё повторилось, только теперь сели на нас. Было уже два этажа едущих. Но на пути водитель подобрал ещё пару групп, и в результате автобус получился трёхэтажным – сидевшие вверху бились головами о потолок, нижних задавили – можно было только крутить головой. И так мы ехали 120 км – т.е. два с лишним часа.

Выходили скрюченные, помятые – у меня на боку отпечатался ледоруб и какое-то железо, что было в рюкзаке рядом со мной – не моим, конечно. Но в рюкзаках, на наше удивление, ничего не помялось и не сломалось. А у нас оставались примусы, канистры с бензином, почти пустые и котелки.

Где-то также мы садились в автобус до Минеральных Вод, но уже в один слой и быстро взяли билеты на поезд домой, но почему-то до Лозовой (их было больше). А от Лозовой на электричке уже домой. Помятые, уставшие, с загорелыми лицами, мы были очень довольны что сходили в наш первый поход на Кавказ. Для меня это стало началом для новых больших путешествий, теперь на Кавказ – я влюбился в горы...

Глава 10. ВСЁ ЛЕТО В ГОРАХ

1979 год

После первого похода отдыхали недолго – доучились до сессии, снова хорошо сдавали экзамены, хотя за стенами института стояло жаркое лето, хотелось на остров, пляж и в поход.

Был у нас один курс – ВСИТИ: взаимозаменяемость, стандартизация и технические изменения – курс большой, технически сложный, с большим объёмом материала. И близился экзамен по этому курсу. Я, Женя Давлад и Сергей Конопко решили вместе учить материал – т.е. билеты – готовиться к экзамену. Сели в квартире у Жени и учим: билет 1, вопрос 1 – прочитали, разобрали, поспрашивали друг друга, вопрос 2 – также, затем и 3. Берём билет 2 – действия повторяются. Билет 3, вопрос 1 – а в нём что-то очень похожее, ссылка на то, что вроде бы учили, но в памяти ничего нет. Ищем, оказалось, что это мы учили в билете 1. Тут Женя Давлад и произнёс фразу:

– Ладно, мы отличники, хорошо учимся, и нам так сложно, то как учат другие?

И такой же вопрос от Сергея:

– Что они лучше нас что ли?

Мы развеселились, впили по чашке кофе и продолжили – с тем же успехом, а билетов было 23. За два дня мы разобрали половину, а остальные каждый просто прочитал сам. На экзамене мы все получили 5, да и полгруппы тоже. Всё, сдали –и на остров Хортицу, с ночёвкой, отдыхать – через 3 дня следующий экзамен.

На острове на одной из тренировок в конце мая мы узнали, что клуб титаномagneйного завода «ТАКТ» (туристско-альпинистский клуб «Титан») будет участвовать в массовом восхождении на Эльбрус – высшую точку Кавказа, 5642 метра (восточная вершина 5633 метра), но перед восхождением, для тренировки, необходимо участие в горном походе. Это было условие клуба, чтобы проверить участников и в виде акклиматизации перед восхождением. Наш поход в горы планировался на конец июля – начало августа, а поход клуба «ТАКТ» – в начале июля, а восхождение на Эльбрус – в середине месяца. Я согласился идти в поход с клубом «ТАКТ» – и на Эльбрус, а затем сходить в поход с группой нашего клуба. Оба горных похода были 2-й категории сложности, а по времени я успевал на всё.

Я связался с руководителем, Галиной Токарь, небольшой молодой женщиной, лет 28-30, т.е. гораздо старше меня, худенькой с виду, но сильной и физически, и духовно. Она согласилась меня взять, ещё было одно место. Всего в группе было 8 человек – Галя Токарь, ещё несколько молодых инженеров с завода, Лена – девушка чуть постарше меня, слегка полноватая, но сильная, неприхотливая, добрая, мягкая, с короткой стрижкой. Ира Гаркавцева – тоже старше меня, была полненькой, низенькой, живой, активной, весёлой, дружелюбной и очень терпеливой, устойчивой ко всяким неприятностям девушкой, тоже с короткой стрижкой. Из ребят запомнился Сергей – высокий, сильный, с круглым лицом, выносливый, но с недостатком – он курил. Узнав, что мы идём на Эльбрус, он бросил курить, сказав:

– А вдруг я не взойду на вершину, из-за сигарет?

Мы собирались уже в сложные походы и люди с этими качествами – не скандальные, добрые, всегда готовые помочь, весёлые – такими были почти все, остальные отсеивались ранее. Но, конечно, встречались и в сложных походах разные люди, но пока у нас всё нормально.

Была в нашей группе ещё пара – Аня и Коля, с виду нормальные, лет 25-27 им было, но у них были срывы – навязчивые мысли, которые при определённых условиях могли бы создать нам проблемы, а так, благодаря руководителю Гале Токарь, они решались спокойно. Так Аня с Колей почти не были на тренировках. Во время подготовки серьёзно занимались мы с Сергеем – решили бегать по 10 километров на тренировках в воскресенье, пару раз пробежали –осилили мы эту дистанцию. В одно из воскресений в середине июня выбежали и свернули налево,

вокруг дома отдыха на берегу Днепра и далее уже привычным путём – через сад. Бежим и видим, что деревья какие-то не такие – ветки с красно-жёлтым оттенком. Мы свернули в сад и увидели, что на ветках висит богатый урожай черешни. Конечно, пока бег мы бросили, занялись древолазанием – просто залезли на высокие деревья и стали есть черешню, наелись до отвала – т.е. почти упали вниз с деревьев. И как вы думаете, что мы сделали дальше? Если мы такие хорошие и ответственные? Конечно же, побежали дальше, выполняя норму – 10 км.

Вообще-то, по медицинским данным, считается, что организму, чтобы почувствовать недостаток кислорода в крови, как на высоте 3000 метров (это для обычных людей граница скрытой и открытой, т.е. заметной гипоксии) надо бегать минимум 7 минут. Но нам же надо выше – пять тысяч километров над уровнем моря! И мы бегали долго, где-то по 40-50 минут, т.е. те же 10 км. Но это перед Эльбрусом, обычно бегали по 3-4 км в одну сторону, занятия на стадионе, и 1,5 км обратно. Все участники нашей группы редко собирались вместе на тренировках по воскресеньям – все занятые, взрослые люди, руководитель в том числе, поэтому Галя особо и не требовала совместных тренировок. А мы бегали...

В сборах клуба «Титан» участвовали три группы – первой, второй и третьей степени сложности, всего более 30 человек. Учитывая то, что почти все люди, работающие на производстве, время ценили, а поход долгий. Поэтому, в целях экономии времени, билеты брали заранее на самолёт «Запорожье – Минводы», ТУ-134. Там было 78 мест, туристам в таком количестве в одном рейсе просто не было мест, поэтому улетали три дня, разными рейсами, а я вообще был без билета, так как попал в группу позже. Поэтому мне пришлось лететь на два дня раньше, одному, и встречать группу в аэропорту. А мне ещё и кучу снаряжения дали. Так что попал я в аэропорт с весом всего моего багажа – килограммов 40...

На самолётах за багаж более 20 кг надо было платить, а за ручную кладь – нет. Поэтому у меня в рюкзаке было всего килограммов 25 – за 5 я заплатил. А вот ручная кладь – всего-то 15 кг – почти дамская сумочка с косметикой! Передо мной в самолёт грузилась другая группа туристов. Они уже сдали свой багаж на регистрации и ждали посадки. В это время приходит один из грузчиков и говорит:

– Где эта группа, чьи рюкзаки лежат в багажной тележке? Пусть идут и сами грузят свои рюкзаки!

Пара человек из той группы ушли, а потом оказалось, что в самолёте ТУ-134 багаж загружался снизу-вверх, в хвостовую часть, вручную – грузчики поднимали вещи вверх над собой и загружали в самолёт. А рюкзаки туристов поднять так и не смогли – нетренированные какие-то. И всем аэропортом мы смотрели как пара молодых парней легко загружали свой багаж в самолёт. Смотря на свой рюкзак, я понял грузчиков...

Рейс короткий – самолёт в полёте чуть больше часа. Я сидел у окна и видел, как справа по ходу, т.е. со стороны гор, стало резко темнеть, затем чернеть, а с моей стороны светило солнце – надвигалась гроза, а нам садиться скоро. Самолёт делал манёвры, заходя на посадку, в салоне стало темно, и только чувствовалось, как его бросает то вверх, то вниз так, что даже мне, устойчивому к качке, чуть не стало плохо, но пилоты были молодцы – удачно посадили самолёт!

В районе Минеральных Вод – ливень. Таких ливней я мало видел. Пока мы садились, в окна самолёта сплошь была видна вода, как в подводной лодке. Каким образом мы сели – понять сложно, но даже выйдя из самолёта, мы шли по бетону аэропорта по воде, по щиколотку. Для аэропорта это невероятно. Дальше, когда я сел в автобус, едущий на вокзал, я видел, как автобус едет по улице, а волна бьёт в стенки домов на одной стороне, затем отражается и бьёт в заборы на другой стороне.

Этот ливень стал причиной следующего приключения – они сыпались на меня что-то очень часто.

Я ехал в Кисловодск – на квартиру своего деда, Сазонова Ивана Харитоновича, которому было 80 лет. Он был ещё бодр, жил один, а я был прописан в этой комнате, чтобы её не потерять в случае чего. Я сел в электричку Минеральные Воды – Кисловодск, интервал между ними от 20 минут днём и до 40 минут вечером. Я ехал днём, часов в 15, людей в вагоне было немного, человек 25. Ливень сделал своё дело – когда зашёл пассажир в соседний вагон и переходил в наш, электричка резко поехала, а двигается она быстро, и на пассажира в переходе обрушился водопад с крыши вагона – он даже не успел дёрнуться и зашёл в наш вагон весь мокрый. Правда, не злой, лишь тоже улыбался вместе со всеми, кто это видел.

Проехав остановок 7, перед Пятигорском, где электричка поднимается на перевал, я почувствовал запах гари, а чуть позже объявление по радио:

– Граждане пассажиры 3-го вагона, просим пройти в соседние вагоны, в вашем вагоне пожар...

Люди переглядывались, затем, схватив свои вещи, побежали в другие вагоны, а я смотрел на свой груз и думал, насколько быстро я смогу выбежать с 40 килограммами груза? Быстро – точно не получится. Я сидел и ждал, но тут появился дым. Электричка остановилась, а затем прибежал машинист. Хватает огнетушитель и бежит вниз, к двигателям, слышится шипение. Машинист заходит в наш вагон, и электричка поехала. И остался я один в вагоне, почти до выхода... А всё ливень – электричку тоже залило, и многое замкнуло в механизмах.

Я доехал до своей остановки «Минутка», уже в Кисловодске, дошёл до дома – дед был дома. Он был очень рад, и два дня я пробыл с ним. Мы сходили с им к его брату – Василию Харитоновичу, тоже ветерану войны, он жил с моей двоюродной бабушкой на проспекте Победы в частном доме. В детстве мы часто были у них в гостях, очень мне нравился их уютный дом, сад и забор – из зарослей туи – да такой, что не пролезешь.

И вот, через два дня, снова в аэропорту, встречаю свои группы – они прилетели без приключений. И уехали мы вечером на комфортабельном «Икарусе» на Владикавказ – столицу Северной Осетии. Там мы пересели, точнее, еле влезли в автобус до посёлка Дзинага – начальной точки нашего маршрута. Другие две группы ехали в другие точки, откуда все должны проходить свои маршруты и встретиться где-то посередине на двухдневные сборы. А дальше все расходятся опять по своим маршрутам.

Первый день нашего пути – до Райской поляны, большой поляны в сосновом лесу, чуть ниже языка Караугомского ледника – одного из самых длинных на Кавказе. Напротив него, за хребтом, ледник Цей – где была горнолыжная база советских спортсменов и альплагерь – т.е. десятка два домиков для альпинистов, их база перед выходами. Мы же уходили в другую сторону – в сторону Кабардино-Балкарии, через серию перевалов 1А и 1Б категорий сложности.

Поляна красивая – зелёная, очень низкая горная трава, огромные редкие сосны, голубое небо, и вдали высятся серые громады Главного Кавказского хребта и скалы вокруг Караугомского ледника. К нему, т.е. на него мы делаем радиальный выход.

Ледник Караугом – очень длинный для Кавказа, его длина около 20 км – его язык, т.е. окончание, находится очень низко – на высоте чуть более 2000 метров. Почти там, где мы сидели. Сам ледник по бокам и снизу ограждён высокой, до 15-20 метров мореной – валом из камней разного размера, от 2-3 метров до очень мелких и грязи.

Чтобы выйти на ледник, нам пришлось подняться на морену те же 15 метров. Со стороны долины на ней хоть редкая, но растёт трава, и даже цветы. Далее надо идти по гребню морены вверх рядом с ледником, чтобы спуститься на лёд всего метра 3.

Ледник огромный, ширина его снизу около километра, далее он сужается, сжатый скалами на перегибе, а уже вверху, у подножия Главного хребта, расширяется до 20 километров – тут он рождается.

Лёд на нём, в том месте, в котором мы на него вышли, был шершавый, коричневый из-за пыли и грязи и совсем не скользкий, а «кошки» мы в этот выход не брали. Идти по нему с укло-

ном менее 100 можно было спокойно. Мы и пошли – сначала осторожно, а затем уже быстро, почти бегом, вверх по леднику. Справа, слева и поперёк нашего пути было много промоин, трещин, по которым текла вода – лето, ледник таял. Сейчас, наверное, в этом месте ледника уже нет – по данным печати, все ледники Кавказа за последние 20 лет сильно уменьшились в размерах – конечно, внизу это заметно.

По леднику идти было легко, он некрутой, шершавый. Мы за пару часов прошли 5 км, довольно высоко поднялись (метров на 300), совсем не замечая подъёма и дошли до места, где пройти мы уже не могли – стало круче, и на более гладком льду наши ботинки стали скользить. А трещин появилось гораздо больше – мы подошли к началу перегиба ледника, где он изламывается на крутой стенке ущелья. Да и погода стала портиться, появились мощные кучевые облака и где-то вверху ледника загремело – нет, не лавины, а обыкновенная гроза. А мы на леднике, накидок нет, укрыться негде.

Вот мы и сбежали с ледника, очень быстро добравшись до палаток – успели, минут через 10 полил дождь.

Как оказалось, в этом месте всегда так – тёплый воздух с равнины поднимается вверх по ущелью, по пути охлаждается, над большой массой льда образуются мощные грозовые облака и льёт дождь, а над ледником – идёт снег. И происходит это регулярно, как по расписанию – утром солнце, жарко, к часу дня образуются мощные облака, с двух до четырёх часов дня идёт дождь, а с 18 часов – снова чистое небо и солнце. С такими погодными условиями позже мы столкнулись и в Приэльбрусье (там ледников гораздо больше), и в районе Красной поляны, и в других местах в горах. Конечно, эта схема работает, когда нет циклонов. Когда приходит циклон, в горах погода портится на гораздо большее время. Часто на 2-3 дня – и это тоже надо учитывать при планировании походов.

А группа готовилась к выходу – просушивались вещи, укладывались рюкзаки, готовилась еда на ужин и распределялся вес по участникам. Все наши перевалы были в боковых горных хребтах к северу от Главного хребта, всё время в Северной Осетии. А пока утром наша группа вышла на дорогу из посёлка Дзинага, к первому нашему перевалу – Южный Сауца (1А, 3400 м), так сказать, для тренировки. Верхняя часть долины широкая, именно здесь располагаются все посёлки, и гораздо выше, чем на Западном Кавказе, примерно 2500 метров, поэтому подняться нам надо было всего-то на 900 метров. Рюкзаки

тяжёлые, все продукты на 12 дней похода несём на себе, идём тоже не очень быстро, но одна девушка, назовём её Аня, шла совсем плохо, стала отставать. Её немного разгрузили – пошла чуть быстрее, но всё равно медленнее, чем все, тем самым снижая наш общий темп. Сказалось то, что на тренировки группы в Запорожье она почти не ходила. И на весь поход пришлось это терпеть, обратно её уже не отправить...

На перевал поднялись поздно, часа в 3 дня, затем ещё долго спускались по крутой тропе до первой поляны, сильно устали.

Следующий день как отдых, переход от одного перевала к другому – спуск по реке Хазныдон (т.е. вдоль реки по хорошей тропе) и небольшой подъём к перевалу Цебелаг – но уже 1Б, 3600 метров.

Перевалы 1Б отличаются по классификации от 1А тем, что они сложнее, такой перевал уже с ледником, как правило и уклон ледника довольно крутой -15-250, т.е. по такому леднику в ботинках не пойдёшь, нужны «кошки» – металлические накладки на обычные ботинки с 10-12 зубьями, сантиметров по 8 длиной. Такое снаряжение должно быть у каждого. А ещё на леднике могут быть трещины – открытые, которые видно, и закрытые – их не видно в негу, но, когда наступишь, провалиться внезапно можно легко. Чтобы этого не случилось, для того, чтобы вас можно было бы вытащить, туристы и альпинисты ходят по 2-4 человека в связках верёвкой диаметром 10 мм и длиной 20-40 метров. всё это для безопасности и обязательно

для групп, идущих в походы 2- 5 категории сложности. У нас было всё это снаряжение – на всех, что сильно утяжеляло рюкзак, но что поделаешь – такой спорт.

На подъёме к перевалу Цебелог ледника не было, сначала шли часа 3 по крутой тропе, а следующие три часа без тропы, просто по камням, с трудом преодолевая особенно крутой, почти шестидесятиградусный склон, ведущий на перевал. Перевал узкий, всего около метра шириной, поэтому сидеть долго не стали, только быстро осмотрели виды – конечно, красиво, но не так, как на западном Кавказе, и пошли вниз. Это ещё метров 60 вниз по камням, очень круто, приходится идти осторожно, чтобы не сбросить камень на голову идущего внизу. И серпантинном не пойдёшь – ширина спуска метров 8, не более, а справа и слева – гладкие стены. И с них тоже может что-то упасть.

В конце спуска – выход на ледник, хорошо, что без снега – трещины все видны, да и крутизна небольшая, хотя конца ему пока не видно – скрывается за перегибом. Тут все одели «кошки» и пошли по льду – сначала очень непривычно, неудобно, но с каждой сотней шагов мы шли всё увереннее, понимая, что «кошки» держат даже на крутом льду, только ноги выворачивает сильно – подвернуть их ничего не стоит, выручает опять-таки физическая подготовленность.

Конечно, мы шли медленно – всё-таки много ребят никогда в «кошках» не ходили, поэтому вышли к концу ледника только вечером, после захода солнца и дальше не пошли. Палатки поставили метрах в 200-х от края льда, куда всё время падали лежащие на краю льда камни, иногда крупные и катились вниз, в глубокую яму. Палатки стояли на высокой морене ещё ниже, отделённой от ледника этой самой ямой.

Приготовили еду – конечно, на бензине, здесь почти нет леса, а значит нет и дров. Только далеко внизу, даже ниже посёлков, так что работали только с примусами. Легли спать засветло – очень долгие дни летом. Спали по 4 человека в палатке, я с краю, Сергей – с другого края, а посередине – две девушки – Галя Токарь и Лена.

Мне не спалось, ворочался, и вдруг почувствовал, как подо мной дрожит земля и слышится звук катящегося камня – судя по всему, огромного. И летит точно на нас, кажется. Меня бросило в жар, через пару секунд – в холод – сильный страх как-бы парализовал, я не знал, что делать, хотя где-то в глубине мозга мелькнула мысль – место безопасное, до нас не достанет. Но страх победил, я выскочил из палатки, и со мной выскочил Сергей – скорее всего, почувствовал то же самое. Мы увидели, что огромный камень, метра 2х3, который всё время лежал на краю ледника чуть дальше, сорвался вниз и медленно катился в яму так, что реально земля под ногами дрожала. Со звуком, похожим на взрыв, камень грохнулся в яму и явственно запахло порохом.

После этого мы с Сергеем залезли в палатку и уснули уже спокойно. Позже я снова столкнулся с таким же инстинктивным страхом, уже в походах с детьми, но немного по-другому.

В следующие дни мы подходили к вроде-бы простенькому перевалу Дашивцек, некатегорийному, 2900 метров, но каких! С подъёмом проблем не было – крутая тропка, всё время вверх по склону хребта, справа – стены хребта с перевалами, слева – долина, из которой мы поднимались. А перевал лежал посередине этого хребта, где скал уже не было. Сложности начались позже, когда мы начали спуск – склон оказался очень крутой, градусов 60, а может и больше, зарос высокой травой и не было тропы... упираясь в склон остриём ледоруба, мы с трудом спускались, очень осторожно и медленно, а ещё приходилось страховать девочек – им оказалось ещё сложнее идти – сорваться и полететь вниз «ой, ка далеко» было очень легко. Вот так шаг за шагом, группа шла вниз, рассредоточившись по склону – каждый искал свой путь, свои ступени...

Шли так два часа, без привалов, отдыха и даже разговоров – было не до этого. И вот, когда до явной поляны оставалось около 100 метров, Лена, идущая чуть впереди меня, воскликнула: – Хватит, я сейчас съеду.

Села на задницу и поехала вниз по высокой траве. Я поспешил за ней, но ногами, конечно, медленнее. Сверху я увидел, что Лена благополучно доехала, остановилась, встала и очень быстро стала снимать рюкзак и быстро рыться в нём. Я думал, что она получила какую-то травму и ищет в рюкзаке аптечку, поспешил к ней. Оказалось, что она достала карманное зеркальце, навела его на свой зад, и глядя через плечо, пыталась что-то там рассмотреть. Я подошёл, спрашиваю:

– Что смотришь?

А она как-то отворачивается от меня и всё смотрит в зеркало. И говорит:

– Кажется я штаны порвала...

Вот тут я чуть не упал от смеха – съехать с такой высоты и думать о штанах. Когда порвать о камни можно было и большее... нервы не выдержали, со стороны это казалось очень весёлым.

Но на наше счастье, и счастье Лены, она ничего не повредила, по её словам, конечно. А штаны оказались порванными в очень многих местах, разрезанными на полосы.

Мы настолько устали за два перевала, особенно за некатегорийный, что Галя решила сделать днёвку – т.е. отдохнуть, помыться, посохнуть...

Помыться – это нагреть на костре воду в двух котелках, помыть голову, а остальные части тела – в горной речке, конечно, сильно холодной. И тут мы снова чуть не упали. Аня, которая еле шла, мы её разгружали, после мытья головы достала из своего рюкзака пакет с термобигудями и стала цеплять их на свои светлые длинные волосы! Мы были поражены, но такого не ожидали. У всех застрял в горле вопрос:

– Она настолько сильная, что тащит килограмм лишнего веса? И мы её ещё зачем-то разгружали?

Я после этого всегда контролировал то, что берут с собой участники походов, особенно девушки. И были сюрпризы.

На этой днёвке у нас была запланирована экскурсия к водопадам (радиально, без рюкзаков) и день рождения Иры Горкавцевой. День рождения тоже был запланирован – мы знали о нём и заранее, ещё дома, готовили разные вкусности (я приготовил большой кусок щербета – люблю его я), что приготовили другие ребята, пока не знал. Все эти вкусности мы несли сверх запланированного веса и сегодня могли или обжираться – получилось даже так, что взамен завтрака. А на завтрак у местных жителей купили за банку сгущёнки 10 литров (т.е. полные наши 2 котла) парного молока. Вот и позавтракали – 3 кружки молока, щербет, печенье, вафли, шоколад – все вкусности, лакомства. И через полчаса вышли к водопадам – идти километра два по хорошей тропе, с обеих сторон заросшей кустами.

Люблю я в горы восхождение

Люблю я жизнь в долине рек.

Люблю я мирное схождение

Как любит каждый человек.

Выходили по очереди, кто как собрался. Сначала один, потом второй парень, затем Лена, Аня, Ира, я и Сергей, и последней вышла Галя. Но мы напились молока, причём по 3 кружки, и вот минут через 10 после выхода мне стало плохо с животом, резко потянуло в кусты, и я быстро в них скрылся. Дело в том, что нам, городским жителям, нельзя пить парное молоко, особенно так много – не привычны наши желудки к нему – бывает очень быстрый понос – реакция организма. За время дороги к водопадам я бегал в кусты 3 раза...

Подхожу к водопадам – а там всего 1 человек – парень, который вышел первым.

– А где остальные? – спрашиваю я.

– Не знаю. – отвечает он.

Пока мы смотрели на водопады – зрелище красивое – по чёрной скале течёт 4 бурных потока, метров 25 высотой, как стена из воды, впечатляет. Я бегаю, фотографирую с разных

сторон, и тут начали появляться наши товарищи – по одному, двое, затем подходит Галя и спрашивает:

– А где вы были?

Мы медлим с ответом, а она продолжает:

– Выхожу я последняя на тропу, подхожу к водопадам – и никого нет! Вышли все, в лагере никого, на единственной тропе никого. Где вы были?

И тут мы сообразили, что ответить. Ответ был один для всех:

– В кустах сидели!

И Гали у водопадов тоже не было, когда мы подошли – и на неё молоко подействовало...

Следующим вечером мы подходили к селению Старая Дигора – довольно большому, разбросанному по всему склону. Дома все двухэтажные – т.е. двухуровневые – внизу склад, сарай на опорах снизу. А на стороне подъёма стоит большой дом, над сараями и другими хозяйственными помещениями.

И вот когда мы проходили мимо одного такого дома, на краю села, из него вышел хозяин, увидел нас, подошёл и стал расспрашивать. Узнав, кто мы, откуда, куда идём и, видя, что приближается вечер, предложил ночлег у себя в доме. Мы тоже подумывали о месте для ночлега, поэтому быстро согласились.

Хозяин завёл нас в дом снизу, где рядом с другими помещениями было, как он сказал, святилище – помещение, где хранятся черепа жертвенных животных, съеденных когда-то по большим религиозным праздникам. И действительно, в помещении по бревенчатым стенам были развешены обычные хозяйственные предметы – лопаты, косы, пилы, какие-то незнакомые предметы, старые ковры, одежда и т.п. А под потолком подвешены те самые черепа – с рогами, зубами, белого или серого цвета, штук 30 – весь потолок. Ира с Леной подошли ко мне и говорят:

– И мы будем здесь спать? Нам страшно...

Мне было всё равно, где спать, лишь бы сухо – дождей нам уже хватило, поэтому я ответил девочкам:

– Мы же рядом, будьте уверены, черепа не нападут...

Девочки слегка успокоились.

Хозяин постелили на земляной пол старый, большой ковёр. Хватило даже на место для стола, послал нас за столом – принесли большой длинный стол из соседнего помещения. В дом наверх мы не ходили. Мы стали готовить место для сна, а хозяева – ужин. Мы поняли это, когда хозяйка принесла тарелки, ложки, стаканы (интересно, для чего?) и скоро стала приносить что-то типа плова (большую тарелку), затем ещё большую тарелку, типа таза, с мясом, чуть позже – такую же тарелку со стопкой свежайших лепёшек типа лаваша, но толстых. У нас уже слюна не только капала, текла рекой уже через порог наружу, а хозяина пока не было. После появления ещё одного таза овощей (салата) до нас дошло, что скоро будем есть. Слюна потекла сильнее, но тут заходит хозяин с огромной бутылкой прозрачной, слегка мутноватой жидкости. Понятно – самогон. И ошиблись – это была арака – менее крепкая жидкость, но её было много...

Ели много, пили тоже, тосты от хозяина и от нас звучали часто, но особо не пьянели, пока. Но тут закончились лепёшки... Хозяин говорит:

– Кто у вас самый младший? Пусть сбегает наверх, за лепёшками.

А самый младший – я, и бежать мне сильно не хочется. Мы молчим, переглядываемся – наверное, каждый считает свои годы, но в этот момент забегает сын хозяина, лет 10-ти, что-то принёс. Хозяин ему:

– Аслан, сбегай за лепёшками.

Мальчик убежал, а я глубоко вздохнул – я во всех предыдущих походах, и конечно, в этом, был всегда самым младшим – и так было ещё долго. Но на Кавказе это может быть и неприятно...

После еды нам сильно захотелось спать. Хозяин ушёл, мы залезли в спальные мешки, а над нами всю ночь вращались, скалили зубы, мычали и блеяли белые черепа...

Завтракали остатками вечернего пиршества, только запили всё это молоком – хозяйка уже подоила коров и выгнала их на пастбище. Поблагодарив хозяина за ночлег и еду (причём ни о каких деньгах речи не было, обычное кавказское гостеприимство, но я думаю там, где туристов ходит мало, где их много – это уже источник заработка), мы уходим уже по тропе вверх по широкой долине. Наш путь преграждает высокая зубчатая стена гор – справа налево, а посередине виден небольшой провал – наш перевал Солдат – 1Б, 3600метров. Мы поняли, почему Солдат – на краю перевальной седловины чётко виднелся чёрный столб, как часовой. Вот к нему мы и шли.

Перед Солдатом заночевали у коша (летняя хижина высоко в горах из досок, для проживания пастухов на летних пастбищах), куда нас пригласил пастух, подъехавший из посёлка, на коне. Конечно, ночевали мы в палатках, которые поставили рядом с кошем, в котором сидели и ждали, пока испекутся хачапури – лепёшки с сыром внутри. Мы голодные, а запах в коше дразнящий, оглушающий, свежайшие лепёшки и сыр, спокойно сидеть невозможно, мы истекали слюной и ждали. А к хачапури снова предлагалось парное молоко, но я надеялся, что организм уже привык. Привык, да не полностью – я сбегал за кош (кустов тут вообще не было) всего один раз, а за мной потянулись и остальные. А ели хачапури мы долго – они только из печки, горячушие, обжигающие, но очень вкусные... А ранним утром – на перевал, только утром молоко уже не пили...

Небольшой ледник нас не задержал, а вот подъём к перевалу, последние десятки метров, оказались очень крутыми, нам даже пришлось вешать верёвку, как перила. И спуск был такой же крутой, но по мелкой осыпи, из пластинок сланца, и мы быстро спустились вниз, просто съезжая по камням, иногда вместе с камнями – хорошо, что они были мелкие – сланцевая порода. Небольшие камни-пластинки, сильно слоистая стена, которая очень непрочная и разрушается легко, на мелкие пластинки. Тут весь хребет сложен из такого сланца.

Мы вошли в Кабардино-Балкарию и шли вниз по верховью реки Черек Балкарский. К нашему сожалению, все верховья рек реки Черек, а это Черек Балкарский, а за хребтом впереди – Черек Безенгийский, стали Кабардино-Балкарским заповедником и проход по нему был запрещён. Но выхода у нас не было – выход только по реке Черек-Балкарский.

Подойдя к реке, видим мост. Видно, что тропа идёт по той стороне реки, а по нашей – гораздо более широкая, натопанная. По какой идти – не понятно.

Тут Галя, руководитель, немного подсуетилась – достала нашу маршрутную книжку – т.е. документ на право идти в поход, отдала её мне, а я засунул её в спальный мешок – что-то Галя чувствовала, да и мы знали, что заповедник охраняется.

Мы решили просто – пошли по более натопанной тропе. Тропа ровная, идёт вдоль реки метрах в 30-ти выше. Так мы шли полчаса, до леса. Тропа зашла в лес – и потерялась... Начали мы её искать – и заблудились в лесу метров в 300 шириной, на склоне крутизной градусов 35 – т.е. довольно крутом. И лес оказался диким, с густым подлеском (кустами и небольшими листовыми деревьями под кронами огромных елей) и множеством упавших деревьев. Идти очень тяжело. Я остался один, стал кричать, где-то услышал один отклик, а вообще голос сильно глушился рекой – шумела очень сильно. Я стал считать куда я ходил, определился, пошёл вниз, попал на тропку, стал звать остальных – т.е. орать. Минут через пять вышла Галя, чуть позже трое девушек – Ира, Лена и Аня, последними пришли парни с Сергеем. Сергей рассказал, что они прошли вперёд, до конца леса, тоже метров 300, и дальше пути нет – отвесная скала большой высоты, а внизу ревет Черек. Пришлось нам возвращаться к мосту. Тут мы поняли,

почему тропа была набита – все ходят по ней по 2 раза – туда и обратно, а по другой стороне – только вниз, в 2 раза меньше. Видно, не одна группа тут плутала. Это была ловушка для туристов – выйти можно было только через мост. А там нас уже ждали – два егеря, или лесника в форме, на лошадях – работники заповедника, охрана.

Они подъехали к нам, спрашивают:

– Кто руководитель?

Галя отвечает: – Я.

Егерь говорит:

– Давай документы! (т.е. маршрутку)

Галя отвечает:

– У нас нет, мы ходим сами по себе.

Егерь спрыгивает с коня, идёт к ней, кричит (это всё с сильным кавказским акцентом и кавказской же эмоциональностью):

– Давай рюкзак! Сейчас искать буду.

Я похолодел, а что если все рюкзаки обыскивать будет?

Он подошёл к её рюкзаку, открыл верхний клапан, посмотрел в нём, посмотрел карманы, приговаривая:

– Я знаю, где они лежат...

И ищет, действительно там.

Но у Гали ничего не нашёл, сел на коня и, крикнув:

– Я вас всё равно догоню.

Оба лесника ускакали вверх по ущелью.

Надо ли говорить, что вниз мы почти бежали, торопясь дойти до посёлка Верхняя Балкария. До него было около 20 километров. Но на этой тропе, чуть позже ставшей дорогой, мы уже не блудили и часа через 4 вышли к Верхней Балкарии. Поход закончился – начинается новый, на вершину Эльбруса.

Утром мы сели в автобус, снова ПАЗ, другие автобусы просто не могут проехать по ущелью, дорога по которому вырублена в отвесной скале со множеством небольших, на одну машину, туннелей в этих отвесных скалах. А внизу, почти рядом, ревёт река Черек Балкарский. Автобус привёз нас в Нальчик, откуда снова автобус, уже ЛАЗ (Львовского завода, они были очень распространены по всему СССР).

Автобус ехал до Терскола – большого посёлка под самым Эльбрусом. Аня с нами не поехала – ей хватило этого похода, и уехал ещё один парень. О них мы сильно не печалились – не те они туристы...

Нас осталось шестеро, но должны были подъехать ещё ребята из других групп клуба «Титан». А мы пока прошли 7 км до поляны Азау, на которой стоит нижняя станция канатной дороги, нам надо подняться на 2000 метров, до верхней станции, уже на высоте 3600 метров, лучше в кабинке этой самой канатной дороги. Пришлось нам подождать – ходит всего две кабинки – одна вверх, вторая – вниз, обе на 20 человек. Очередь большая – много туристов и альпинистов едут на массовое восхождение на Эльбрус, посвящённое 150-летию первого восхождения на Эльбрус, в 1829 году балкарца Килара Хаширова. Руководил восхождением председатель федерации альпинизма Кабардино-Балкарии Хусейн Чоккаевич Залиханов, а штаб восхождения находился рядом, в семиэтажной гостинице Азау, где нам надо было зарегистрироваться. Туда сходила Галя с Сергеем, а мы сидели в очереди на подъём.

Галя с Сергеем пришли через час, и ещё час мы ждали все вместе, попутно собирая сухие ветки для костра – ужин надо было делать, экономя бензин.

Поехали мы наверх в конце дня, когда уже темнело. Ехать вверх недолго – минут 15, кабинка летит над скалами, ледниками, красно-чёрными осыпями, иногда на высоте 300 метров, оставляя внизу тёплый лес, комфорт, цивилизацию – мы поднимались в небо...

Выйдя на верхней станции «Мир» – действительно, с неё открывался вид на весь мир – весь Кавказ был внизу, лишь несколько вершин были выше нас.

Мы спросили, где можно ставить палатки? Ответ был необычный – везде! Вокруг было снежное поле, где-то ровное, где-то крутое, и везде стояли палатки – сотни две, наверное, я не считал. И все ровные места были заняты...

Ровное место мы нашли метров на 200 выше, пройдя их по снежной дороге, которая вела к «Приюту 11-ти» – гостинице на высоте 4200 метров, её хорошо было видно от нашего лагеря. А ещё выше, почти рядом, высились такие близкие, знакомые по фотографиям, огромные две вершины Эльбруса – Западная (5642 метра) и Восточная (5633 метра). До них было так близко...

Палатки поставили недалеко от огромного камня, где я сделал очаг из камней для двух котелков и попытался сделать костёр – а он не горел, т.е. горел, пока на него дуешь, а как прекращаешь дуть, он не горит – не хватает кислорода. И пришлось мне всё время приготовления чая и каши махать крышкой от котелка, обеспечивая наддув и горение огня. Руки (кисти) потом чуть не отвалились...

После еды девушки остались в палатках, а мы с Сергеем пошли посмотреть лагерь и недалеко от нас мы наткнулись на 5-6 футболистов, которые пинали мяч. Мы присоединились к ним, а затем ещё кто-то, и скоро на большом снежном поле бегали человек 12, играя в футбол, разделившись на две команды.

Это был, наверное, самый необычный футбол – на снегу, и на высоте 3800 метров.

Играли так – кто-то выбил мяч, Сергей бросается к нему, а на ногах у него кроссовки, они по снегу сильно скользят и Сергей, стоя на месте, но перебирая ногами, пытается добраться до мяча, бьёт его и падает – скользко. Я бегу к мячу, у меня на ногах вибамы, они тяжёлые, разгоняюсь медленно, подбегаю к мячу, бью его и бегу дальше – инерция, быстро не остановиться. А когда останавливаюсь, наклоняюсь и сильно дышу – задохнулся от бега. И так все – ударил, пробежал 10 метров, остановился, отдышался и снова пробежка, удар, отдышаться... Но чуть позже мы втянулись, бегали без перерывов, но медленно – как при замедленной съёмке. Со стороны, наверное, так и казалось. А если посмотреть сверху вниз на наше поле (пару раз я бегал за мячом вверх по склону), то казалось, что бегали мы по краю обрыва, а обрыв висел над всеми вершинами Кавказа, которые открывались в окне тумана, как кадры великолепной панорамы. Очень красивое, незабываемое зрелище – для всех, кто там был.

Утром мы вышли поздно – спешить было некуда. Всего-то собраться, подойти к «Приюту – 11» и поставить палатки заново – 400 метров по высоте и около 3-х километров по горизонту. Обычно это расстояние проходят за 1,5 – 2 часа. Мы где-то так и шли. Погода прекрасная, тихо. А на Эльбрусе редко, когда нет ветра, солнце печёт – и мы постепенно раздеваемся – в результате шли – я в брезентовой штормовке, брезентовых штанах, зелёной широкополой шляпе-афганке. Галя Токарь примерно также, Ира и Лена – в брезентовых штормовках и спортивных штанах, а Сергей – в серой кофте и более серых штанах. Все в тёмных очках и с деревянными палками. А вокруг все в капроновых штанах, пуховках и штормовках самых разных ярких цветов – красного, синего, зелёного, жёлтого, оранжевого. Все с ледорубами. Мы смотрелись, как... Для этого надо было посмотреть на нас со стороны, и это получалось с другими туристами, знакомыми

Гали из клуба «Титан» – они шли навстречу нам по этой же тропе и, не узнавая Галю, прошли мимо. Галя их узнала, скинула рюкзак, побежала за ними, и они подошли к нам, смеются:

– Мы вас не узнали – видим, идёт группа оборванцев каких-то, а впереди идёт пастух.

А впереди шёл я, за мной – Галя.

Эти ребята даже и смотреть не стали на наше «стадо», ещё и с «пастухом».

Когда мы подходили к «Приюту 11» (по рассказам альпинистов, здесь когда-то, в 30-е годы 20 века ночевала группа альпинистов в количестве 11-ти человек). Затем, в те же 30-е годы здесь построили гостиницу – фундамент из камней, толщиной около 80 см, а сверху – каркас из деревянных стропил. Два этажа, с утеплением внутри и покрытый цинковыми кровельными листами, обтекаемой формы, напоминавшей дирижабль. В этой гостинице было около 40 номеров на 2-4 человека (двухъярусные нары), но, может быть, был и люкс – одноярусные кровати. Этого я так и не узнал. А в полукруглых окончаниях гостиницы располагались кают-компания – столовая, она же зал для собраний.

Перед гостиницей, чуть ниже, в те времена была ещё и дизельная, и в гостинице было ещё и электричество, но когда немцы в 1942 году осенью захватили Приэльбрусье, они сделали в гостинице базу своих горных егерей и контролировали перевалы Главного Кавказского хребта, за которыми была Грузия, не захваченная немцами. Через эти перевалы немецкие горные егеря пытались прорваться в Грузию, но зима, лавины и отряды Красной Армии с другой стороны хребта не дали немцам пройти в Грузию, но на Эльбрус они взойшли и поставили там свои флаги. Военный альпинист Гусев в феврале 1943 года ликвидировал эти флаги.

После Сталинградской битвы они бежали с Кавказа зимой 1942-1943 года, боясь быть окружёнными, при уходе взорвал дизельную, но гостиница осталась целой. Она попала в один советский фантастический фильм по повести Стругацких – виды там действительно фантастические. Соответственно, интерьер остался после съёмок.

Надо сказать, что все материалы, оборудование, инструменты приносились по дороге на плечах, волоком или в руках туристами-восходителями, даже лошади и ишаки на этой высоте не могли работать.

Я это узнал, т.е. увидел чуть позже. А в этот раз мест там не было.

Надо сказать, что туалет в этой гостинице был на улице, вход со 2-го этажа – длинный трап метров 6, с ограждением и обычная деревянная конструкция на площадке – заходишь и видишь в дырку в сидении землю – снег, камни, но с высоты метров 30 – т.е. туалет висит на этой высоте. Зато не пахнет в здании...

Мы даже не заходили в эту гостиницу в этот раз – стали искать места, где поставить палатки. Их тоже пришлось искать – вокруг уже стояла та же сотня-две палаток. Мы нашли место метрах в 100 от гостиницы, прямо на снегу, выровняв на склоне ровные площадки. И сделали кухню – выкопали в плотном снегу яму размером 1 метр x 1 метр x 1 метр, а в ней сделал столик для примусов. Яма была нужна для защиты от ветра, которого пока не было, но если бы был, то мало бы нам не было – никому.

Вечером девочки пошли в туалет, на базу – их нет час, полтора, два, затем возвращаются – холодные, усталые и рассказывают, что там очередь человек 200 – еле дождались. У нас сразу пропало желание туда идти, решили с Сергеем поискать вокруг нас. А здесь почти ровная поверхность, лишь ходят люди – по одному или по два – ищут то же самое – где бы спрятаться. Повезло нам, метрах в 50 от палатки набрали на яму, глубиной в метр, а в этой яме – наполовину откопанный ратрак – горный снегоход на широких гусеницах для прокладки лыжных трасс и доставки небольших грузов. И появился у нас собственный туалет, совсем рядом, и никто на эту точку так и не вышел. Но с туалетами действительно была проблема, и каждый её решал по-своему, но имея снеговые лопаты, эта проблема решилась бы за пять минут.

На следующий день – тренировка, акклиматизация – выход на скалы Пастухова – 4600 метров, названные так в память известного исследователя и альпиниста 19 века – Андрея Васильевича Пастухова. У него на этих скалах был в 1852 году исследовательский лагерь, но до вершины они не дошли. Дело в том, что без акклиматизации на высоты 5-6 и более километров не зайти – организм не готов. Поэтому делается 2-4 выхода на высоты, немного меньше, чем вершина, с постоянным повышением высот. У нас это был поход – высоты 3600 метров, затем «Приют -11» – 4200 метров, и вот теперь скалы Петухова – 4600 метров.

Шли мы легко, наши организмы уже приспособились к высоте – три недели в горах. Но всё равно шли не быстро, часто останавливались, чтобы отдышаться – всё-таки высоко – 4500-4800 метров. но, наверное, по сравнению с только что прибывающими туристами и альпинистами мы двигались вверх очень быстро.

На скалах Пастухова стоит небольшой, с метр высоты, металлический памятник с табличкой «Памяти защитников Кавказа» – ставила какая-то группа туристов. Позже, на многих перевалах, мы видели сотни подобных табличек.

Вид со скал Пастухова ещё грандиознее – отсюда весь Кавказ уже внизу, всего лишь 5-6 вершин выше 4800 метров – двурога Ушба, Безенгийская стена с вершинами Дыхтау (5204 метров), Катын-тау (4974 метра), мы ходили недавно совсем рядом с ними, и где-то вдалеке торчал конус Казбека (5033 метра).

А на западе, вдалеке, на горизонте, было видно Чёрное море, а до него 300 километров по прямой – и так во все стороны, лишь на север вида не было – заслонял Эльбрус. Получились красивейшие кадры – как панорама, так и портреты, очень хорошие виды гор. К сожалению, чёрно-белые фотографии у меня до 1980 года не сохранились, а вот слайды остались.

Пофотографировались – и вниз, к своим палаткам.

Надо сказать, что фотографировать я начал давно – ещё в классе 6-7, снимал аппаратом ФЭД, который дал мне отец, на чёрно-белую плёнку, для себя, для семейного альбома. Снимал немного, проявлял и печатал тоже сам – у отца был и увеличитель. Делал небольшие фотографии (обычно 10x15 см) в небольшом количестве.

С началом походов ситуация изменилась – для отчёта о походе надо было обязательно предоставить 20-25 фотографий, со всеми участниками (минус один – сам фотограф, поэтому моих фотографий было мало). Во всех ключевых точках маршрута – если в деревне – то на фоне какой-нибудь вывески с чётким названием деревни, или общеизвестного памятного объекта – это уже получалось 60-70 фотографий (2 плёнки). А ещё надо было сделать поправку на брак – т.е. надо было брать с собой обычно 5-6 плёнок. Для уменьшения брака затем я купил фотоэкспонетр, и мешок для зарядки плёнок в кассеты (плёнка часто вырывалась из кассет или в фотоаппарате из держателя, и вынуть её можно было только открыв фотоаппарат, т.е. засветить всю плёнку – т.е. при дневном свете все изображения исчезали...) Но, в 1978 году при походе в Крыму, при ночном хождении я оставил фотоаппарат где-то в лесу под Караби-яйлой. Надеюсь, что он там лежит до сих пор, хотя в каком состоянии – разве что в музей отдать. И для следующего похода я купил уже фотоаппарат полегче и попроще «Вилия», более приспособленный для походов, а уже перед маем 1979 года пришлось купить самый простой и надёжный фотоаппарат – «Смена – 8м» для цветной плёнки – слайдов.

По всем отзывам «Смена – 8м» была лучше всего для слайдов, по цветопередаче, но без экспонетра было много брака. А экспонетр у меня был.

И ещё в горных походах надо (по правилам, для отчёта) перевал в пяти фотографиях – подход, подъём, группа на перевале, спуск, и виды перевала, с другой стороны. А если применялись какие-то технические приёмы (верёвки, карабины, жумары, способы страховки и т.д.), то ещё и все эти приёмы – т.е. количество обязательных фотографий увеличивалось. И хотелось бы показать всё в цвете – т.е. плёнку брать ещё и цветную. В общем, в два раза больше. А если учесть, что сейчас я ходил по Кавказу в трёх походах, то ещё в 3 раза больше. Поэтому у меня в рюкзаке лежала жёсткая пластиковая коробка, в которую помещалось ровно 30 кассет с плёнками. И она была вся заполнена. Но для небольших выходов была ещё и маленькая коробочка – на 6 плёнок. Вот она была постоянно со мной.

На спуске, подходя к «Приюту -11», видим удивительную картину – снизу-вверх мимо «Приюта-11» идёт демонстрация – колонна альпинистов человек 500, с флагами СССР и всех республик, а впереди длинный транспарант с надписью типа «Спасибо партии...» длиной метров 8, на всю ширину колонны. Я, конечно, побежал вперёд колонны, чтобы всё это заснять, но

меня оттуда погнали: «Тут идёт массовое восхождение, подходят к вершине, а ты бежишь в 2 раза быстрее, кадры портишь» – оказывается приехало телевидение, снимает восхождение на вершину, а я обгоняю всю колонну, да ещё на высоте в 5600 метров! Но я успел снять колонну сверху, спереди – т.е. как-бы я был на вершине!

Конечно, всё это происходило на высоте 4200 метров, специально для телесъёмки, потому что никакой уважающий себя альпинист не пойдёт на вершину с развёрнутыми знамёнами, да ещё и такой колонной – ведь это очень тяжело, часто с техническими трудностями (трещины, скалы, крутые подъёмы) и флаги просто мешают. А вот на вершине – другое дело – достать из рюкзака флаг страны, выпел клуба – это как-бы обязанность, признак хорошего состояния группы или альпиниста, да и просто хорошего тона. Поэтому и снимали репортаж о восхождении заранее... Завтра пойдём на вершину!

Спать легли рано, ещё солнце не зашло, хотя на этой высоте солнце заходит гораздо позже, чем внизу, часа на полтора позднее. Устали и спали нормально, но не долго – подъём в час ночи, быстрый завтрак (его приготовили ещё вечером, завернули в тёплые вещи, и в час ночи каша была почти горячей), а в 2 часа ночи – выход.

Впереди уже была видна длинная вереница людей, медленно идущих по тропе, сначала вверх, к скалам Пастухова, а затем, уходя влево, в направлении седловины Эльбруса – в горах прямо вверх не ходит никто, кроме отдельных случаев – крутых, почти отвесных скал и на лавиноопасном склоне. Всегда легче обойти, чем лезть вроде-бы более коротким путём, физически легче, а на такой высоте – особенно.

Полной темноты нет, на Востоке уже светлеет, появляется красная, затем оранжевая, чуть позже жёлтая полоса на горизонте, на фоне которой поднимаются синие зубцы дальних гор. А на Западе, над берегом Чёрного моря, сверкают молнии в облаках – там гроза, а мы её видим сверху!

А чуть позже появился «синий луч» – ясно видная синяя полоса в небе, начинаясь где-то внизу, в темноте и поднимаясь до уровня вершины Эльбруса. Этот «синий луч» остался даже у меня на слайде. Мы долго думали, что бы это могло быть, и сошлись во мнении, что это тень в воздухе от самого Эльбруса – других версий не оказалось... Красиво и необычно.

Идём плотной группой медленно, стараясь пока не расходовать силы. Но быстро и не получается – впереди нас, метрах в 20-ти, тоже идёт группа человек в 15, затем интервал, и ещё одна группа, и дальше также – мы все идём в едином темпе, обгонять смысла нет – тропа вся заполнена людьми. А вся цепочка скрывается за перегибом склона где-то под седловиной. Но до неё ещё далеко – пара километров, но на такой высоте они даются тяжело – до седловины мы шли три с половиной часа. Перед седловиной тропа, всё время идущая вверх, становится пологой, а затем и ровной – мы на седловине, высота 5300 метров. Видны небольшие группки людей – альпинисты отдыхают, пьют чай из фляжек, едят шоколад или какой-то перекус, а кто-то, пройдя вперед 200 метров, уходит вправо вверх, по другой тропе, гораздо более крутой, примерно 450 , к вершине.

На седловине ещё темно, солнце ещё не взошло.

Мы отошли к какому-то предмету – это оказался конёк крыши хижины, которая была построена альпинистами тоже где-то в 30-х годах прошлого века. Тогда она была большой хижинкой, на 8-10 человек, с прихожей, но за эти годы её так занесло снегом, что осталась лишь часть конька. В это время сверху уже начали спускаться альпинисты, первыми взойшедшие на вершину – они делали нам тропу. И далее у всех, кто шёл навстречу, мы спрашивали коротко:

– Были?

И получали ответ:

– Да!

Других слов не было, все понимали, что это значит – «взошли ли вы на вершину?»

Когда мы подходили к началу подъёма на вершину, поползи слухи «там на тропе многих тошнит, многие еле идут, кто-то ползёт на четвереньках», но все идут вверх. А тут ещё и съеденный шоколад сыграл злую шутку – начал проситься обратно. На этой высоте кислорода очень мало, и какая-то пища просто не может перевариться – это сало, жиры и другое, у каждого своё. Наверное, шоколад тоже из их числа.

С трудом подавляя позывы рвоты, иду наверх, медленно, с трудом переставляя ноги, дышу часто, через каждые 10-15 шагов останавливаюсь, дышу, но иду! Группа распалась, тут уже люди обходят стоящих, обгоняют – каждый идёт в своём темпе, но идут все! Все – вверх!

От седловины до вершины перепад высоты 333 метра – по вертикали, а ещё и путь по горизонтали, всё вместе – около 800 метров. Их мы шли три часа – настолько медленный был темп. Был бы быстрее – не дошли бы совсем (были и такие ребята, не дотянули до вершины пару сотен метров, уходили вниз – у каждого был свой предел, и они это понимали – в горах, чтобы остаться в живых, иногда надо вовремя повернуть назад и не создавать другим лишних проблем). Но были и другие случаи – на подходе к вершине пара мужчин вела, поддерживала и подталкивала девушку, ей было плохо, она была слаба – но шла. И дошла, я видел её на вершине! И таких примеров тоже было много. Наши девчонки шли недалеко от нас, метрах в 20-ти, медленно, но уверенно, а впереди шёл Сергей, тоже метрах в 20-ти. А я очень плохо себя чувствовал, но где-то в середине подъёма мне стало легче, причём резко, и перед вершиной я догнал наших, и все вместе мы вышли на вершину! Это была Победа! Над собой, над слабостью, неуверенностью и страхом! У нас была эйфория!

Конечно, мы не прыгали от счастья, на это просто не осталось сил, но мы ходили по вершине (это большая ровная площадка примерно 150 метров в диаметре. В этот момент Сергей роется у меня в рюкзаке и достаёт спички и сигареты. Он выполнил своё обещание – закурил только на вершине Эльбруса! На высоте 5633 метра! И не получил никакого удовольствия, кроме морального, и ещё, конечно, вреда от употребления табака...

Солнце уже встало, на небе ни облачка, небо сине-фиолетового цвета, тёмное, воздух спокойный – ни ветерка – и чистый. Видно было всё – уже знакомые нам все вершины Кавказа, Чёрное море, Казбек – дуга глубиной в 300 километров. А вот то, что было с Севера, мы не видели, поэтому прошли метров 100 к Северу и увидели ровное (сверху) зелёное поле, за ним – города Кисловодск, Ессентуки, выделялся город Пятигорск с его двумя высокими горами, отдельными конусами, поднимавшимися над зелёной равниной – Машук и Бештау. А за ними – ровная степь на те же 300-400 километров. Но, конечно, вид на Юг был лучше.

Я подобрал на вершине несколько камешков – весь снег с вершины сдувало ветром, как и все предметы, устанавливаемые альпинистами – сейчас это был портрет Брежнева (в то время Генерального секретаря ЦК КПСС, т.е. руководителя нашего государства) и новая круглая металлическая стела около 2 метров высоты с золотистым покрытием. Она могла устоять против ветров на этой высоте.

Тут я встретился с одним из руководителей Кабардино-Балкарии, он обратил внимание на меня, когда я внизу бегал с пятью фотоаппаратами. Здесь он тоже попросил сфотографировать его на вершине. Хотя фотоаппаратов у меня было меньше – всего 4 (два моих, один Сергея, один – Гали), я выделялся их количеством, и меня просили сфотографировать. Я фотографировал своими аппаратами, чужими, заснял и руководителя КБ ССР. Он сказал:

– Я специально сюда поднялся, чтобы не думали, что мы только в кабинетах сидим.

Я с ним согласился – побольше бы таких руководителей! Через месяц я отправил ему несколько штук фотографий с ним и с митингом у «Приюта -11». Я всегда выполнял свои подобные обязательства. Да и другие тоже.

Начался спуск – сначала медленно, а с седловины – быстрее, а навстречу ещё шли и шли группы альпинистов, встречались и одиночки. На часах было 11 утра – у них ещё было время

зайти на вершину, но спускаться им уже приходилось в темноте. Но при такой протоптанной тысячами ног тропе это было безопасно – позволяла погода.

Становилось жарко – южная сторона Эльбруса, уклон 15-200 – на снег солнце светит вертикально, он сильно тает, особенно на тропе – под ногами каша из снега пополам с водой – никакие фонарики не помогают – в ботинках полно воды. Но нам тепло, даже жарко, приходится снимать пару тёплых свитеров под штормовкой – и саму штормовку тоже, оставаясь только в футболке. Мы не боимся сгореть, мы уже в горах почти месяц. Но шляпы и тёмные очки на месте. Лишнюю одежду сложили мне в маленький рюкзак, который специально брали только для Эльбруса и продолжили спуск.

В 2 часа дня мы вышли к нашим палаткам, быстро сняли их, сложили в рюкзаки и пошли на станцию канатной дороги «Мир», чтобы уехать вниз, на поляну Азау. Там лес, трава, речка, тепло – то, без чего мы жили 4 дня. Ещё через два с половиной часа (из них час пришлось простоять в очереди на спуск на канатке) мы расположились напротив турбазы МГУ – на поляне Азау, в редком сосновом лесу, недалеко от ручья около метра шириной. Костёр уже делать не стали – искать дрова там, где неделю жило две тысячи человек – занятие пустое, сварили ужин на примусе, а Сергей сбегал в деревню, чтобы купить что-нибудь спиртное, и, как оказалось, эти две тысячи человек сожгли всё, что горит, в округе. Но и всё выпили тоже – он достал только бутылку араки. Но нам хватило и этого.

Мы ели, отмечали успешное восхождение, смотрели друг на друга – лица у всех были красные, даже тёмно-красные, а вокруг глаз остались светлые круги от очков – и это несмотря на то, что до восхождения мы три недели находились на горном солнце – т.е. этот цвет лиц появился за день! Вот такое здесь солнце...

На следующий день мы долго спали, долго ели и я взял грязные миски, котлы, а заодно и грязные вещи постирать и помыться, почистить зубы в первый раз за неделю. Дошёл до ручья, нашёл небольшое тихое место, где меня не было видно, и стал делать все эти дела по очереди: сначала помыл миски и котелки, набрал чистой воды в них, затем залез в ручей, слегка помылся, стал стирать вещи и носки. Сделав всё это, я взял котелки с водой и пошёл вдоль ручья к палаткам. И что я увидел: выше меня по ручью (и ниже тоже), сотни туристов мыли котлы, посуду, мылись, чистили зубы, стирали вещи и набирали «чистую» воду – на расстоянии 10-15 метров друг от друга, чтобы не видеть то, что делает выше стоящий по течению реки. И это на протяжении километра! А вода всё равно была чистая, и никто ничем не заболел! Вот что значит горная чистая речка! И всего 1 метр шириной!

Вечером хотели найти шашлыки в ближайшем посёлке, но не нашли – наверное баранов для шашлыков было меньше, чем желающих их съесть. Поэтому купив продуктов на три дня (до прибытия второй части нашей группы для следующего похода), ушли в палатки и продолжили отдыхать. А на следующий день мы пошли за справками – в гостиницу Азау. Получив справки, я вспомнил обещание получить пропуск «на все канатки Приэльбрусья», данное мне руководителем КБССР, и подошёл к Залиханову Хусейну Чоккаевичу, уже тогда пожилому седому балкарцу, председателю Федерации альпинизма. Конечно, пропуска я не получил, так как фотографий ещё не было, зато написал сам и получил ещё одну справку о восхождении на Эльбрус, с дарственной подписью Залиханова Х.Ч. – «Желаю здоровья и покорения всех вершин на Кавказе». А вот эта справка, как значок с этого восхождения, остались у меня – эта уже история, моя история путешествий!

Июль – август 1979

Получив документы, мы стали собираться – Галя и Сергей ехали домой, а я, Ира и Лена – в следующий поход, тоже 2-й категории сложности по маршруту: пос. Верхний Баксан – перевал Кой-авган-ауш (в переводе «Пастуший перевал») 1А, 3500 метров – пос. Эльбрус – пос. Терскол (это возле него мы жили, он в километре от поляны Азау) – далее снова на гору Эль-

брус – «Приют – 11» – перевал Хотю-тау, 1Б, 3600 метров – перевал Инструкторский, 1Б, 3400 метров – пос. Хурзук (это те места, где мы проходили в мае этого года).

Руководил группой Игорь Шпилевский, студент 4-го курса, ЗМИ, участники: Володя Каушан, я, Ира Гаркавцева и Лена (после восхождения), и ещё одна девушка, Лариса, кажется, Саша Гриневич, Володя Карамышев – тоже студенты ЗМИ. Мы договорились встретиться на автостанции посёлка Верхний Баксан. Часть группы едет снизу, а трое – сверху по ущелью реки Баксан к своему месту встречи.

Игорь Шпилевский – черноволосый, крепко сложенный парень невысокого роста, серьёзный, редко улыбающийся, довольно спокойный, даже флегматичный.

Володя Каушан – небольшой лохматый, очень живой, не сидящий на месте, всегда что-то делающий,двигающийся, постоянно одержимый какими-то идеями, но хороший компаньон в походе, студент 3 курса.

Володя Карамышев – студент нашего курса, тоже 3-го (бывшего, мы уже на 4-м) – спокойный, почти флегматичный, немногословный, хороший товарищ, работник, сильный, выносливый.

А вот о Саше не могу сказать почти ничего – тоже спокойный, но какой-то несобранный, не готовый к походу, неумелый и как бы отшельник – часто держался отдельно от основной группы. Наверное, такой же был я в начале своих походов. Но я учился всему, а он – нет, поэтому больше он не ходил в походы...

Самое интересное – прибыли и мы, и они почти одновременно – мы ждали не больше часа. Далее выгрузка продуктов, деление их на всех почти поровну. Девочкам меньше килограмма, хотя Ира и Лена уже могли нести больше, чем некоторые мальчики, типа Саши. Но так делается всегда – девочек беречь надо, хоть они и тренированные, но выносливости меньше. И это правильно.

Вышли мы после обеда, отобедав в основном пирожками с чаем в местном кафе. И пошли ко входу в ущелье Адыр – су («Грязная вода»), где вверху справа этого ущелья и был наш перевал – Кой-авган, 1А.

Он соединял наше ущелье с другим, похожим, с названием Адыл-су («Чистая вода»). И действительно, сейчас рядом с нами текла грязная река Адыр-су.по ущелью метров 200 идёт дорога – вверху ущелья располагался большой альпинистский лагерь «Адыр-су», с большим количеством деревянных домиков, снаряжением, оборудованием, столовой, печками – он работал даже зимой. Но просто проехать по ущелью было нельзя – в тех самых двухстах метрах от его начала, ущелье перегораживала стена около 40-ка метров высотой, за которой снова была ровная дорога к верху ущелья. А река пробила в этой стене глубокий каньон, в котором глухо ревела. Дорогу пробивать было сложно. И было сделано оригинальное сооружение – автоподъёмник – т.е. лифт для машин (сейчас такие стоят в многоэтажных автостоянках). Подъезжала грузовая машина, дежурный в будочке нажимал кнопку, площадка опускалась (или поднималась) и машина заезжала на площадку. Снова нажималась кнопка и площадка подъёмника поднималась наверх, на эти 40 метров. Сверху машина съезжала с площадки, и подъёмник ждал следующую машину.

На сей раз этой «машиной» стали мы, но мы не знали, как пользоваться этим подъёмником. Да и людям на подъёмнике подниматься запрещено, даже водителям – об этом предупреждала большая надпись на подъёмнике. А все люди поднимаются наверх (или спускаются) по длинной железной лестнице, висящей на краю этой скалы, на эти же 40 метров. Ощущения довольно острые, особенно для слабонервных – ступени лестницы сделаны из трёх прутьев, сквозь которые прекрасно виден низ ущелья...

После подъёма по лестнице мы быстро пошли по ущелью. Быстро – это я и девочки, а вновь прибывшим было тяжело – для них это первый день, а рюкзаки самые тяжёлые. Поэтому мы с девочками шли, отдыхая, а парни мучались – хотя вес рюкзаков был одинаков.

К вечеру мы дошли до места ночёвки – большого зелёного елово-соснового леса на развилке трёх ущелий – налево – к альплагерю «Адыр-су», прямо – в верховья ущелья Адыр-су, к Главному Кавказскому хребту, направо – к нашему перевалу. Здесь мы и решили ночевать – место отличное – ровная поверхность, лес, река, костёр, тепло.

Утром – подход к перевалу – он высокий, перепад высоты более 1200 метров, и в первые дни похода это сложно. Но подойти к перевалу возможно, даже нужно – есть график маршрута, и его надо соблюдать.

На нашем пути снова крутая стена, из середины которой течёт небольшая речка, почти водопад. Слева и справа от неё – тропки. Саша вышел вперёд, прыгнул через эту речку (внизу она чуть больше метра) и пошёл вверх по тропке. Мы же вышли на пару минут позже и не стали прыгать через речку, выбрали правую тропку, которая была более широкая и поднималась серпантинном по очень крутому склону. Уже метров через 50 высоты Саша заорал:

– Тропа закончилась!

Мы так спокойно отвечаем:

– Иди к нам, у нас хорошая тропа.

Саша подошёл к речке – а она уже глубокая, а щель, где течёт река, крутая, широкая – и Саша испугался – надо прыгать, а река шумит, пенится внизу, он в панике орёт:

– Давайте страховку!

Мы останавливаемся, достаём верёвку, кидаем ему – расстояние метров 8 всего от нас до него – и кричим ему:

– Вяжи обвязку.

Это элементарно, вяжется за одну минуту, это знают все. Но Саша, оказывается, не знал – он был больше новичок, чем все остальные новички. Он совсем ничего не знал. Минут 15 он что-то на себя вязал, крикнул:

– Готово!

Мы схватили верёвку, он долго топтался, наконец, прыгнул, а мы ещё за верёвку дёрнули – и он пролетел лишних 2 метра за речкой. Тут мы посмотрели, что он завязал – он сделал кокон, как бабочка – намотал на себя верёвки метров 15. Про себя мы подумали «и как с ним идти в этот сложный поход, если он ничего не умеет?» и были правы...

Далее до вечера приключений не было, только тяжёлая работа – тащить рюкзаки вверх, сначала по крутой тропе, затем по более пологой долине всё ближе и ближе к перевалу. К вечеру мы остановились прямо под перевалом на зелёной полянке с ручейком. Солнца уже нет – оно за хребтом, светит, но с той стороны перевала. Через час после еды заболела Лена – тошнота, рвота, болит живот. Похоже на отравление, дали ей чая побольше, таблетки. Утром состояние такое же, она не ела, но говорит, что через перевал пройдёт. Её разгрузили – забрали все продукты, и пошли на перевал. Он – рядом, всего в двухстах метрах по вертикали от нас. А вот чтобы добраться до него, пришлось очень и очень поработать. К перевалу ведёт мелкая каменистая осыпь – как гора щебёнки высотой 200 метров, а слева и справа от неё – скалы, обойти невозможно. И эта осыпь всё время движется под нашими ногами – едет вниз. Приходилось использовать вид движения – «велосипед», когда ты делаешь шаг одной ногой вверх, вторая едет вниз, и наоборот – делаешь два шага высотой в 50 см – и съезжаешь вниз на 45 см. Очень утомительный подъём получается и медленный. За 2 шага 5 сантиметров вверх. Положение спасали камни побольше, но ненамного – когда становились на такой камень, поднимались на 15 см – и этот камень тоже ехал вниз. Да ещё и круто – получалось подниматься, как на эскалаторе, только эскалатор едет вниз, а тебе надо вверх. Но мы поднимались, лучше всего оказалось движение на четвереньках, но тоже тяжело – рюкзак мешает, соскальзывает на голову. Тем не менее, через 2 часа, мы вышли на очень узкую перевальную седловину.

Стоять тут негде, поэтому уходим вниз, а Игорь пишет записку и бежит за нами. Бежит – вниз такая же осыпь, как и с той стороны, но один шаг равняется уже метру и более высоты. Камни ехали вниз в попутном направлении.

Мы не стали задерживаться под перевалом, быстро шли вниз – погода стала портиться, да и Лену надо лечить. Переночевали внизу, почти на выходе из ущелья. Утром вышли на дорогу к посёлку Терскол – до него 8 км, а транспорта нет, а тут ещё и дождь пошёл – две недели была сказочная погода и закончилась.

Идём по асфальту, сверху капает небольшой дождь, а девочки постепенно отстают, смотрим – уже около 150 метров. И тут ещё одно подтверждение того, что далеко от группы отрываться нельзя – сзади девочек появился автобус. Мы смотрим, автобус останавливается, подбирает девчонок и едет. Когда он проезжал мимо нас, мы видели, как девочки машут водителю, что-то кричат, но и автобус уехал, а мы снова побрели по дороге, желая водителю всякого счастья. Через час, когда мы подошли к девочкам, стали их укорять, почему не остановили автобус, на что они говорят:

– Мы пытались, уговаривали, но водитель ответил: «мужчины умирают стоя» – и не остановился.

Вот такой кавказский менталитет- для девочек – всё, а мужики – ничто. И это ещё самое мягкое отношение. Но и гостеприимство никто не отменял...

В Терсколе Лена совсем ослабела, и решила ехать домой – она реально больна, три дня ничего не ела, желудок болит – и уехала, на этом же автобусе. Нас стало меньше...

Погода портится, где-то сверху гремит гроза, а у нас – дождь. Когда мы подошли к станции канатной дороги то узнали, что в такую погоду она не работает. Наверху сильный ветер. Но тут к нам подходит один мужчина, местный, в пуховике и спрашивает:

– Вам надо наверх? Поехали, мне тоже надо на «Мир», я работник канатки.

Он попросил операторов, те включили канатку, мы зашли в вагончик и поехали вверх.

Как только поднялись над долиной, снаружи засвистел ветер, вокруг нас сгустился туман, где-то гремел гром – мы пролетали через тучи, вагончик раскачивался довольно сильно, и мы думали, как эти два вагончика разойдутся при встрече – но разошлись удачно, и мы благополучно доехали до станции «Мир». Под крышей тихо, туч больше нет, мы уже выше них. Но, как только мы вышли из станции, нас буквально ударил ветер – он был очень сильным, но идти мы могли – дорога была видна, но на высоте метр-полтора от поверхности земли мела сильнейшая позёмка. Застегнув всё, что можно, натянув капюшоны, мы вышли на подъём к «Приюту-11».

Второй раз за две недели мы поднимаемся на Эльбрус – но какая разница! Тогда было тихо, отличная видимость, много людей вокруг, а сейчас нас всего 7, никого вокруг, метёт снег, в редких разрывах тумана проглядывают высокие вершины и снова скрываются. Неяркий оранжево-красный свет и сильнейший ветер слева, с Запада – здесь у него препятствий нет, кроме самого Эльбруса, а мы – мелкие песчинки на нём. Но мы шли, упираясь ледорубами справа, ставя их где-то в метре от ног – иначе не удержаться, сдувает. А когда кто-то заходил слева от меня, меня резко бросало влево – поток ветра прекращался, и я чуть ли не падал влево, в сторону ветра – так сильно упирался.

Уже позже нам сказали, что сила ветра была 50 метров в секунду (я посчитал, что это 180 км/час). Такого ветра ни до, ни после я никогда не ощущал. И мы шли до «Приюта-11» два часа... на ветру.

Неудивительно, что случился у нас нервный срыв. Когда мы пришли в «Приют-11», там была плановая группа (т.е. туристы по путёвке), они помогли нам зайти в комнату и напоили горячим чаем.

Стали раздеваться – и увидели, что во все щели в рюкзаке, одежде, ботинках плотно набился снег – в карманах, под клапаном рюкзака, под штормовкой. У Саши на штормовке были пуговицы, когда он расстегнул их, у него весь свитер на груди и животе был забит снегом,

такая снежная корка внутри одежды. И так было у всех. Кое-как развесив одежду, собрались в комнате. Из двух девочек не осталось действующих ни одной – Ира постоянно дрожала и изредка вскрикивала, а вторая – Лариса – просто отключилась, упала на нары и не двигалась. Из парней остались только двое – я и Володя Каушан, которые могли двигаться и работать – а надо было постелить спальные, сделать ужин, поесть (а это вызывало вопросы – есть за кого-то мы не могли).

Вот и стали мы с Володей дежурными – я пошёл готовить еду на кухню – большую полу-круглую комнату в торце здания. Я сделал суп и чай, естественно, на примусах. Пришли мы около 8 часов вечера, час я возился на кухне, а Володя укладывал почти бесчувственных ребят на нары, иногда с моей помощью. Где-то в начале десятого я принёс суп в комнату. Лариса спала, её и будить не стали, остальных подняли и заставили хоть немного поесть и выпить по кружке чая. И вот после этого уже отключились все...

Утром нас разбудила уходящая вниз туристическая группа. Я снова пошёл на кухню и снова делал суп – с тушёнкой (из нашей банки) и ещё остатками жира из 8-ми банок тушёнки этой группы (им оказалось много, и я их понимал – банка на каждого – для нас это роскошь). Оставили они нам ещё и часть сахара, хлеба, печенья – так что получился очень усиленный завтрак. В супе плавал толстый слой жира, но с хлебом пошло – съели всё.

Нам всё ещё казалось, что вокруг прохладно, мы оделись тепло и вышли. За спокойную ночь в тепле ребята восстановились и могли идти дальше.

Погода прекрасная – тихо, яркое солнце, видимость великолепная, чёткая – даже наш перевал виден, Хатю-тау, далеко внизу. Как приятно брать такой перевал – идёшь вниз, проходишь перевал – и снова вниз. Наша высота – 4200 метров, а высота перевала 3600 метров.

Навстречу нам идёт турист-одиночка – скорее всего просто одиночка. Узнать кто он – невозможно – на ногах ботинки, плавки, очки тёмные и шапочка – и больше ничего. Это по сравнению с нами, одетыми во всё тёплое.

После этого мы тоже почувствовали, что на солнце, на снегу стало жарко. Пришлось нам остановиться, снять всё лишнее – а это были все свитера – и остаться в штанах и ветровках, шапочках и тёмных очках – это то же, в чём был одиночка. Штаны снять мы не захотели...

Шли сначала почти до верхней станции канатной дороги «Мир» (3700 метров) и ушли направо, на ледники Эльбруса, где вдалеке виднелся наш невысокий перевал Хатю-тау 1Б, 3600 метров. идти легко, на льду много камней, снега нет, все трещины видны, как виден и весь путь – от станции «Мир» до перевала. Но позже, когда мы отошли от станции километра полтора, ледник стал понижаться, но неровно, буграми. Заходим вниз – как в яме, ничего не видно, кроме окружающего нас льда. Выходим вверх – снова видна горная панорама. Но идти стало тяжелее – то вверх, то вниз, вместо того, чтобы просто вниз. И мы полпути так и прыгали – вверх-вниз, вверх-вниз бесчисленное количество раз.

Где-то посредине пути от станции «Мир» к перевалу мы решили пообедать – сделали привал, достали недоеденный хлеб и тушёнку (подарок от плановых туристов), свою колбасу, сделали чай на примусе и почувствовали прилив сил – можно идти дальше. Понятие «посредине» – относительное. Мы видим предметы, станцию, перевалы – но видимость обманчивая, так как размеры предметов разные. Станция довольно большая, и может быть гораздо дальше, чем кажется. Но нам-то это хорошо – мы идём от неё. Но есть ещё один ориентир – ледник. Он снова начал повышаться, визуально заметно, и уже на пути стало меньше бугров, больше трещин – и их надо обходить. Вот так, то прыгая вверх-вниз, то петляя вокруг трещин, мы вдруг увидели, что перед нами наш перевал, почти рядом, через ровное ледовое поле. И мы не очень устали...

Перевал смотрелся как след от топора в довольно ровном небольшом хребте и подъём на него был очень крутым, около 600, по снежно-ледовому склону с массой камней, вросших в

снег. Очень короткий. Это сильно облегчило подъём – хотя, для безопасности, шли по одному, чтобы не свалить ниже идущему камень на голову.

На перевале множество – десятки табличек с памятными знаками «Слава защитникам Кавказа» от – я думаю, от всех туристических клубов страны. Ими облеплены все скалы и крупные камни на перевале – перевал очень популярный, через него ходит много туристских групп.

Это, наверное, и дало мне идею – а почему бы и мне так не сделать? И реализовать её чуть позже – ведь в следующем году будет 35 лет Победы (1980 год). А пока сидим, греемся на солнце, пишем записку о том, что мы зашли на перевал (не пишу «взошли», так как большую часть времени мы спускались или шли по ровному ледовому полю), едим положенные кусочки шоколада – и снова вниз, в Карачаево-Черкессию, туда, где я ходил в мае.

Спуск по крутому, немного осыпному склону, тоже довольно крутому, и очень длинному – вот тут высота в 3600 метров уже видна – спускаться пришлось долго и медленно. Само ущелье мрачное – чёрно-красные и серые камни, снег – больше ничего, поэтому уходим всё ниже и ниже, пока не подходим к нижнему ущелью Уллу-Кам – здесь есть и трава, и лес. Тут и остановились.

В палатке нас было трое: я, Ира и Вова Карамышев. Спали в одном, состыкованном из двух обычных спальных мешков, большом, на троих, так называемом конверте. Утром Ира жалуется:

– Что-то мне холодно было спать...

Все остальные и мы с Вовой тоже удивились: «Почему, ведь у тебя под боком два тёплых мужика!»

И тут Ира выдала:

– Каких тёплых? Оба отвернулись от меня, лежат боком, спальный мешок натянулся надо мной так, что я обеими руками давя на него и продавить не могу. А холодный воздух так и гуляет по мне, до ног достаёт.

Конечно, все мы долго смеялись, а я задумался – надо как-то это пространство заполнить, по моей спине холод тоже ходил ночью. И мы стали заполнять это пространство вещами – намного теплее получилось.

Следующий переход – к перевалу Инструкторский, 1Б. Шли к перевалу по долине Уллу-Кама, а на повороте в долину Узун-кол, где вверху и был наш перевал, решили себя облегчить – оставить себе продукты на 2 дня, а остальные занести в следующую долину, куда мы должны спуститься после Инструкторского перевала – идти всего пять километров. Так и сделали – быстро разгрузили свои рюкзаки, разделили продукты на две неравные кучки – поменьше – нам, побольше – Вове Карамышеву и Вове Каушану, чтобы они занесли из в следующее ущелье. Вовы ушли, а мы, облегчённые, двинулись вверх по ущелью Узун-кол. Шли до границы леса часа два, вышли на ту же поляну, где мы ночевали в мае, сделали лагерь и стали ждать наших ходоков.

Жарко, снова мы развешиваем вещи для просушки, ставим палатки, готовим еду на костре – т.е. отдыхаем. Даже помыться все успели, и постирать вещи. Тогда я этого не видел, но, скорее всего, кто-то постирал свои штаны и, скорее всего, это были девочки – от них всего можно ожидать, в смысле красоты и вопроса:

– А как я выгляжу?

И этот вопрос чаще всего задают они сами себе, что-то мы такого никогда не слышали, в походах, конечно.

Есть такая примета (очень точная, работает всегда и проверена моим опытом и опытом других групп). В походе нельзя стирать свою верхнюю ходовую одежду – штормовку и штаны. Или если и стирать, то строго на себе, потому что эта стирка сразу влияет на погоду! Она

портится и идёт дождь! У меня был случай (о самом походе далее), когда от стирки штанов до сильнейшей грозы прошло всего 20 минут.

В горах об этом забывают, потому что грязи почти нет – камни и снег вокруг, а вот в пешеходных походах грязи побольше, и там эту примету очень хорошо знают. Но наши девочки не знали...

Но время у нас ещё было – пока небо было чистое, мы ничего не подозревали. Через час подошли два Вовы, налегке, уже без продуктов. Мы поели и легли спать. И вот тут началось – сильнейшая гроза разразилась над нами. Кто не убрал свои вещи, выскочил за ними (а вообще-то положено все вещи, даже не высохшие, убирать или в палатку, или под полиэтилен, которым накрыта палатка, перед укладкой спать, но не все это делают – из-за собственной беспечности).

Гроза реально была над нами – блеск молний мгновенно сопровождался громом, да таким, что мы в палатке подпрыгивали от дрожи земли –

хорошо, хоть недолго. И только после затишья мы заснули.

На следующее утро погода солнечная, но сверху всё закрыто – не то туман, не то облака. Собрались и вышли, чтобы подойти под перевал Инструкторский, а он высоко вверх. Начинаясь подъём по тропе, по крутым ступенькам ущелья, только высота ступенек по сто-двести метров, и их много. К обеду вышли на плато под перевалом – ледник с большим снегом. Впереди уже должен бы быть виден наш перевал, но его нет, а есть плотная серая пелена. Игорь Шпилевский, как руководитель, решил пройти с Вовой Каушаном вперёд, чтобы ближе увидеть, где перевал, и как к нему идти. Они ушли, мы сидим, ждём, изредка кричим – для ориентира им. Затем достали котелок, стали стучать по нему – получалось громче. Так мы сидели с час, когда из тумана появились две фигуры – мокрые от влаги и очень недовольные. Вверху ничего не видно, сплошной туман, а скоро станет темно. Поэтому решили ждать хорошей погоды, т.е. ночевать. И поставили мы палатки на краю ледника, на марене (на камнях), далеко от вершин.

А вечером – новая гроза, можно сказать, не над нами, а мы были в грозе – молнии били в высокие камни рядом с нами, слышалось громкое шипение, грохот стоял неумолкающий, сотрясался весь ледник. А мы спокойно лежали в палатках, спать было невозможно.

Утром тихо, снова плотный туман – вокруг всё серое. Что-то надо решать... на перевал нельзя – ничего не видно, а вниз – не хочется... но пришлось – кончились продукты. Мы позавтракали, а обеда уже нет – не рассчитали запас на задержку (а она всегда может быть). С тяжёлым чувством неудачи, правда не по нашей вине, мы уходим вниз, спускаемся к обеду (по времени) на поляну, уходим вниз по ущелью. А есть хочется уже сильно...

Наконец остановились и стали смотреть, что же осталось у нас из еды – выложили всё: лук, сухари, масло подсолнечное. большая банка икры кабачковой, чай – и всё... очень мало. Пришлось делать обед из того, что было, и оставить банку икры на НЗ: салат из лука с сухарями в подсолнечном масле и чай – без сахара. Это был ужин без обеда – не густо... а снаружи палаток снова дождь...

Утром без завтрака выходим с целью добраться до заброски. Переход – привал. Сидим, отдыхаем, и тут я вижу, что все почему-то смотрят на меня.

– Что случилось? Что вы так на меня странно смотрите? – спрашиваю я.

А мне отвечают:

– А ты отключился, потерял сознание.

Я в шоке – ранее такого со мной никогда не было.

Я думаю, что это от голода – кроме лука с сухарями, мы сутки ничего не ели- при том, что где-то недалеко от нас лежит куча еды. Скорее бы добраться до неё, а то ещё кто-нибудь отключится. И надолго...

Нам повезло, через час мы пришли к заброске, и никто больше не терял сознание. Его можно было потерять теперь от её изобилия – супы, крупы, сахар, печенье и другое – то, что мы не захотели нести...

Теперь нам надо было обязательно пройти перевал Средний Кичкинеккол, 1Б, 3400 метров, чтобы поход был зачтён. Но погода не препятствовала нам, и за три дня мы прошли этот довольно простой перевал. Тем более, теперь мы были сыты! Уже через 2 дня после перевала мы ехали домой. Заканчивалось для меня это горное лето с его трудностями и достижениями.

Глава 11. СОРЕВНОВАНИЯ И НОВЫЙ ПОХОД

Осень 1979 года

Довольно быстро я отошёл от всех этих походов, затем весь сентябрь проявлял и печатал фотографии и слайды – отснял 15 плёнок чёрно-белых и 10 слайдовых. Конечно, сначала я печатал Эльбрус – и самому хотелось посмотреть снова это мероприятие, и отослать обещанное. Затем настал черёд походов. В то время очень долго шло глянцевание – у меня был только маленький глянецватель, этого было мало, и пришлось купить ещё два – побольше. И всё равно приходилось для сушки фотографий использовать собственные окна. Конечно, перед глянецванием я их мыл с содой, но очень часто фотографии этого не знали и прилипали к стеклу очень прочно – так, что приходилось их отмачивать, отдирать ножом и снова мыть окна. Вот в этих заботах прошёл весь август и сентябрь, а ещё и тренировки на острове Хортица и учёба в институте – шёл 4-й курс. Но тут меня пригласили в поездку на соревнования, на реку Южный Буг, в каньон. Это Николаевская область Украины. Но позвали не непосредственным участником, а запасным, и помощником по хозяйству.

В таких соревнованиях у участников команды практически нет времени на то, чтобы приготовить еду – всё время уходит на просмотр дистанции, подготовку снаряжения – а это 3-4 верёвки по 40-60 метров, 30 карабинов, страховые системы, узлы, ожидание старта, и, наконец, сама трасса – часто 1-2 часа (или даже полдня, если есть ориентирование или кросс-поход). И после финиша ребята приходят выжатые, уставшие – и к этому времени надо их кормить, дать время отдохнуть, разобрать снаряжение – так что дел у меня и ещё одного парня хватало. И ещё – деньги на дорогу нам выделялись, но мы ехали за свои, а выделенные деньги шли на приобретение снаряжения для клуба. По-другому денег было не достать, да и снаряжения тоже.

Мы ехали поездом Ростов-на-Дону – Одесса, от Запорожья до Николаева (это как раз те места, где сейчас идёт СВО). Ехали всего ночь, утром в Николаеве пересели на автобус до города Вознесенск. Не доезжая до него 3 километра, вышли и двинулись влево от трассы, к реке Южный Буг. Её не видно – в этом месте она прорезала гранитные почвы и образовала каньон глубиной 40 метров. Сюда съезжались команды со всей Украины – и на соревнования, и для тренировок – таких высоких скал на Юге Украины, кроме Крыма, больше не было. И уже тогда пошёл слух, что скоро начнётся строительство атомной станции, а каньон перегородит плотина. Так и случилось, через 7 лет я узнал, что начала свою работу Южно-Украинская АЭС – именно в этом месте.

А пока на берегу Буга стояли три десятка палаток, горели костры, пахло едой. Мы также расположились здесь. Вечером – большой костёр, песни под гитару – до полуночи, остальная часть ночи – на сон, утром вновь соревнования.

Соревнования по горной технике включали в себя этапы: подъём по стене (стены реально отвесные) на 40 метров командой из 4-х человек, две связки по 2, с рюкзаками по ограниченному маршруту (ленточки на скале) и спуск по верёвке вниз, на время. А вот как команда будет проходить этот этап, команда заявляет заранее, и соответствие плана и реального прохождения судится. Чем больше отклонение от плана, тем хуже.

Ещё было наведение навесной переправы – через Южный Буг, а это 60 метров бурной реки. Команд было много, шли на этапе медленно, пара команд уже в темноте уходила с финиша. А утром по командам шли ребята с вопросом:

– Нет ли у вас запасных штанов?

Ответом было:

– А ваши где?

Ребята, смеясь, говорили:

– Да вон, под деревьями стоят.

И это была правда, штаны точно стояли, их носили как доски, под мышками.

В начале октября даже на юге Украины ночью был лёгкий мороз, и все мокрые вещи замерзли.

А на пару команд запасных штанов не оказалось.

Ещё один этап – спасательные работы. Это самый сложный этап – надо поднять участника (условно пострадавшего) снизу на высоту 40 метров, со страховкой и сопровождающими. Затем в подвесной системе спустить его на землю. Узнаёте?

Это как раз то, что сейчас делают дети (и взрослые) на соревнованиях МЧС. Только в то время это было большой редкостью, да и условия более жёсткие – высота скал 40 метров и ширина реки 60 метров. Это почти реальные, жизненные условия, а не их имитация. Я смотрел эти соревнования и учился – пока на чужом примере. Позже я в них участвовал сам, в разных видах – участником со студентами, а позже тренером и организатором – со школьниками.

В октябре 1979 групп в Крым у меня не было, и я, не желая пропускать ноябрьские праздники, захотел посмотреть другие места и нашёл в городском клубе группу под руководством Михаила Бабича – на Северный Кавказ, от Горячего Ключа, недалеко от Туапсе, до Геленджика (на Чёрном море). Район, ещё неизвестный для Запорожья. И стал тренироваться с ними, т.е. приезжал со своими ребятами, тренировался, затем подходил к Бабичу с группой и обговаривал все вопросы подготовки к походу. Всего нас получилось 8 человек, но сейчас я их вспомнить не могу – не осталось ничего – ни имён и фамилий, ни фотографий. Но остались впечатления – это получилось довольно необычное путешествие.

А пока я учился в институте. Вдруг объявляют субботник, утром в воскресенье. Я куратору говорю:

– Я не смогу, у меня важная тренировка.

А она отвечает:

– Нельзя пропускать, надо всем быть!

Ладно, я дисциплинированный, пришёл на этот субботник, как говорили, к 9 часам. Студенты есть, а руководства нет, да и не все студенты пришли. Проходит час – народ толпится, а никого нет. Ещё через полчаса я плюнул, послал подалеке наше руководящее разгильдяйство и наплевательское отношение к людям и поехал на тренировку. И уже через два дня меня вызвал зам. декана и отозвал своё решение на отпуск меня в поход. Но через неделю, в праздники, мы уехали на Кавказ, поездом, через Синельниково.

После моего возвращения из похода на доске объявлений появился приказ о лишении меня стипендии со следующей сессии (на 2 месяца). Чувствительно, но не смертельно, я посчитал это своим вкладом в борьбу с неорганизованностью руководства, как часто было тогда, и осталось сегодня. А на приказе появилась надпись: «Не в деньгах счастье!» – и, клянусь, не моей рукой, но на 100 % я был с ней согласен. Удовольствия от похода я получил больше!

Мы готовились к довольно тёплой погоде, но, когда вышли в Горячем Ключе (это станция на железной дороге по пути от Краснодара к Туапсе, в горах), то почувствовали холод. Случайно, в этом году на всём Северном Кавказе был мороз, ночью до – 100 С. Это осложнило наш поход, но ненадолго, наоборот, мы получили опыт, которого у нас не было – ночёвки в палатке при 10 градусах мороза. А пока мы шли по тропе вдоль Кавказского хребта, где горы невысокие, 700-900 метров, заросшие густым лиственным лесом, типа Южного Урала – мне уже было, с чем сравнивать. Я оценил – это был очень хороший поход для начинающих туристов в дополнение к Крыму – на май и на ноябрь.

Ближе к вечеру, идя по кромке леса, недалеко от станции Пятигорской, видим море грибов – но стеклянных, твёрдых, аж звенят – белые, с коричневыми пятнышками на шляпках, с пояском на ножке.

– Что это за грибы? – спрашивали мы друг друга. И никто не знал что это, в Запорожье мало грибов. А тут местный житель идёт навстречу. Задаём ему тот же вопрос:

- Что это за грибы такие?
- Печерица. – отвечает он.
- А они съедобные? – спрашивают вечно голодные туристы.
- Конечно съедобные. – ответил прохожий.

Мы и набрали два котелка этих грибов. Твёрдых, стеклянных – сильно резко ударил мороз, помыли, порезали и стали варить, как и обычные грибы.

Группа была возрастом около 40 лет – все, кроме одной более молодой девушки – лет 25-ти, и меня – 20 лет.

Старшие как-то с недоверием смотрели, как мы готовим это варево – но цвет, вкус и запах соответствовали нормам, даже вкусно было. Поев, стали ложиться в палатки – я и девушка и пара мужиков. А вокруг холодно, мороз, хотя снега нет. Коврики у всех самодельные, короткие, 150 см, и ноги лежат на земле, хоть и в спальнике, но мёрзнут.

И тут я сделал то, что потом рекомендовал, предлагал, советовал всем – положить под ноги рюкзак – он всё равно пустой лежит. Но мы пошли ещё дальше – вдвоём сунули ноги в рюкзак и завязали его – стало значительно теплее и я уснул. Просыпаюсь ночью от того, что сосед крутится, что-то ворчит, не спит. Затем он посмотрел на часы, сказал:

- Всё, три часа прошло... и тут же уснул.

Утром мы узнали у него, что это было. Оказалось, он сильно не доверял грибам, очень боялся, что ему станет плохо. Кто-то ему сказал, что должно пройти три часа, чтобы это почувствовать. Вот он и не спал, ждал нужного момента, чтобы или уснуть, или спастись...

Но плохо никому не стало, мы спокойно съели завтрак (но уже не грибы, их больше не было) и лишь гораздо позже я узнал, что печерица – это местное название обыкновенных шампиньонов, а они очень даже съедобные! Мы проверили это на себе, и не раз.

Маршрут несложный – в основном, по дорогам, лесным, лишь иногда проходящим мимо посёлков – их на маршруте три – станица Пятигорская, село Шабановское и село Холодный родник. Посёлки большие, приходилось их обходить, но сначала зайти и узнать дорогу дальше – хорошей карты не было. Шли, как исследователи 19-го века – иду туда, не знаю куда, но всё записываю. Очень часто дорога шла по горам, лесу, и, хотя горы здесь не очень высокие, идти приходилось напряжённо – времени было мало. От села Холодный родник мы вышли на трассу планового туристского маршрута и пошли по тропе через горы. Вдруг справа видим какое-то каменное сооружение. Подошли к нему – да это же дольмен, известное нам как древнее захоронение, сложенное из огромных каменных плит, размером приблизительно 3х3х3 метра. Плиты толщиной в полметра. А впереди, к тропе – круглое отверстие в плите, говорят, для вылета души. Но мы туда соваться не стали. Тропа привела нас к подъёму на самую высокую точку маршрута, да и всего этого горного района – гору Тхаб, 1000 метров, и подъём на неё оказался самым сложным, утомительным участком нашего пути. Подъём на 1000 метров с высоты 300 метров – это набор тех же 700 метров высоты, но чуть меньше утомительный. Чем выше в горах (кислорода больше, дышать легче. Мне, после такого горного лета. Было совсем легко и пришлось помогать девушкам – разгружать их, облегчать.

Но самое интересное началось после нашего прихода в Геленджик. Тогда он был не таким фешенебельным курортом, как сейчас, а обыкновенным городком на море. И уехать из него оказалось трудно – в сторону Туапсе автобусы не ходят, поездов нет – и решили мы ехать домой через Крым, хотя моста через Керченский пролив тоже не было, был паром.

Пришлось ехать сначала до Новороссийска, затем пересадка до станции Крымской, куда мы добрались вечером, а автобус до станции (порта) Кавказ был только утром. Где ночевать в незнакомом городе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.